

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА. ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

Сабуров Е.А. Третьейское разбирательство как способ разрешения правового конфликта 3

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО. КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС. МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

Щелкин П.А. Администрирование адвокатской деятельности в РФ 10

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО. ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО. СЕМЕЙНОЕ ПРАВО. МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

Алешин Д.Ю. Правовая природа обязательных отчислений застройщиков в фонд защиты прав граждан – участников долевого строительства 16

Гуменюк Д.В. Участники и виды проектного финансирования 22

Кубышкин А.И. Признание авторских прав на территории иностранных государств как условие их международного оборота 26

Кузнецов К.И. Некоторые особенности гражданской ответственности субъектов предпринимательских объединений 30

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО. НАЛОГОВОЕ ПРАВО. БЮДЖЕТНОЕ ПРАВО

Колесников Ю.А., Цап М.П. Финансовая деятельность государства как необходимый инструмент реализации функций социального государства: конституционно-правовой аспект 41

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ. УГОЛОВНО- ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Гузов А.С. К вопросу о минимальном возрасте наступления уголовной ответственности 45

Сальников Д.В., Марьенко Д.С. Криминологические аспекты преступления, ответственность за которое предусмотрена п. «Г» ч. 3 ст. 158 УК РФ 49

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Агафонов А.В. Особенности категорийного понятия «земля», как предмета преступления 52

СУДЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ПРОКУРОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Коршунов Ю.А. О возможности изменения порядка пересмотра дел в апелляционных судах общей юрисдикции 58

КРИМИНАЛИСТИКА. СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Аллаберганов А.А. Метод получения из цифровой формы (изображения) историю документа (изменения в пути), с момента от его создания 62

Васильева Н.А. Анализ цифровых платформ в сфере незаконного оборота наркотиков для построения криминалистической характеристики данного вида преступлений 71

Харченко В.Б. Перспективы внедрения блокчейн технологий в судебную экспертизу 77

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО. АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

Волочковская М.А. Законодательная основа института высших должностных лиц субъектов РФ 80

Ольм М.Ю. Нормативное правовое регулирование деятельности государственных субъектов охраны общественного порядка на массовых мероприятиях (по результатам исследования в период проведения XXIX Всемирной зимней универсиады 2019 года в г. Красноярске) 84

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС. АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

Анищенко В.Г. Процедура мирового примирения – новелла российского права 89

Перепелова К.А. Третьи лица в исполнительном производстве 94

Учредитель: ООО «Издательство КНОРУС»

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС 77-74313 выдано 23.11.2018
ISSN 2220-5500

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
E-mail: jur-science@mail.ru Сайт: www.jurnauka.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Ашмарина Елена Михайловна, д-р юрид. наук, проф., Российский государственный университет правосудия; **Багреева Елена Геннадиевна**, д-р юрид. наук, проф., Финансовый университет при Правительстве РФ; **Барабанова Светлана Васильевна**, д-р юрид. наук, доц., Казанский национальный исследовательский технологический университет; **Бирюков Павел Николаевич**, д-р юрид. наук, проф., Воронежский государственный университет; **Галушкин Александр Александрович**, кандидат юридических наук, доц., Академик РАН, Российская академия естественных наук; **Казачкова Земфира Мухарбиевна**, д-р юрид. наук, проф., Всероссийский государственный университет юстиции; **Калининченко Пауль Алексеевич**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Кожанков Антон Юрьевич**, кандидат юридических наук, Московский государственный институт международных отношений (университет); **Липатов Эдуард Георгиевич**, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Малько Александр Васильевич**, д-р юрид. наук, проф., Институт государства и права РАН; **Мамитова Наталия Викторовна**, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Махтаев Махтай Шапиевич**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова; **Мещерякова Ольга Михайловна**, д-р юрид. наук, доц., Российский университет дружбы народов; **Мордовец Александр Сергеевич**, д-р юрид. наук, проф., Всероссийский государственный университет юстиции; **Пашенцев Дмитрий Алексеевич**, д-р юрид. наук, проф., Московский городской педагогический университет; **Рузакова Ольга Александровна**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный институт международных отношений (университет); **Сангаджиев Багда Владимиревич**, д-р юрид. наук, доц., Российский университет дружбы народов; **Степанян Армен Жоресович**, кандидат юридических наук, доц., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Цареградская Юлия Константиновна**, д-р юрид. наук, доц., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Чаннов Сергей Евгеньевич**, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Четвериков Артем Олегович**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Чихладзе Леван Теймуразович**, д-р юрид. наук, проф., Российский университет дружбы народов; **Шохин Сергей Олегович**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный институт международных отношений (университет); **Шукина Татьяна Владимировна**, д-р юрид. наук, доц., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Павликов Сергей Герасимович**, д-р юрид. наук, проф., Департамента правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет при Президенте РФ; **Скитович Виктор Викторович**, доктор юридических наук, проф., проф. кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова»; **Шагиева Розалина Васильевна**, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Джинджолия Рауль Сергеевич**, д-р юрид. наук, проф., Российский новый университет; **Стойко Николай Геннадьевич**, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры уголовного процесса и криминалистики, Санкт-Петербургский государственный университет;

Главный редактор:
Кашкин Сергей Юрьевич, доктор юридических наук, профессор
Заместитель главного редактора:
Корвяковский Денис Геннадьевич, канд. юрид. наук, доц.

Отпечатано в типографии ООО «Русайнс»,
117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
Тираж 300 экз. Подписано в печать: 28.02.2020
Цена свободная

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию

TABLE OF CONTENTS

THEORY AND HISTORY OF LAW AND STATE. HISTORY OF THE TEACHINGS OF LAW AND THE STATE

Saburov E.A. Arbitration as a way to resolve a legal conflict 3

CONSTITUTIONAL LAW. CONSTITUTIONAL LITIGATION. MUNICIPAL LAW

Delkin P.A. Administration of legal activity in the Russian Federation 10

CIVIL LAW. BUSINESS LAW. FAMILY LAW.

PRIVATE INTERNATIONAL LAW

Aleshin D.Y. Legal nature of mandatory payments from developers to the foundation for the protection of the rights of participants of shared construction 16

Gumenyuk D.V. Participants and Types of Project Finance 22

Kubyshekin A.I. Recognition of copyrights in the territory of foreign states as a condition of their international circulation 26

Kuznetsov K.I. Some features of civil liability of subjects of business associations 30

FINANCIAL RIGHT. TAX LAW. BUDGET LAW

Kolesnikov Y.A., Tsap M.P. The financial activity of the state as a necessary instrument for the realization of the functions of the welfare state: constitutional legal aspect 41

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY. EXECUTIVE PENAL LAW

Guzov A.S. To the question of minimum aging of criminal responsibility 45

Salnikov D.V., Marenko D.S. Criminological aspects of the crime under paragraph «G» part 3 of article 158 of the Criminal Code 49

CRIMINAL PROCESS

Agafonov A.V. Features of the categorical concept of “land” as an object of crime 52

JUDICIAL ACTIVITY. PROSECUTORIAL ACTIVITY. HUMAN RIGHTS AND LAW ENFORCEMENT

Korshunov Y.A. About the possibility of changing the revision order cases in the general jurisdiction court of appeals 58

FORENSICS. FORENSIC ACTIVITY. OPERATIONAL-SEARCH ACTIVITY

Allaberganov A.A. Method of obtaining from digital form (images) history of the document (changes in the way), from its creation from its creation 62

Vasilieva N.A. Analysis of digital platforms in the sphere of illegal drug trade for making up the forensic characteristic of such crimes 71

Kharchenko V.B. Prospects for the introduction of blockchain technologies into forensic expertise 77

ADMINISTRATIVE LAW. ADMINISTRATIVE PROCESS

Volochkovskaya M.A. Legislative basis of the institute top officials of the subjects of the Russian Federation 80

Olm M.Y. Normative legal regulation of activities of the state entities protecting public order at public events (according to the results of the study conducted during the XXIX World winter universiade 2019 in Krasnoyarsk) 84

CIVIL PROCESS. ARBITRATION PROCESS

Anishchenko V.G. The procedure of world reconciliation – a short story of Russian law 89

Perepelova K.A. Third parties in enforcement proceedings 94

Третейское разбирательство как способ разрешения правового конфликта

Сабуров Евгений Андреевич,

аспирант, Автономная некоммерческая организация высшего образования «Гуманитарный университет», кафедра теории государства и права
E-mail: bm.bm.14@mail.ru

В статье представлен анализ правовой природы третейского разбирательства как альтернативного способа разрешения правовых конфликтов. Проанализированы и оценены итоги правовой реформы третейского суда и третейского разбирательства в России, отмечена необходимость повышения доверия сторон правового конфликта к третейским судам и арбитражу. В статье затронуты проблемы арбитрабельности правовых конфликтов, которые могут быть рассмотрены и разрешены указанными негосударственными судами. Поставлена проблема об отнесении отдельных видов юридических споров публичного характера к компетенции третейских судов и арбитражей (с учетом положительного и отрицательного опыта в данном направлении зарубежных государств).

Ключевые слова: правовой конфликт, третейское разбирательство, третейский суд, третейский арбитраж, арбитрабельность, судопроизводство.

В рамках реформирования российской судебной системы, снижения на них нагрузки по рассмотрению и разрешению определенных юридических конфликтов в Российской Федерации в начале XXI века с учетом зарубежного опыта был поднят актуальный вопрос о развитии альтернативных способов урегулирования возникших споров правового характера.

На первоначальном этапе развития альтернативных форм разбирательства дел в судах наибольшую популярность и востребованность в современной России получили третейские суды. Согласно материалам Всероссийской переписи третейских судов по состоянию на 30.09.2014 года в 73 субъектах Российской Федерации действовало 389 третейских судов [1]. В результате глобальной российской реформы, проведенной в России в период с 2015 по 2017 г.г. и направленной на установление более жестких требований к их созданию и функционированию третейских судов, всего четыре из них продолжили свою деятельность на 01 ноября 2017 года [2]. В сложившихся условиях участники рынка заговорили о «вымирании третейского судопроизводства в России» [3].

В отличие от иных альтернативных форм разбирательства гражданских дел (прежде всего, медиации и судебного примирения), правовое регулирование третейского разбирательства в России и его применение на практике осуществляется с дореволюционного периода [4, с. 26].

Следует отметить, что для советского периода развития российского законодательства институт третейских судов был чужд в силу сложившейся в данный период плановой государственной экономики, основанной на господстве государственной собственности и монополии государства в области производства товаров, выполнения работ и оказания услуг. Для разрешения возникавших в тот период юридических споров между хозяйствующими субъектами достаточно было инструментария в форме государственного арбитража. Советское государство, по сути, не нуждалось в альтернативных формах разрешения хозяйственных споров. В тоже время, несмотря на свою нейтральную позицию и отношение к третейским судам, в указанный период (в 1961 году) СССР ратифицировал Европейскую конвенцию о внешнеторговом арбитраже [5]. Именно данную дату в научной литературе считают отправной точкой развития системы третейских судов в России [6, с. 49].

Действенный механизм их правового регулирования в рамках советского законодательства, определивший бы третейское разбирательство как самостоятельный правовой институт гражданского процесса, так и не был сформирован. В отсутствие проработанной правовой основы создания и функционирования третейские суды в СССР все же образовывались, процедура рассмотрения споров проводилась на основании ГПК РСФСР 1964 г. [7]. При разрешении споров третейские судьи руководствовались гражданским законодательством и множеством ведомственных нормативных актов.

Переход к рыночной экономике, основанной на частной собственности и свободе предпринимательской деятельности, активной инвестиционной политике послужил предпосылкой к пересмотру новым государством своего отношения к развитию в современной России института эффективных альтернативных форм разрешения юридических конфликтов, прежде всего, между субъектами предпринимательства. «Иностранные инвесторы не единожды заявляли о том, что их не устраивает система разрешения коммерческих споров, которые в России рассматривает Государственный арбитраж. Поэтому, зная о преимуществах третейских судов, иностранные партнеры ставят обязательное условие – рассмотрение споров в арбитражах своих стран» [4, с. 27].

В конце 80-х – начале 90-х годов третейские суды стали востребованной формой рассмотрения и разрешения юридических споров, альтернативной государственному арбитражу. После формирования нового социально-правового пространства в 1991 году в российском обществе появилась потребность законодательного урегулирования деятельности третейских судов, которых, как отмечают исследователи, в 1992–1993 годах насчитывалось более 4002. Это примерно в пять раз превышало количество государственных арбитражных судов [8, с. 180].

В результате в 90-е годы в рамках регулирования правового положения третейских судов и особенностей третейского разбирательства были приняты следующие правовые акты: «Временное положение о третейском суде для разрешения экономических споров» (1992) [9] и Закон Российской Федерации от 7 июля 1993 г. № 5338–1 «О международном коммерческом арбитраже» [10]. В целом, правовое регулирование третейского разбирательства в Российской Федерации осуществлялось нормами действовавшего в тот период гражданского и арбитражного процессуального законодательства. Для разрешения гражданских споров было подготовлено «Положение о третейском суде», которое вышло в форме приложения № 3 к Гражданско-процессуальному кодексу РСФСР. Российский законодатель в основу правового регулирования статуса третейских судов, определения механизма их формирования и функционирования заложил принципы диспозитивности и свободы, предоставив возможность участникам пра-

воотношений самостоятельно создавать модель третейского разбирательства. Данная тенденция соответствует частно-правовым началам отраслей гражданского блока (гражданского, гражданского процессуального и арбитражного процессуального права).

В начале XXI в. (2002 г.) в России был принят и введен в действие Федеральный закон № 102-ФЗ «О третейских судах в Российской Федерации» [11]. Промежуточные результаты реализации данного федерального закона в научной литературе получили неоднозначную оценку. Так, М.П. Кушарова отмечает, что «коммерческий арбитраж зарекомендовал себя как надежный и эффективный способ решения споров с минимальной затратой времени и средств. Третейские суды выполняют не только свою основную функцию как альтернатива государственным судам в решении экономических споров, но и играют важную роль в формировании ответственности в сфере договорных отношений» [6, с. 49]. По мнению А.В. Герасимова и Д.В. Данилова, «...за достаточно короткий срок третейское разбирательство стало одним из наиболее популярных и эффективных альтернативных способов разрешения гражданско-правовых споров» [12, с. 256].

В то же время отдельные авторы указывали, что нормы действующего федерального законодательства о третейских судах не отвечают запросам действительности, и сам суд рассматривается как инструмент злоупотребления своими правами со стороны крупных хозяйствующих субъектов при разрешении возникающих юридических конфликтов [13, с. 52].

О заинтересованности российского государства в развитии третейского разбирательства было отмечено в Послании Президента Российской Федерации Федеральному собранию Российской Федерации в 2013 году [14]. В данном нормативном акте государственного стратегического значения, определяющем основные направления законодательной деятельности федерального парламента, В.В. Путин поднял вопрос о необходимости совершенствования системы третейского разбирательства при активном участии в этом процессе представителей бизнес-сообщества: Российского союза промышленников и предпринимателей и Торгово-промышленной палаты.

Во исполнение поручения Президента Российской Федерации работа по совершенствованию законодательства об альтернативных способах разрешения хозяйственных споров проводилась в течение трёх лет. В результате был принят Федеральный закон от 29.12.2015 № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации», вступивший в силу с 1 сентября 2016 г [15] и действующий по настоящее время.

Цель совершенствования российского законодательства о третейском разбирательстве заключалась в установлении соответствия российских третейских судов мировым стандартам, в снижении нагрузки по рассмотрению хозяйственных

споров на государственные арбитражные суды, в устранении образования так называемых «карманных» третейских судов – третейских судов, аффилированных с одним из участников разбирательства (коммерческой организацией) [16, с. 62].

В результате такой кардинальной реформы система третейских судов значительно модернизировалась. В 2017 году число третейских судов в стране уменьшилось более чем в сто раз. В Министерство юстиции Российской Федерации поступило более 70 заявлений от примерно 40 некоммерческих организаций, на рассмотрении около десятка, полностью завершить оформление смогли только два суда [3].

Проведенная российским государством в период с 2015 г. по 2017 г. реформа правового регулирования образования и функционирования третейских судов получила неоднозначную оценку.

Авторы реформы, прежде всего, в лице Министерства юстиции Российской Федерации подчеркивают, что в результате такого глобального совершенствования законодательства Российской Федерации о третейском разбирательстве сектор российского негосударственного арбитража будет соответствовать мировым стандартам и станет привлекательным для иностранных инвесторов. В своем научном исследовании С.Г. Степурина подчеркнула, что создание сложной процедуры допуска третейских арбитражей к работе будет способствовать повышению уровне доверия субъектов предпринимательства и государственных субъектов к альтернативным способам разрешения юридических конфликтов [17, с. 227].

Нельзя не согласиться с мнением юристов, исследующих данную проблематику и практикующих юристов о том, что «закон существенно изменил концептуальные подходы создания и деятельности третейских судов и на наш взгляд не совсем удачные, снизив активность и ограничив свободу участников хозяйствующих субъектов в их образовании» [17, с. 228].

По мнению К.В. Кирьяновой, «ограничение организационно-правовых форм, при которых могут быть созданы третейские суды до некоммерческих организаций является новеллой, которая противоречит сущности института третейского разбирательства и не способствует развитию третейского разбирательства... Указание только на такие организационно-правовые формы как некоммерческие организации при которых возможно создание третейских судов существенным образом снизит востребованность этого правового института» [18, с. 131]. «Включение государства в механизм создания третейских судов» И. Каса охарактеризовал как регрессивный шаг действующего российского законодательства [19, с. 270]. Ужесточение требований «...поставило колоссальные административные барьеры для «входа» в систему третейских судов», считает И. Атласкирова [20, 5].

Таким образом, инициатива субъектов предпринимательства по созданию третейских судов (уведомительный порядок) была заменена разре-

шительной системой, ограничивающей свободу хозяйствующих субъектов по применению альтернативных форм при рассмотрении юридических споров в сфере предпринимательских отношений. Российское государство, по сути, монополизировало сферу правового регулирования третейских судов и третейского судопроизводства, придав этой системе публичный характер.

В актах Конституционного Суда Российской Федерации также определено соотношение третейского суда и правосудия, подтверждена правомерность обращения частных лиц – на основе автономии воли и права на свободу договора – к третейскому разбирательству в сфере гражданских правоотношений, где допускается разрешение споров посредством общественного саморегулирования, а публичные интересы обеспечиваются законодательными предписаниями, устанавливающими процедуры третейского разбирательства, что предполагает наличие гарантий справедливости и беспристрастности, присущих любому судебному разбирательству. «Практическая значимость рассмотренных доктрин важна для понимания сущности третейского разбирательства, определения места отдельных институтов, выявления основных тенденций совершенствования российского законодательства» [18, с. 132].

Правовое регулирование деятельности третейских судов в России нормами процессуальных кодексов привело к затянувшейся необоснованной дискуссии об отнесении деятельности третейских судов к государственным судебным органам. Думается, что по своей природе третейское разбирательство как альтернативная форма государственным судам не может по своей сути являться государственной, тем самым создавать нездоровую конкуренцию двух государственных судебных систем по рассмотрению и разрешению гражданских споров. Основу современного правового регулирования данных общественных отношений в России составляет рассмотрение правовой природы третейских судов как представителей негосударственной системы регуляторов юридических споров, основанной на принципах добровольности и свободе ее применения участниками гражданских правоотношений.

Сторонники автономной теории указывают, что третейское разбирательство не связано договорными и процессуальными элементами [12, с. 257].

Применение норм гражданского, арбитражного и уголовного процессуального законодательства осуществляется соответствующими государственными судами при осуществлении правосудия по гражданским делам. Третейские суды не входят в государственную судебную систему и при разрешении споров применяют не нормы гражданского (арбитражного) процессуального права, а руководствуются правилами, установленными Положением о третейском суде, либо по соглашению сторон или самим судом.

К сожалению, на современном этапе правового регулирования третейских судов и третейско-

го разбирательства федеральный законодатель отказался от частно-правовых начал (принципов диспозитивности и свободы поведения участников правоотношений), предусмотрев зависимость арбитража (третейского суда) от государства.

С одной стороны, это нарушает природу третейского разбирательства, его свободу и автономность от государства, но, с другой стороны, был прекращен беспредел тех лиц, которые использовали механизмы третейского суда в своих целях, дискредитируя закон и лишая возможности многих людей, организации защитить свои интересы.

Европейское регулирование правового положения третейских судов основано на широком применении диспозитивных норм, что делает страны Западной Европы привлекательными для осуществления арбитража между иностранными компаниями. Европейский законодатель всегда стремился к унификации нормативных правовых актов об арбитраже, а также к увеличению самостоятельности третейских судов.

Таким образом, правовое регулирование в России третейского разбирательства осуществляется только на федеральном уровне, по аналогии с установлением процедуры реализации государственных форм судопроизводства: гражданского, административного, уголовного и конституционного. Процессуальные особенности их реализации определены в федеральных конституционных и федеральных законах, в том числе и кодифицированных актах.

В настоящее время правовую основу образования и функционирования третейских судов в Российской Федерации, а также осуществления третейского разбирательства составляют нормы Федерального закона от 29.12.2015 № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации». Особенности данного вида альтернативного рассмотрения дела также закреплены в следующих процессуальных кодексах: ГПК РФ и АПК РФ. Следует отметить, что особенность применения третейского разбирательства только к спорам частного характера отразилась и на направлениях законотворческой деятельности в данной области. Третейское разбирательство не подлежит регулированию нормами Уголовного процессуального кодекса РФ, Кодекса об административном судопроизводстве РФ, Кодекса РФ об административных правонарушениях РФ, т.к. оно не может быть применено к спорам публичного характера.

Дальнейшие изменения в правовом регулировании деятельности третейских судов должны быть направлены на повышение авторитета и привлекательности третейского разбирательства, в том числе путем отказа от государственно-разрешительной системы образования третейских судов, за счет пересмотра процедуры их формирования и регистрации. Одним из «вечных» объектов правового регулирования является вопрос компетенции третейского арбитража, о том какие вопросы могут быть переданы на рассмотрение

указанному альтернативному государственному суду субъекты (третейскому суду).

Российский законодатель при определении компетенции третейских судов использует, прежде всего, критерий объективной арбитрабельности. При этом предметом третейского разбирательства могут быть только споры, возникающие из гражданского правоотношения. Следовательно, на рассмотрение третейского суда не могут быть переданы споры по делам, возникающим из административных и иных публично-правовых отношений.

Зарубежная практика реализации третейского разбирательства как альтернативной формы охватывает вопросы не только частного характера, но и публичного. Ярким примером является опыт деятельности третейских арбитражей в США, где к предмету рассмотрения и разрешения третейских судов относят дела о банкротстве, споры, вытекающие из антимонопольного законодательства, законодательства о ценных бумагах, патентах, законодательства о рэкете и коррупции, дискриминации на работе.

Таким образом, в настоящее время имеется значительный опыт реализации третейского разбирательства, как в России, так и зарубежных государствах. Базовым понятием при определении широты компетенции третейских судов является термин «арбитрабельность». В законодательстве Российской Федерации его легальное толкование отсутствует, но является предметом доктрины и судебной практики. Думается, что путем обобщения опыта деятельности третейского арбитража и итогов государственного судебного контроля за реализацией третейского судопроизводства в тематическом Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации должны быть установлены критерии определения дел, которые могут быть рассмотрены и разрешены с применением такого вида альтернативного разбирательства.

В настоящее время все больше государств, в том числе и Российская Федерация, склоняется в сторону «окончателности» решения третейского суда, ограничивая количество проверок (например, п. 5 ст. 234, п. 5 ст. 240, п. 3 ст. 245 АПК Российской Федерации). На балансе указанных концепций, как правило, и строится правовое регулирование отношений по контролю за арбитражными решениями. Отыскание и законодательное закрепление оптимального уровня судебного контроля как залог успешного развития арбитража должны осуществляться на основе баланса интересов государства (частично делегировавшего юрисдикционные полномочия), арбитражей (третейских судов) и участников гражданского оборота; баланса, сложившегося в конкретном государстве на данном этапе его развития (разумеется, с учетом перспективы и желания государства привлечь арбитражи на свою территорию).

Думается, что при разработке единого процессуального кодекса (для гражданского и арбитраж-

ного процесса) следует сохранить «ограниченный» вариант государственного судебного контроля за третейским разбирательством.

Стороны, обратившиеся к данному альтернативному способу урегулирования имеющегося юридического конфликта, должны осознавать, что акт третейского суда в части разрешения юридического конфликта по теме спора обжалованию не подлежит.

На основании проведенного исследования можно сделать следующие выводы

В системе способов альтернативного разрешения споров в России третейские суды и третейское разбирательство исторически занимают первое место. Следует отметить, что на протяжении последних тридцати лет федеральный законодатель уделяет внимание их правовому регулированию и дальнейшему продвижению их применения.

Практика показала, что третейское разбирательство как альтернативный способ разрешения юридических споров востребован в большей мере именно в хозяйственной деятельности. Субъекты предпринимательской деятельности нацелены на быстрое, квалифицированное и эффективное рассмотрение конфликтов, с меньшими рисками для их бизнеса.

С 1 сентября 2016 г. вступил в силу Федеральный закон от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации». Он регулирует порядок образования и деятельности третейских судов и постоянно действующих арбитражных учреждений на территории Российской Федерации, а также арбитраж (третейское разбирательство).

В то же время проведенная реформа законодательства РФ о третейском разбирательстве в 2016 году, с одной стороны, была направлена на наведение порядка в этой сфере, но, с другой стороны, оттолкнула участников рынка от активного применения данного альтернативного способа. Это связано с тем, что в рассматриваемом законе появилось революционное положение о том, что постоянно действующие третейские суды создаваться могут только при некоммерческой организации, которая имеет право осуществлять функции постоянного арбитражного учреждения. Не допускается создание одного постоянно действующего арбитражного учреждения одновременно при двух и более некоммерческих организаций.

В настоящее время крупным бизнесом востребованы иностранные третейские арбитражи. На территории Российской Федерации субъекты малого и среднего бизнеса все больше доверяют разрешение своих юридических проблем государственному арбитражу.

Проведенный анализ показал, что действующие третейские арбитражи и третейские суды по своей природе являются негосударственными судебными органами.

Третейский суд, как орган, осуществляющий защиту гражданских прав, но, в то же время, дей-

ствующий на основании частноправовой инициативы самих спорящих сторон, не может быть полностью выведен из сферы государственного контроля. Необходимость такого контроля вполне очевидна даже с учетом наличия принципа невмешательства государства в частные дела. И мировая практика свидетельствует, что третейское разбирательство подвергается такому контролю, хотя и с разной степенью его глубины.

Тем не менее, возникает вопрос о границах вмешательства государства в деятельность третейского суда и формах контроля. Думается, что сложившаяся практика в России ограниченного государственного судебного контроля за деятельностью третейского арбитража положительно зарекомендовала себя, и ее принципы должны быть сохранены и при дальнейшем проведении реформы третейского разбирательства. В противном случае применение данного альтернативного разбирательства на практике при предоставлении государственному судебному органу права на отмену решения третейского суда не имела бы смысла. Разрешение юридического конфликта не ускорялось и не облегчалось, а только затягивалось. Таким образом, дальнейшее реформирование третейского разбирательства должно быть направлено на возврат ему авторитета и востребованности.

Литература

1. Материалы Всероссийской переписи третейских судов на 30.09.2014 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://arbitrage.spb.ru/sud/SPIS OKT S/spisokts.html> (дата обращения 25.11.2019).
2. Федеральный закон от 29.12.2015 № 382-ФЗ (ред. от 27.12.2018) «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 1 (часть I). – Ст. 2; Собрание законодательства РФ. – 2018. – № 53 (часть I). – Ст. 8457.
3. Конец третейской эпохи. По итогам реформы в России осталось четыре арбитражных учреждения [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3455467> (дата обращения 04.12.2019).
4. Кравцов, А.В. Третейские суды в России / А.В. Кравцов // Управленческие науки. – 2014. – № 4. – С. 26–29.
5. Указ Президиума ВС СССР от 14.05.1962 № 67- VI «О ратификации Европейской конвенции о внешнеторговом арбитраже» // Ведомости ВС СССР. – 1962. – № 20. – Ст. 210.
6. Кушарова, М.П. Реформирование третейского судопроизводства/ М.П. Кушарова // Могущество Сибири будет прирастать!?. Сборник докладов международного научного форума «Образование и предпринимательство в Сибири: направления взаимодействия и развитие регионов»: в 4-х томах. – Новосибирск, Издательство: Новосибирский государственный

университет экономики и управления «НИНХ», 2018. – С. 48–51.

7. Гражданский процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 11.06.1964) (ред. от 31.12.2002) // Ведомости ВС РСФСР. – 1964. – № 24. – Ст. 407; Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 1. – Ст. 2 (утратил силу).
8. Алексеева, Т.В. К вопросу об интеграции третейского разбирательства и переговоров как институтов альтернативного разрешения споров в правовую среду современной России / Т.В. Алексеева // Юридическая наука. – 2015. – № 4. – С. 180. – 186.
9. Постановление ВС РФ от 24.06.1992 № 3115–1 (ред. от 16.11.1997) «Об утверждении Временного положения о третейском суде для разрешения экономических споров» // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1992. – № 30. – Ст. 1790 (утратил силу).
10. Закон РФ от 07.07.1993 г. № 5338–I (ред. от 25.12.2018) «О международном коммерческом арбитраже» (вместе с «Положением о Международном коммерческом арбитражном суде при Торгово–промышленной палате Российской Федерации», «Положением о Морской арбитражной комиссии при Торгово–промышленной палате Российской Федерации») // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1993. – № 32. – Ст. 1240; Собрание законодательства РФ. – 2018. – № 53 (часть I). – Ст. 8411.
11. Федеральный закон от 24.07.2002 № 102–ФЗ (ред. от 28.11.2018) «О третейских судах в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3019; Собрание законодательства РФ. – 2018. – № 49 (часть I). – Ст. 7523 (утратил силу).
12. Герасимов, А.В. Проблемные аспекты третейского разбирательства в условиях реформирования гражданского и арбитражного процесса / Д.Б. Данилов // Общество и право. – 2017. – № 2 (60). – С. 256–259.
13. Савченко, М.С. Проблемы института третейского разбирательства в условиях реформирования законодательства о третейских судах / М.С. Савченко, А.С. Грибанова // Научный журнал КубГАУ. – 2015. – № 107(03). – С. 50–59.
14. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 12.12.2013 «Послание Президента РФ Владимира Путина Федеральному Собранию» // Российская газета. – 2013. – № 282. – 13.12.
15. Федеральный закон от 29.12.2015 № 382–ФЗ (ред. от 27.12.2018) «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 1 (часть I). – Ст. 2; Собрание законодательства РФ. – 2018. – № 53 (часть I). – Ст. 8457.
16. Плотников, И.Н. Судебная система России / И.Н. Плотников, А.В. Лесников // Вопросы частного права. Вып.1: сб науч. ст. и тез. сту-

дентов, магистрантов и аспирантов. Новосибирск: [Изд– во НГТУ], 2015. – С. 61–65.

17. Степурина, С.Г. Третейская реформа / С.Г. Степурина // Правоприменение. – 2017. – № 1. – С. 227–231.
18. Кирьянова, К.В. Институт третейского разбирательства в Российской Федерации / К.В. Кирьянова // Юридические науки: проблемы и перспективы: материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Казань, май 2016 г.). – Казань: Бук, 2016. – С. 130–132.
19. Каса, И. Арбитраж (третейский суд): история создания и правовая природа / И. Каса // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2018. – № 2. – Т. 22. – С. 269–288.
20. Атласкирова, И. Будет монополия / И. Атласкирова // ЭЖ–Юрист. – 2017. – № 46. – С. 5.

ARBITRATION AS A WAY TO RESOLVE A LEGAL CONFLICT

Saburov E.A.
Humanities University

The article presents the analysis of the legal nature of arbitration as an alternative way to resolve legal conflicts. Analyzed and evaluated the results of the legal reform of the arbitration court and arbitration proceedings in Russia, noted the need to increase the confidence of the parties to the legal conflict to the arbitration courts and arbitration. The article deals with the problems of arbitrability of legal conflicts that can be considered and resolved by these non-state courts. The problem of attributing certain types of legal disputes of a public nature to the competence of arbitration courts and arbitrations (taking into account the positive and negative experience in this area of foreign countries) is posed.

Keywords: legal conflict, arbitration proceedings, arbitration court, arbitration arbitration, arbitrability, proceedings.

References

1. Materials of the All-Russian Census of Arbitration Courts as of September 30, 2014 [Electronic resource] – Access mode: <http://arbitrage.spb.ru/sud/SPIS OKT S / spisokts. html> (accessed 11.25.2019).
2. Federal Law dated December 29, 2015 No. 382–ФЗ (as amended on December 27, 2018) “On Arbitration (Arbitration) in the Russian Federation” // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2016. – No. 1 (Part I). – Art. 2; Meeting of the legislation of the Russian Federation. – 2018. – No. 53 (part I). – Art. 8457.
3. The end of the arbitration era. Following the results of the reform, four arbitration institutions remained in Russia [Electronic resource] – Access mode: <https://www.kommersant.ru/doc/3455467> (accessed December 4, 2019).
4. Kravtsov, A.V. Arbitration courts in Russia / A.V. Kravtsov // Management Sciences. – 2014. – No. 4. – P. 26–29.
5. Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR dated 05.14.1962 No. 67–VI “On Ratification of the European Convention on Foreign Trade Arbitration” // Vedomosti of the Supreme Soviet of the USSR – 1962. – No. 20. – Art. 210.
6. Kusharova, M.P. Reform of arbitration proceedings / M.P. Kusharova // The power of Siberia will grow!?. Collection of reports of the international scientific forum “Education and Entrepreneurship in Siberia: areas of interaction and regional development”: in 4 volumes. – Novosibirsk, Publisher: Novosibirsk State University of Economics and Management “NINH”, 2018. – P. 48–51.
7. The Civil Procedure Code of the RSFSR (approved by the Supreme Council of the RSFSR 06/11/1964) (as amended on 12/31/2002) // Vedomosti of the Supreme Soviet of the RSFSR. – 1964. – No. 24. – Art. 407; Meeting of the legislation of the Russian Federation. – 2003. – No. 1. – Art. 2 (lost force).

8. Alekseeva, T.V. On the integration of arbitration and negotiations as institutions of alternative dispute resolution in the legal environment of modern Russia / T.V. Alekseeva // *Legal science*. – 2015. – No. 4. – P. 180–186.
9. Decree of the RF Armed Forces of June 24, 1992 No. 3115–1 (as amended on November 16, 1997) “On the Approval of the Provisional Regulation on the Arbitration Court for the Settlement of Economic Disputes” // *Vedomosti SND and Armed Forces of the Russian Federation*. – 1992. – No. 30. – Art. 1790 (lost force).
10. Law of the Russian Federation dated 07.07.1993 No. 5338–I (as amended on 12/25/2018) “On International Commercial Arbitration” (together with the “Regulation on the International Commercial Arbitration Court at the Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation”, “the Regulation on Maritime Arbitration Commission at the Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation”) // *Vedomosti SND and Armed Forces of the Russian Federation*. – 1993. – No. 32. – Art. 1240; Meeting of the legislation of the Russian Federation. – 2018. – No. 53 (part I). – Art. 8411.
11. Federal Law of July 24, 2002 No. 102– FZ (as amended on November 28, 2018) “On Arbitration Courts in the Russian Federation” // *Collected Legislation of the Russian Federation*. – 2002. – No. 30. – Art. 3019; Meeting of the legislation of the Russian Federation. – 2018. – No. 49 (Part I). – Art. 7523 (expired).
12. Gerasimov, A.V. Problematic aspects of arbitration in the context of reforming the civil and arbitration process / DB Danilov // *Society and Law*. – 2017. – No. 2 (60). – P. 256–259.
13. Savchenko, M.S. Problems of the institution of arbitration in the context of reforming the legislation on arbitration courts / M.S. Savchenko, A.S. Gribanova // *Scientific journal KubSAU*. – 2015. – No. 107 (03). – P. 50–59.
14. Message from the President of the Russian Federation to the Federal Assembly dated 12.12.2013 “Message from the President of the Russian Federation Vladimir Putin to the Federal Assembly” // *Rossiyskaya Gazeta*. – 2013. – No. 282. – 13.12.
15. Federal Law dated December 29, 2015 No. 382– ФЗ (as amended on December 27, 2018) “On Arbitration (Arbitration) in the Russian Federation” // *Collected Legislation of the Russian Federation*. – 2016. – No. 1 (Part I). – Art. 2; Meeting of the legislation of the Russian Federation. – 2018. – No. 53 (part I). – Art. 8457.
16. Plotnikov, I.N. The judicial system of Russia / I.N. Plotnikov, A.V. Lesnikov // *Issues of private law. Issue 1: Sat. Art. and thesis. undergraduate and graduate students*. Novosibirsk: [Publishing house of NSTU], 2015. – P. 61–65.
17. Stepurina, S.G. Arbitration reform / S.G. Stepurina // *Law Enforcement*. – 2017. – No. 1. – P. 227–231.
18. Kiryanova, K.V. Institute of Arbitration in the Russian Federation / K.V. Kiryanova // *Jurisprudence: problems and prospects: materials of the IV Intern. scientific conf. (Kazan, May 2016)*. – Kazan: Buk, 2016. – P. 130–132.
19. Casa, I. Arbitration (arbitration court): the history of creation and legal nature / I. Casa // *Bulletin of the Peoples’ Friendship University of Russia. Series: Jurisprudence*. – 2018. – No. 2. – T.22. – P. 269–288.
20. Atlaskirova, I. There will be a monopoly / I. Atlaskirova // *EJ–Lawyer*. – 2017. – No. 46. – P. 5.

Администрирование адвокатской деятельности в РФ

Щелкин Петр Алексеевич,

аспирант Санкт-Петербургского государственного
экономического университета,
кафедра конституционного и административного права
E-mail: Urist-789@yandex.ru

В статье производится анализ влияния государства на институт адвокатуры в РФ. Проводя сравнительный анализ форм и степени указанного влияния в России и странах являющихся наиболее яркими представителями как англо-саксонской, так и романо-германской правовых систем, автор приходит к выводу о недостаточном обеспечении в РФ баланса между влиянием на адвокатское сообщество со стороны государства и обеспечения его прав.

Ключевые слова: адвокатура, адвокатское сообщество, квалифицированная юридическая помощь, конституционное право, влияние государства, обеспечение баланса.

Введение

Статья 48 Конституции РФ гарантирует каждому гражданину или иному лицу, находящемуся на территории России право на квалифицированное юридическое обслуживание, которое по мере необходимости может оказываться бесплатно [1; ст. 48]. При этом, единственным правовым институтом обязанным оказывать юридическую помощь на территории РФ является адвокатура. Исследуя формы и степень влияния государства на адвокатское сообщество, а так же проводя сравнительный анализ администрирования адвокатской деятельности в РФ и иных странах, автор выявляет недостатки правовых инструментов, обеспечивающих взаимодействие государственных органов и адвокатуры, а так же предлагает способы их устранения.

ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» был принят, спустя более чем восемь лет после принятия Конституции РФ. Указанный закон пришёл на смену принятому в 1980 году Закону РСФСР «Об утверждении Положения об адвокатуре РСФСР» и стал (пусть и запоздалым) прорывом в истории Российской адвокатуры. Отражая в себе демократический настрой общества, Закон в значительной степени ограничил возможность вмешательства государства в деятельность адвокатского сообщества, в нём отсутствуют положения о государственном руководстве адвокатурой и прямо указывается на то, что её деятельность должна быть основана на принципах законности, корпоративного самоуправления и независимости адвокатов. Согласно позиции выраженной на 8-м Всероссийском съезде адвокатов в апреле 2017, независимость адвокатуры РФ в настоящее время отвечает и во многом превосходит общепринятые мировые стандарты. [2] Однако, как показывает мировая практика, говорить о полном отсутствии влияния государства на адвокатуру не возможно.

Действительно согласно ч. 1 ст. 48 Конституции РФ «Каждому гарантируется право на получение **квалифицированной** юридической помощи. В случаях, предусмотренных законом, юридическая помощь оказывается бесплатно.» [ч. 1; ст. 48; 1], иными словами государство гарантирует, что предоставляемая гражданам юридическая помощь будет квалифицированной и по необходимости бесплатной. Следовательно, государство обязуется осуществлять контроль, за профес-

сиональной квалификацией адвокатов, а так же по необходимости оплачивать их деятельность. И то и другое подразумевает определённые рычаги воздействия на адвокатуру. Необходимо так же отметить, что в отличии от Конституции СССР 1977 года согласно которой «Для оказания юридической помощи гражданам и организациям действуют коллегии адвокатов.» [ст. 161;3] ныне действующая конституция РФ позволяет осуществлять юридическую помощь гражданам не только адвокатским образованиям, но и любым иным гражданским правовым институтам, что так же в значительной степени влияет на профессиональную деятельность адвокатского сообщества.

По мнению автора, государство имеет четыре рычага воздействия на адвокатское сообщество, а именно влияние через:

- монополию на введение (изменение) правовых норм обеспечивающих деятельность адвокатуры;
- прямое влияние на кадровый состав адвокатуры – вхождение государственных чиновников в органы, имеющие возможность предоставления либо лишения статуса адвоката;
- определение порядка и объёма материального вознаграждения адвокатов работающих «по назначению»;
- определение порядка работ иных правовых институтов.

Рассмотрим более подробно каждый из этих рычагов влияния.

Как известно порядок деятельности адвокатуры в РФ определяется Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31.05.2002 № 63-ФЗ. При этом, адвокатское сообщество лишено права участвовать в создании правовых норм регулирующих его деятельность, в результате указанные нормы создаваемые людьми далёкими от реалий труда адвокатов зачастую препятствуют нормальному развитию адвокатуры. В качестве примера, можно привести положение ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», согласно которому: «Лицо, статус адвоката которого прекращен по основаниям, предусмотренным подпунктом 4 пункта 1 и подпунктами 1, 2 и 2.1 пункта 2 настоящей статьи, не вправе быть представителем в суде, за исключением случаев участия его в процессе в качестве законного представителя.» Иными словами, в случае лишения адвоката его статуса по указанным причинам, он пожизненно лишается права осуществлять профессиональную деятельность. Даже если оставить за скобками сам факт правомерности пожизненного лишения «права на профессию», в указанной правовой норме явно прослеживается дискриминация адвокатов по отношению к иным лицам осуществляющим профессиональную юридическую деятельность. Автор полагает, что вступление в силу указанных поправок вызовет резкое сокращение адвокатского сообщества в России.

Исходя из вышеизложенного можно сделать вывод о том, что любые изменения законодательства в РФ касающиеся деятельности адвокатуры должны приниматься только после их согласования с адвокатским сообществом, причём голос последнего не должен быть совещательным, помимо этого, полагается необходимым предоставить ФПА РФ право законодательной инициативы в вопросах касающихся адвокатской деятельности.

Как уже говорилось выше, ещё одним из рычагов воздействия государства на адвокатуру является возможность его прямого воздействия на кадровый состав.

В РФ, влияние на кадровый состав адвокатского сообщества, государство может оказать, в частности, через квалификационные комиссии, в которые помимо адвокатов входят представители государственной власти (судьи, представители территориального органа юстиции и законодательного органа субъекта). [ч. 2; ст. 33;4]. Роль этих комиссий достаточно велика, так как они принимают квалификационные экзамены у лиц, претендующих на присвоение статуса адвоката, а также рассматривают жалобы на действия (бездействие) адвокатов. Помимо этого следует отметить, что в случае если у территориального органа юстиции имеются сведения об обстоятельствах, которые могут являться основаниями для прекращения адвокатского статуса, указанный орган направляет представление в адвокатскую палату, и если совет палаты в установленный законом срок (три месяца) не рассмотрит данное представление, территориальный орган вправе напрямую обратиться в суд с заявлением о лишении лица адвокатского статуса [ч. 6 ст. 17;4]. При этом, в случае отказа адвокатской палаты в удовлетворении представления, территориальный орган может обжаловать его в суд [ч. 5 ст. 17;4]. Иными словами, органы юстиции могут при определённых обстоятельствах по решению суда прекращать адвокатский статус. Однако, согласно данным ФПА РФ в 2017 году, адвокатский статус прекращён только у 367 человек (что при общем количестве зарегистрированных на 2017 г. в РФ – 75387 адвокатов составляет 0,49%), в том числе по представлениям территориальных органов юстиции – 27 (2016 г. – 20)(0,026% от общего числа адвокатов РФ) [5].

Исходя из вышеизложенного, автор считает, что используемые в РФ разрешительные меры государственного воздействия на получение адвокатского статуса, а так же воздействие путём направления представлений территориальными органами нельзя считать чрезмерными. Тем не менее, в настоящее время, квалификационный экзамен, который необходимо пройти претенденту на адвокатский статус состоит из письменных ответов на вопросы (тестирование) и устного собеседования [ч. 2 ст. 11;4], а следовательно существует возможность как необъективной оценки знаний претендента членами комиссии, так и вероятность не допуска в адвокатское сообщество «неудобных»

для членов квалификационной комиссии лиц. Для устранения влияния указанных факторов при сдаче квалификационного экзамена, в Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» были внесены поправки, согласно которым письменное тестирование при сдаче квалификационного экзамена на получение статуса адвоката будет проходить с применением автоматизированной системы, обеспечивающей анонимность претендентов при прохождении тестирования. [п. 1.ст.1;6] (вступает в законную силу 1 марта 2022 года). Данная новелла не может не радовать однако, предполагается, что при сдаче квалификационного экзамена на присвоение статуса адвоката для полного устранения зависимости субъективного отношения членов комиссии к личности конкретного претендента, необходимо так же заменить и устную часть квалификационного экзамена на обезличенную письменную при которой, экзаменуемому присваивается порядковый номер, не дающий возможности его идентифицировать вплоть до получения оценки. При этом дополнительные вопросы могут задаваться экзаменуемому, так же в письменном виде в режиме *on the line* при отсутствии визуального контакта с экзаменаторами.

Логично предположить, что гарантируя гражданам (либо иным лицам находящимся на территории РФ) в случаях предусмотренных законом, бесплатное оказание юридической помощи [ст. 48;2], государство берёт на себя ответственность за оплату предоставленных юридических услуг. При этом, адвокатура является единственным правовым институтом в РФ, обязанным оказывать указанную помощь на условиях определяемых законом (т.е. по цене назначенной и выплачиваемой государством в безальтернативном порядке).

До недавнего времени вознаграждение, получаемое адвокатом за работу «по назначению» было настолько незначительным, что не всегда покрывало даже расходы адвоката по ведению дела (транспорт, почтовые направления и т.д.). При этом, обязанность адвоката участвовать в крайне низкооплачиваемых делах «по назначению» в значительной степени снижала привлекательность адвокатского статуса. Для устранения указанной проблемы было вынесено Постановление Правительства РФ от 21.05.2019 № 634 «О внесении изменений в Положение о возмещении процессуальных издержек, связанных с производством по уголовному делу, издержек в связи с рассмотрением дела арбитражным судом, гражданского дела, административного дела, а также расходов в связи с выполнением требований Конституционного Суда Российской Федерации», согласно которому была произведена некоторая повышение оплаты труда адвокатов.

Однако, не смотря на повышение рабочих ставок, а так же на то, что указанное постановление, по сути, впервые в истории адвокатуры РФ пытается (пусть и несколько неуклюже) дифференцировать оплату труда адвоката в зависимости

от его сложности, тем не менее, необходимо отметить, что даже в случае оплаты в рамках нового Положения она остаётся крайне низкой. Помимо этого в значительной степени сохраняется фактическая зависимость размера оплаты, труда адвоката от её оценки следователем (дознавателем) или судом, т.е. указанная система оплаты так же ставит адвоката в зависимость от указанных лиц.

В связи с этим кажется необходимым вынесение правовых норм определяющих размер адвокатского вознаграждения с обязательным участием представителей адвокатского сообщества и опубликованием мотивировки используемой при расчётах, а так же введение специальных формул для расчёта вознаграждения адвоката, способствующих более значительному дифференцированию сумм оплаты в зависимости от специфики конкретных дел.

Ещё одним способом влияния государства на институт адвокатуры, является определение им порядка работ иных правовых институтов. Рассмотрим, кто имеет право осуществления профессиональной юридической деятельности, в странах наиболее ярко представляющие англосаксонскую и романо-германскую правовые системы.

В Великобритании, которая является основателем англосаксонской правовой системы, одной из основных приоритетов является допуск к участию в судебных и досудебных процедурах исключительно профессиональных представителей. При этом получить данный статус достаточно сложно. В частности, для того чтобы стать солиситором, в Великобритании, необходимо получить высшее юридическое образование, после чего надлежит окончить курс профессиональной подготовки в Правовом обществе, а так же два года отработать в качестве стажёра (*undertake a training contract*)[7]. Помимо указанного, согласно Закону «О солиситорах» (*The Solicitors Act*) претендент должен в обязательном порядке являться членом Правового общества (*Law Society*), которое создано в рамках Королевского указа и является самоуправляемым органом.

Для получения статуса барристера претенденту необходимо:

- иметь высшее юридическое образование, в случае если высшее образование получено по иной специальности претенденту необходимо закончить курсы переквалификации (срок один год)
- стать членом одной из саморегулируемых организаций барристеров, всего в Великобритании их четыре (Грейс-инн, Темпл-инн, Линкольн-инн и Темпл-инн) [8]
- отучиться на специальных курсах в течении одного года (очно) или двух лет(заочно), при этом, в процессе обучения необходимо успешно сдать двенадцать квалификационных сессий, после чего претендент официально получает статус барристера

В дальнейшем, в случае если лицо получившее статус барристера хочет заниматься практиче-

ской деятельностью (участвовать в судопроизводстве) ему необходимо пройти годовую стажировку в палате барристеров (либо иной организации с аналогичными полномочиями). Помимо этого в обязанности практикующего барристера входит постоянное повышение своей квалификации – посещение различных профессиональных курсов, научная работа и т.д. Как уже говорилось выше наиболее квалифицированные барристеры могут получить рекомендацию лорда-канцлера на должность «королевского советника» (Queen's Counsel) или иначе говоря адвоката короны.[9]

В США, как и в Великобритании, существует адвокатская монополия на ведение юридической деятельности любого рода, что в определённой степени объясняется сложностью прецедентной правовой системы и крайне высоким уровнем престижа профессии, который в свою очередь формирует высочайший уровень требований к профессиональному юристу. Осуществлять любую юридическую деятельность в США может только лицензированный адвокат. При этом, для получения адвокатского статуса, претендент должен получить высшее юридическое образование (которое в США может быть только вторым) в высшем учебном заведении, имеющем аккредитацию Ассоциации американских юристов (American Bar Association, ABA), сдать квалификационный экзамен (bar examination), а так же быть членом профессионального адвокатского сообщества того или иного штата и иметь допуск к практике предоставляемый тем или иным судом, а так же постоянно повышать свой квалификационный уровень. Однако, даже получив лицензию, адвокат имеет право осуществлять профессиональную деятельность лишь в штате, который её выдал [10]. Помимо этого, в каждом штате существует так называемая адвокатская корпорация (или ассоциация адвокатов), членство в которой является обязательным для всех лиц имеющих допуск к адвокатской практике [С. 216;11]. Из вышеизложенного можно сделать однозначный вывод о том, что для осуществления практической юридической деятельности в США и Великобритании наличие адвокатского статуса является необходимым, причём наличие указанного статуса жёстко контролируется государственными органами.

В качестве государств имеющих наиболее традиционно развитые правовые системы романо-германской группы можно привести Германию и Францию.

Согласно 138-му параграфу УПК ФРГ осуществлять представительство (защиту) в уголовном судопроизводстве может исключительно адвокат или преподаватель права имеющий статус так называемого «полноценного юриста» (Volljurist), за исключением мелких уголовных дел в которых в качестве защитника может выступать иное лицо, но исключительно совместно с «полноценным» юристом. В гражданском судопроизводстве Германии все суды, дела делятся на две категории, к первой относятся суды судопроизводство в ко-

торых, требует обязательного участия адвоката, к ним можно отнести большинство судов общей юрисдикции: земельные суды, высшие земельные суды и Федеральный верховный суд. [Ст. 78;12]. Ко второй категории относятся районные суды, в которых стороны могут представлять свои интересы либо лично, либо через адвоката. Участие в качестве представителей в таких судах иных лиц, возможно только в случаях прямо предусмотренных законом в частности это могут быть: законные представители несовершеннолетних, лица обладающие правом занимать должность судьи, процессуальные соучастники, если представительство не связано с возмездной деятельностью; потребительские центры и другие союзы потребителей, имеющие государственную поддержку, – в случае взыскания по требованиям потребителей в рамках их компетенции [абз. 2 Ст. 79;12]. Для осуществления профессиональной деятельности в Верховном суде по гражданским делам могут быть допущены исключительно адвокаты, имеющие профессиональную лицензию, при этом указанные юристы не имеют права работать в судах имеющих статус ниже федерального. Единственное судопроизводство, которое не требует обязательного представления адвокатом, – административное. Из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что, в Германии по большинству дел, рассматриваемых в судах общей юрисдикции установлена так называемая «адвокатская монополия».

Статус адвоката в Германии может быть получен только после успешной сдачи двух государственных экзаменов [Ст. 138;13]. Помимо этого каждый адвокат должен быть членом коллегии, объединяющей всех адвокатов «приписанных» к тому или иному суду одной из Федеральных земель. Все адвокатские коллегии, в свою очередь, входят в Федеральную палату адвокатов, включающую в свой состав двадцать восемь региональных палат Германии. Управление Федеральной палатой осуществляется через её президиум, а так же через общее собрание. Помимо непосредственного управления Федеральной палатой, указанные органы наделены правом законодательной инициативы путём вынесения рекомендаций и предложений непосредственно в Бундестаг, а так же имеют право проведения консультаций с Парламентом, что с точки зрения автора, даёт возможность отражать в законодательном процессе наиболее насущные проблемы адвокатского сообщества, а так же оптимизирует поиск путей их разрешения.

При этом необходимо отметить, что германская адвокатура находится под достаточно жёстким государственным контролем, который осуществляется министерствами юстиции земель. Представители указанных министерств принимают непосредственное участие в проведении государственного экзамена на статус адвоката разрабатывая экзаменационные программы, составляя билеты и формируя экзаменационную комиссию, поми-

мо этого без их согласия адвокатура не может открыть вторую коллегию на территории определённой «земли».

Правовые нормы Франции так же накладывают значительные ограничения на возможность представительства в судебном процессе.

Согласно ст. 828 ГПК Франции в судопроизводстве суда первой инстанции в качестве представителя помимо адвоката могут принимать участие: супруг стороны, либо лицо с которым у стороны заключён договор на гражданское партнёрство, родственники и свойственники как по прямой так и по боковой линиям до третьей степени родства включительно, а так же лица которые состоят в штате стороны интересы которой они представляют [Ст. 828;14].

При рассмотрении дела в суде большой инстанции согласно ст. 751 ГПК Франции стороны обязаны вести дела через призванных ими адвокатов, в случае если в законе прямо не указано иное. При этом согласно ст. 899 ГПК Франции, в случае если законом прямо не предусмотрено иное участие адвоката в процессе апелляционной инстанции является обязательным. Таким образом, во Франции круг лиц, имеющих право быть представителями, зависит от суда и судебной инстанции, по сути, установлена адвокатская монополия на представительство, в любом суде, а при рассмотрении дел судом большой инстанции, а также при пересмотре судебных постановлений в апелляционном и кассационном порядке, участие адвоката является обязательным. При этом, во Франции приобрести статус адвоката достаточно сложно, стать им может гражданин получивший статус бакалавра во французском высшем учебном заведении либо в университете иной страны, дипломы которой признаются во Франции. Помимо этого претендент должен успешно пройти вступительный экзамен в институте судебных наук при региональном центре профессиональной подготовки (школе адвоката). Обучение в школе адвоката длится два года и включает в себя теоретическую и практическую подготовку, а так же стажировку. В конце обучения претендент в случае успешной сдачи выпускного экзамена получает сертификат адвоката, после чего он приносит присягу в одном из апелляционных судов Франции и вступает в члены одной из региональных ассоциаций адвокатов (которые так же называют орденами). Однако, в связи с тем, что осуществлять непосредственную адвокатскую деятельность претендент может только имея не менее чем восьмилетний стаж работы юрисконсультантом, юристом профсоюзной организации или в суде, как правило, после получения статуса выпускники устраиваются на работу по указанным специальностям и только наработав необходимый стаж становятся полноценными членами адвокатского сообщества [15].

Как видно из вышеперечисленного во всех исследуемых странах, принадлежащих как к англосаксонской, так и к германо-романской правовой

системе к юридической практике допускаются исключительно лица имеющие высшее юридическое образование, сдавшие квалификационный экзамен, прошедших стажировку (в том или ином виде), а так же являющимися членами саморегулируемых организаций и подчиняющихся корпоративным правилам профессиональной этики. При этом, члены таких организаций несут дисциплинарную ответственность за соблюдение ими указанных норм, и могут быть лишены права осуществления профессиональной деятельности в случае совершения дисциплинарных проступков. Указанные меры позволяют лицам, осуществляющим юридическую деятельность соответствовать высокому уровню профессиональных стандартов необходимому для осуществления правосудия в государстве с развитой правовой системой. Как уже говорилось выше в отличии, от Конституции СССР 1977 г. современная конституция РФ позволяет осуществлять юридическую помощь гражданам не только адвокатским образованиям, но и любым иным гражданским правовым институтам, что в значительной степени влияет на развитие адвокатуры в РФ. В частности имея ряд обязательств и ограничений, налагаемых законом (не возможность совмещать адвокатскую деятельность с какой либо иной помимо научной и преподавательской, обязанности оказывать юридическую помощь по назначению органов следствия (дознания) и судов по государственным расценкам которые в разы, а иногда и в десятки раз ниже рыночных, обязанность постоянного повышения своей квалификации, оплаты профессиональных платежей и т.д.) адвокатам крайне трудно выдерживать конкуренцию с лицами, не обременёнными подобными обязательствами, а так же с организациями, привлекающими для ведения юридической деятельности низкоквалифицированные кадры (зачастую не имеющие ни опыта, ни юридического образования), ни несут какой либо моральной ответственности перед своими доверителями, но готовые при этом работать за более низкое вознаграждение. С другой стороны, не имея каких-либо существенных привилегий перед лицами, занимающимися юридической деятельностью без получения адвокатского статуса, молодые юристы лишаются стимула для его получения, а действующие адвокаты (особенно занимающиеся гражданским и административным производством) не имеют мотивации для его сохранения. Автор полагает, что являясь единственным гражданским институтом России обязанным оказывать юридическую помощь гражданам, а так же единственным гражданским правовым институтом, нормы квалификации членов которого определены законом и подлежат проверке, адвокатура должна иметь привилегированное положение на рынке юридических услуг РФ. При этом необходимо добавить, что наличие права определяет наличие обязательств, в связи с чем, должен осуществляться разумный баланс между влиянием которое государство оказывает на адво-

катуру и правами которые оно предоставляет адвокатскому сообществу.

Заключение

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что существующие в настоящее время в РФ правовые инструменты призванные обеспечить администрирование адвокатской деятельности, не позволяют должным образом осуществить баланс между независимостью адвокатуры и необходимым влиянием на неё государственных органов.

Литература

1. Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ) // «Собрание законодательства РФ», 14.04.2014, № 15, ст. 1691,
2. <https://fparf.ru/news/fpa/glavnye-itogi-sezda/> (дата обращения 10.11.2019)
3. Конституция СССР Принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 года // СПС КонсультантПлюс(дата обращения 10.11.2019)
4. Федеральный закон от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» //Собрание законодательства Российской Федерации, 2002, № 23, ст. 2102; 2003, № 44, ст. 4262; 2004, № 35, ст. 3607; № 52 (часть 1), ст. 5267;
5. <https://fparf.ru/news/fpa/statistika-ob-advokature/>. (дата обращения 02.11.2019)
6. Федеральный закон от 2 декабря 2019 г. № 400-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»// СПС КонсультантПлюс(дата обращения 10.11.2019)
7. <https://isfic.info/greatbrit/romanov31.htm> (дата обращения 07.10.2019)
8. Палата: нотариальная и адвокатская (сравнительный анализ) / О.В. Романовская, Г.Б. Романовский) // СПС КонсультантПлюс (дата обращения 07.10.2019)
9. <https://zaochnik.com/spravochnik/psihologija/advokatura-rossii/advokatura-v-velikobritanii/>
10. <https://pravo.ru/interpravo/news/view/124721/>
11. Адвокатская деятельность: Учебно-практическое пособие / Под общ. ред. канд. юрид. наук В.Н. Буробина. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЭКМОС, 2003
12. Гражданское процессуальное уложение Германии (30 января 1877 года) (в редакции от 5 декабря 2005 г. <*> с изменениями и дополнениями, внесенными по июнь 2014 г.) // СПС КонсультантПлюс (дата обращения 17.10.2019)

13. Уголовно-процессуальный кодекс Германии https://pravo.org.ua/files/_%281%29.pdf (дата обращения 07.10.2019)
14. Новый Гражданский процессуальный кодекс Франции / Пер. с франц. В. Захватаев / Предисловие: А. Довгерт, В. Захватаев / Отв. ред. А. Довгерт. – К.,2004.
15. https://studme.org/42136/pravo/organizatsiya_advokatury_frantsii(дата обращения 07.12.2019)

ADMINISTRATION OF LEGAL ACTIVITY IN THE RUSSIAN FEDERATION

Delkin P.A.

Saint-Petersburg State Economic University

The article analyzes the influence of the state on the institution of the bar in the Russian Federation. Conducting a comparative analysis of the forms and extent of this influence in Russia and the countries that are the most prominent representatives of both the Anglo-Saxon and Romano-German legal systems, the author concludes that there is insufficient balance between the influence of the state on the legal community and the protection of its rights in the Russian Federation.

Keywords: advocacy, legal community, qualified legal assistance, constitutional law, state influence, ensuring balance.

References

1. The Constitution of the Russian Federation» (adopted by popular vote 12.12.1993) (as amended, amended Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation from 30.12.2008 № 6ФКЗ, from 30.12.2008 № 7-ФКЗ, from 05.02.2014 No. 2-ФКЗ) // «Collection of legislation of the Russian Federation», 14.04.2014, № 15, article 1691,
2. <https://fparf.ru/news/fpa/glavnye-itogi-sezda/> (accessed 10.11.2019 g)
3. The Constitution of the USSR was Adopted at the extraordinary seventh session of the Supreme Soviet of the USSR of the ninth convocation on October 7, 1977 / / SPS ConsultantPlus (accessed 10.11.2019)
4. Federal law No. 63-FZ of may 31, 2002 «On advocacy and advocacy in the Russian Federation» // Collection of legislation of the Russian Federation, 2002, No. 23, article 2102; 2003, No. 44, article 4262; 2004, No. 35, article 3607; No. 52 (part 1), article 5267;
5. <https://fparf.ru/news/fpa/statistika-ob-advokature/>.(accessed 02.11.2019 g)
6. Federal law of December 2, 2019 № 400-FZ «on amendments to the Federal law» on advocacy and advocacy in the Russian Federation» // SPS ConsultantPlus(accessed 10.11.2019)
7. <https://isfic.info/greatbrit/romanov31.htm> (accessed 07.10.2019 g)
8. Chamber: notary and lawyer (comparative analysis) / O.V. Romanovskaya, G. B. romanovsky) // SPS ConsultantPlus(accessed 07.10.2019)
9. <https://zaochnik.com/spravochnik/psihologija/advokatura-rossii/advokatura-v-velikobritanii/>
10. <https://pravo.ru/interpravo/news/view/124721/>
11. Advocacy: textbook / Under the General editorship of Cand. the faculty of law. Sciences V.N. Burobina. 2nd ed., Rev. and extra M: EK MOS, 2003
12. Civil procedure code of Germany (January 30, 1877) (as amended on December 5, 2005 <*> with amendments and additions made to June 2014) // SPS ConsultantPlus (accessed 17.10.2019)
13. German code of criminal procedure https://pravo.org.ua/files/_%281%29.pdf (accessed 07.10.2019)
14. The new Civil procedure code of France / Ed. FR. V. Savateev / Foreword By A. Dolgert, V. Savateev / Ed. edited by A. Dovgert. – K., 2004.
15. https://studme.org/42136/pravo/organizatsiya_advokatury_frantsii(accessed 07.12.2019 g)

Правовая природа обязательных отчислений застройщиков в фонд защиты прав граждан – участников долевого строительства

Алешин Дмитрий Юрьевич,

аспирант Департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве Российской Федерации,
E-mail: dmitriy574@yandex.ru

Статья посвящена вопросам правовой природы обязательных отчислений застройщиков в Фонд защиты прав участников долевого строительства. Автор анализирует Федеральный закон от 29.07.2017 № 218-ФЗ «О публично-правовой компании по защите прав граждан – участников долевого строительства при несостоятельности (банкротстве) застройщиков и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и практику его применения, взгляды отечественных и зарубежных ученых по вопросу о формировании фондов денежных средств, предназначенных для выполнения общественно-значимых функций, а также сопоставляет институт обязательных отчислений с гражданско-правовыми институтами, обеспечивающими выполнение аналогичной экономической функции.

Ключевые слова: застройщик, Фонд защиты прав участников долевого строительства, обязательные отчисления.

В конце 1990-х – начале 2000-х г.г. в России возник и получил развитие первичный рынок жилья. Совершение сделок на этом рынке было чревато высокими рисками, повсеместно распространилась т.н. практика «двойных продаж», возникали по сути финансово-строительные пирамиды.

Таким образом, принятие Федерального закона от 30.12.2004 № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» [1] (далее – Закон № 214-ФЗ) было объективно обусловлено необходимостью неотложного решения накопившихся проблем. Так, введение государственной регистрации договора участия в долевом строительстве полностью пресекло двойные продажи, сделав ситуацию на рынке более предсказуемой. Тем не менее, при практическом применении Закона № 214-ФЗ был выявлен целый ряд недостатков правового регулирования, породивших проблему т.н. «обманутых дольщиков». Первый этап решения указанной проблемы был связан с созданием ППК «Фонд защиты прав граждан-участников долевого строительства» (далее – Фонд) и возложением на застройщиков обязанности по внесению обязательных отчислений.

Обязанность по внесению обязательных взносов возникла с 20.10.2017 г. (момент государственной регистрации Фонда) и только у застройщиков, представивших на государственную регистрацию договор участия в долевом строительстве с первым участником долевого строительства после этого момента. Иными словами, с 20.10.2017 г. возникло две категории застройщиков, правовое положение которых применительно к обязанности вносить обязательные взносы различно. При этом застройщики, свободные от внесения обязательных взносов, т.е. успевшие вывести на рынок новые объекты до 20.10.2017 г., должны были обеспечить исполнение своих обязательств перед участниками долевого строительства одним из способов, предусмотренных ст. 15.1, 15.2 Закона № 214-ФЗ (в редакции, действовавшей на 20.10.2017 г.), т.е. при условии представления на государственную регистрацию договора страхования гражданской ответственности застройщика за неисполнение или ненадлежащее испол-

нение обязательств по передаче жилого помещения либо договора поручительства банка [5].

Таким образом обеспечение исполнения обязательств застройщиков и защита прав граждан-участников долевого строительства осуществлялась как способами, гражданско-правовая природа которых не вызывает сомнения (залог, поручительство, страхование гражданской ответственности; возмещение убытков, взыскание неустойки), так и новым, неизвестным ранее законодательству о долевом строительстве способом (уплата обязательных отчислений (взносов) в компенсационный фонд).

Данное положение сохранялось до 25.12.2018 г. (даты вступления в силу Федеральный закон от 25.12.2018 № 478-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [3]). С этого момента взносы обязаны уплачивать все застройщики независимо от того был ли договор участия долевого строительства с первым участником зарегистрирован до или после 20.10.2017 г. При этом представлять договор страхования или договор поручительства банка при государственной регистрации договора участия в долевом строительстве более не требовалось. Иными словами, уплата обязательных взносов постепенно полностью вытесняет как страхование, так и поручительство банка, поскольку страховать гражданскую ответственность или заключать договор поручительства с банком, одновременно осуществляя обязательные взносы, для застройщика становится экономически невыгодно.

Однако практика взимания обязательных взносов сама по себе не смогла удовлетворить потребность в денежных средствах, необходимых для завершения строительства проблемных объектов и выплаты возмещения гражданам – участникам долевого строительства.

Начиная с 01.07.2019 г. в Российской Федерации происходит переход к новой модели финансирования жилищного строительства с использованием счетов эскроу, что позволило переложить риск незавершения строительства с дольщика на банк: дольщик вносит денежные средства в счёт цены договора не застройщику непосредственно, а на счёт эскроу, открытый в уполномоченном банке; в случае же неисполнения застройщиком обязательства по передаче жилого помещения дольщик получает возможность, расторгнув договор участия в долевом строительстве, прекратить договор счета эскроу и вернуть ранее уплаченные им денежные средства.

При этом законодатель не отказался и от обязательных взносов в Фонд защиты прав участников долевого строительства. Очевидно, денежных средств, аккумулированных фондом по состоянию на 01.07.2019 г. оказалось недостаточно, чтобы

решить проблемы тех участников долевого строительства, которые не были охвачены новой моделью проектного финансирования, а с учётом длительности производственного цикла в строительстве именно они сейчас составляют большинство т.н. «обмахнутых дольщиков». По сведениям, размещенным в издании «Коммерсант» по состоянию на конец 2019 г. количество проблемных объектов на территории Российской Федерации составляет около 3000, количество 200000 человек, а размер денежных средств, необходимых для решения накопившихся проблем оценивался в 500 млрд руб.[10]

Очевидно, что до тех пор, пока последний проблемный объект не будет введён в эксплуатацию либо последний дольщик не получит соответствующее возмещение, актуальность проблем, связанных с уплатой обязательных взносов будет сохраняться. В частности, вопрос о правовой природе указанных взносов непосредственно затрагивает характер взаимоотношений застройщиков и Фонда, а также определяет способы защиты прав, доступные при этом застройщикам.

Так, например, в Арбитражном суде города Москвы рассматривалось дело № А40–286259/18 по иску ООО «Жилищная инициатива» к ППК «Фонд защиты прав граждан-участников долевого строительства» о взыскании неосновательно обогатившего. В обоснование исковых требований истец сослался на то, что 27.06.2018 г. с номинального счета истца в компенсационный фонд ответчика была списана денежная сумма, исчисленная применительно к такому договору участия в долевом строительстве, в отношении которого обязанность по внесению обязательных взносов у истца не возникла вообще, поскольку первый договор участия в долевом строительстве применительно к данному многоквартирному дому был заключён до 20.10.2017 г.

Возражая против удовлетворения исковых требований, ответчик сослался на использование истцом ненадлежащего способа защиты прав. По его мнению, между истцом и ответчиком вообще не могло возникнуть отношений, связанных с неосновательным обогащением, поскольку взносы носят обязательный характер, фактически зачислены в компенсационный фонд, на имущество, входящее в состав которого, в силу п. 4 ст. 5 Федерального закона от 29.07.2017 № 218-ФЗ «О публично-правовой компании по защите прав граждан – участников долевого строительства при несостоятельности (банкротстве) застройщиков и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [2] (далее – Закон 218-ФЗ) не может быть обращено взыскание.

Решением от 21.05.2019 г. суд отказал в удовлетворении исковых требований при том, что было установлено, что применительно к спорному договору обязанность по внесению обязательных взносов у застройщика действительно отсутствует. Тем не менее, суд отметил, что действующим законодательством установлен особый режим

правового регулирования компенсационного фонда, что само по себе является основанием для отказа в удовлетворении исковых требований, поскольку установленные законом основания для возврата денежных средств со счета компенсационного фонда на номинальный счёт истца отсутствуют. Девятый арбитражный апелляционный суд своим постановлением от 06.08.2019 г. № 09АП-36469/2019 оставил указанное решение без изменения [4].

Продемонстрированный судами подход порождает вопрос относительно правовой природы отношений, возникающих между застройщиком и Фондом по поводу внесения обязательных отчислений. Придать ему характер гражданско-правового обязательства означало бы необходимость, во-первых, отыскать основание для его возникновения применительно к положениям ст. 8 Гражданского кодекса РФ, во-вторых, признать безвозмездный характер соответствующего правоотношения (вариант исполнения в пользу третьего лица-дольщика очевидно исключается, поскольку в силу ст. 430 Гражданского кодекса РФ требует заключения соответствующего договора между застройщиком и Фондом), а в третьих, обосновать введение применительно к имуществу компенсационного фонда правового режима «иммунитета» от взыскания, который не присущ отношениям, которые складываются в частно-правовой сфере, и существует здесь в качестве исключения из принципа полной имущественной ответственности. Представляется, что поиск ответа на вопрос относительно правовой природы обязательных отчислений следует начать, оттолкнувшись от содержания того самого «особого режима правового регулирования компенсационного фонда», который был упомянут в вышеуказанном судебном акте.

Итак, пункт 1 ст. 12 Закона № 218-ФЗ исчерпывающим образом определяет направления использования средств компенсационного фонда, образуемого за счет обязательных отчислений (взносов) застройщиков:

1. финансирование мероприятий, непосредственно связанных с реализацией государственной жилищной политики, направленной на повышение гарантии защиты прав и законных интересов граждан – участников строительства:

а) выплата возмещения гражданам – участникам долевого строительства по договорам участия в долевом строительстве, предусматривающим передачу жилых помещений, машино-мест, нежилых помещений;

б) финансирование мероприятий по завершению строительства объектов незавершенного строительства.

2. погашение судебных расходов, связанных с рассмотрением дела о банкротстве застройщика, а также расходов на выплату вознаграждения арбитражным управляющим в деле о банкротстве и оплату услуг лиц, привлекаемых арбитражными управляющими для обеспечения исполнения своей деятельности;

3. финансирование расходов Фонда, связанных с осуществлением предусмотренных настоящим Федеральным законом функций и полномочий Фонда за счет части доходов, получаемых от инвестирования средств компенсационного фонда.

Таким образом, основной целью создания Фонда является реализация государственной жилищной политики, направленной на повышение гарантии защиты прав и законных интересов граждан – участников строительства, в том числе участников долевого строительства, средства которых привлекаются для строительства (создания) многоквартирных домов и (или) жилых домов блокированной застройки, состоящих из трех и более блоков, по договорам, предусматривающим передачу жилых помещений, машино-мест, нежилых помещений в соответствии с законодательством об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости для строительства (создания) многоквартирных домов и (или) жилых домов блокированной застройки, состоящих из трех и более блоков, и законодательством Российской Федерации о несостоятельности (банкротстве).

Следовательно, обязательные взносы застройщиков в компенсационный фонд представляют собой способ получения ресурсов, необходимых для финансирования расходов, направленных на реализацию государственной жилищной политики, осуществляемой в интересах лишь части лиц, нуждающихся в жилье, а именно лиц, чьи денежные средства привлекаются застройщиками для строительства многоквартирного дома на основании договора участия в долевом строительстве.

Однако, по общему правилу формой образования и расходования денежных средств, предназначенных для финансового обеспечения задач и функций государства, является не децентрализованный фонд денежных средств, а бюджет (ст. 6 Бюджетного кодекса РФ).

Политико-правовое значение бюджета заключается в том, что общество в лице своих политических представителей вправе не только формировать централизованный фонд и определять направления его использования, но и знать, контролировать и давать юридически значимую оценку эффективности использования денежных средств, обязанность по уплате которых возникает на основании властных распоряжений, не требующих согласия подвластных.

При этом, как отмечает П.М. Годме в своей работе «Финансовое право», «бюджет служит инструментом, дающим парламенту возможность осуществлять важную, существенную миссию контроля». Там же он приводит фрагмент речи политического деятеля времён Французской революции Бенжамена Констан, произнесенной им в палате депутатов: «Бюджет – это оружие народа против злоупотреблений политических, так же как и финансовых. Это законное мирное конституционное оружие. Вы должны пользоваться им для всех реформ, которых побуждает вас желать ва-

ша любовь к общему благу. Чтобы вам ни говорили, утверждая бюджет, вы должны изучать все вопросы, связанные с расходами, не только в свете финансовых последствий, но и в их соотношении со свободой» [7, с. 231].

Таким образом, возлагая на граждан и их объединение обязанность уплачивать обязательные платежи, государство вместе с тем принимает на себя обязанность обеспечивать прозрачность процесса образования и расходования соответствующих фондов.

При этом необходимым в демократическом правовом государстве уровень прозрачности по общему правилу обеспечивается тем, что обязательный платеж должен поступать именно в бюджет и, тем самым, быть охвачен действием бюджетных норм, представляющих собой систему гарантий прозрачности. Тем самым правовая наука формулирует принцип универсальности как одно из основных начал финансовой деятельности государства: все государственные доходы и расходы без исключения должны получать санкцию народных представителей [9, с. 125]. Кроме того, как отмечает Д.Л. Комягин «принцип универсальности распространяется на отношения, связанные с планированием бюджетных доходов и бюджетных расходов, и означает, что определенные доходы не могут быть «закреплены» за конкретными расходами» [8, с. 40]. Плановый характер бюджета в совокупности с запретом специализации доходов означают, с одной стороны, что ни одна доходная или расходная операция, касающаяся общих интересов общества, не должна совершаться ранее, чем ее санкционируют народные представители [9, с. 124], а с другой стороны, что ни один получатель средств, образованных за счет обязательных взносов, не может оказаться в столь привилегированном положении по сравнению с остальными, чтобы выговорить для себя постоянный источник покрытия своих расходов.

В Российской Федерации основы правового режима обязательных платежей в их тесной взаимосвязи с бюджетным процессом закреплены в Конституции. Система конституционных гарантий открытости и гласности бюджетного процесса и включает в себя:

1. разработку правительством и утверждение Государственной Думой (ст. 114 Конституции РФ)
2. обязательное рассмотрение Советом Федерации законов, принятых Государственной Думой по вопросам федерального бюджета (ст. 106 Конституции РФ)
3. заключение правительства относительно законопроектов о введении налогов, а также законопроектов, предусматривающих расходы, покрываемые за счет федерального бюджета (ст. 104 Конституции РФ)
4. контроль за исполнением бюджета (ст. 101 Конституции РФ)
5. отчет правительства об исполнении бюджета, представляемый Государственной Думе (ст. 114 Конституции РФ)

Закон 218-ФЗ предусматривает гораздо более скромные гарантии прозрачности деятельности Фонда: проведение обязательного аудита бухгалтерской отчетности Фонда с последующим размещением аудиторского заключения на сайте Фонда, а также государственный аудит Фонда силами Счетной палаты РФ.

Вместе с тем, взносы застройщиков хотя и являются обязательными, однако не являются налогом, взимаются Фондом и зачисляются в децентрализованный фонд денежных средств (компенсационный фонд), что приводит к их изъятию из сферы предварительного парламентского контроля. Кроме того, установленный законом режим правового регулирования компенсационного фонда таков, что доходы Фонда оказываются закрепленными за его расходами, что несомненно дает получателям средств Фонда преимущество перед получателями бюджетных средств. В то же время в случае, если доходов Фонда окажется недостаточно для финансирования его деятельности, единственным источником покрытия образовавшегося дефицита, как представляется, окажется бюджет. В этом случае отделение средств Фонда от средств бюджета будет затруднять анализ их сбалансированности, поскольку лишает законодателя возможности увидеть всю сумму государственных расходов и сравнить их с доходами. Подобное манипулирование расходами может привести к показной экономии бюджетных средств в одном периоде и отнесению на будущее расходов, которые всё равно придется покрывать за счет бюджета.

В доктрине обязательные платежи, зачисляемые в децентрализованные денежные фонды и имеющие целевой характер, принято называть парафискальными. Однако вопрос о правовой природе отчислений застройщиков может быть окончательно разрешен лишь после уяснения назначения указанных отчислений и целей использования компенсационного фонда.

Итак, в соответствии с положениями Федерального закона от 29.07.2017 № 218-ФЗ «О публично-правовой компании по защите прав граждан – участников долевого строительства при несостоятельности (банкротстве) застройщиков и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и Федерального закона от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» обязательные взносы застройщиков выполняют одновременно 2 функции:

1. служат условием осуществления государственной регистрации договора участия в долевом строительстве наряду с уплатой государственной пошлины (п. 55 ч. 1 ст. 26, ст. 27, ч. 3 ст. 48 Закона от 13.07.2015 № 218-ФЗ)
2. служат источником образования компенсационного фонда для их последующего использования в целях, предусмотренных законом (п. 1 ч. 1 ст. 3, ст. 10 Закона от 29.07.2017 № 218-ФЗ)

Первая из указанных функций сближает взносы застройщиков с сборами налогового характера и обеспечивает контроль за исполнением застройщиками норм законодательства об участии в долевом строительстве. При этом метод взимания обязательных отчислений, не предполагает ни санкций за их неуплату, ни какого бы то ни было принуждения: в отсутствие соответствующего платежа обращение застройщика с заявлением о государственной регистрации договора участия в долевом строительстве окажется тщетным. Если правоотношения, возникающие при этом между застройщиком и Фондом, вообще представлялось бы возможным рассмотреть и описать сквозь призму категорий гражданского права, то наиболее близким институтом оказался бы институт обусловленного исполнения обязательства.

Вторая же функция обеспечивает выполнение задач, экономически тождественных задачам, стоящим перед компенсационными фондами саморегулируемых организаций либо фонда обязательного страхования вкладов: финансовое обеспечение исполнения обязанности застройщика по возврату участнику долевого строительства денежных средств, уплаченных им в счет цены договора участия в долевом строительстве (п. 2, 2.1 ст. 13218-ФЗ). Отказ от выполнения указанных задач чисто гражданско-правовыми методами свидетельствует о принятом законодателем курсе на огосударствление сферы участия в долевом строительстве если не полностью, то хотя бы в части, касающейся защиты прав дольщиков.

Таким образом, бенефициарами «услуг», финансируемых за счет средств компенсационного фонда оказывается не общество в целом, а лишь отдельная социальная группа – граждане, приобретающие жилые и нежилые помещения, а также машино-места по договорам участия в долевом строительстве. Отделить публичный интерес в создании условий для реализации государственной жилищной политики от квазипубличного, группового не представляется возможным. При этом сам Фонд становится формой аккумуляции и распределения денежных средств на основе принципа социальной солидарности, т.е. фактически обеспечивая принудительное участие в формировании компенсационного фонда долевого строительства даже тех дольщиков, права которых уже защищены посредством размещения их денежных средств на счетах эскроу и которые, тем самым, не заинтересованы в его существовании.

Тем самым Фонд осуществляет свою деятельность, по сути, в интересах лишь тех дольщиков, которые заключили соответствующий договор с застройщиком до 01.07.2019 г. Сколь бы ни была многочисленна эта группа дольщиков, но она всё же конечна. Видимо, после того как их проблемы будут решены, Фонд должен будет либо прекратить свое существование, либо приступить к решению проблем тех дольщиков, которые заключили договоры участия в долевом строитель-

стве до 20.10.2017 г., т.е. не были охвачены ни деятельностью Фонда, ни размещением средств на счетах эскроу. Последнее потребует внесения изменений в Закон 218-ФЗ.

Таким образом, обязательные отчисления застройщиков представляют собой парафискальный платёж, осуществляемый застройщиками, заключающими с гражданами договоры участия в долевом строительстве, предусматривающие передачу гражданам жилых или нежилых помещений, а также машиномест, в пользу Фонда, выполняющего публично значимые функции по реализации государственной жилищной политики, направленной на повышение гарантии защиты прав и законных интересов дольщиков, взимание и использование которого производится вне правил налогового и бюджетного права.

Сам же Фонд действует в рамках особого режима правового регулирования, не основанного на частноправовых началах, и наделяется гражданской правосубъектностью лишь в той мере, которая необходима ему для участия в гражданском обороте (например, для инвестирования временно свободных средств компенсационного фонда или выпуска облигаций).

Литература

1. Федеральный закон от 30.12.2004 № 214-ФЗ (ред. от 27.06.2019) «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2005. № 1 (часть 1). ст. 40.
2. Федеральный закон от 29.07.2017 № 218-ФЗ (ред. от 04.11.2019) «О публично-правовой компании по защите прав граждан – участников долевого строительства при несостоятельности (банкротстве) застройщиков и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2017. № 31 (Часть I). ст. 4767.
3. Федеральный закон от 25.12.2018 № 478-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2018. № 53 (часть I). ст. 8404.
4. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 06.08.2019 № 09АП-36469/2019 по делу № А40–286259/2018 // СПС «КонсультантПлюс»
5. Информация Росреестра от 10.04.2019 «Отчисления в компенсационный фонд при долевом строительстве» // СПС «КонсультантПлюс»
6. Письмо Минстроя России от 01.12.2017 № 44458-НС/07 // СПС «КонсультантПлюс»

7. Годме П.М. Финансовое право. М.: Прогресс, 1978. 429 с.
8. Комягин Д.Л. Бюджетное право. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2017. 590 с.
9. Штурм Р. Бюджет. СПб.: Тип. товарищества «Общественная польза», 1907. 600 с.
10. Аминов Х. Обманутым дольщикам выписывают миллиарды. 26.12.2019 г. //Интернет-портал газеты «Коммерсантъ» // [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/4207925>. (дата обращения: 10.01.2020)

LEGAL NATURE OF MANDATORY PAYMENTS FROM DEVELOPERS TO THE FOUNDATION FOR THE PROTECTION OF THE RIGHTS OF PARTICIPANTS OF SHARED CONSTRUCTION

Aleshin D.Y.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The article is devoted to the legal nature of mandatory payments of developers to the Foundation for the protection of the rights of participants in shared construction. The author analyzes the Federal law «On public-law companies to protect the rights of citizens – participants of shared construction in insolvency (bankruptcy) of developers and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation» and the practice of its application, the views of domestic and foreign scientists on the formation of funds, designed to perform socially important functions, and also compares mandatory payments with civil institutions, in which the same economic function.

Keywords: developer, the Foundation for the protection of the rights of participants of shared construction, mandatory payments.

References

1. Federal law dated December 30, 2004 No. 214-FZ (as amended on June 27, 2019) “On participation in shared construction of apartment buildings and other real estate and on amendments to some legislative acts of the Russian Federation” // SZ RF. 2005. No. 1 (part 1). Art. 40.
2. Federal Law of July 29, 2017 No. 218-FZ (as amended on November 4, 2019) “On a Public Law Company for the Protection of the Rights of Citizens – Participants in Shared Construction in the Insolvency (Bankruptcy) of Developers and on Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation” «// SZ RF. 2017. No. 31 (Part I). Art. 4767.
3. Federal Law of December 25, 2018 No. 478-ФЗ “On Amending the Federal Law“ On Participation in the Shared Construction of Apartment Buildings and Other Real Estate Objects and on Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation ”and Certain Legislative Acts of the Russian Federation” // SZ RF. 2018.No 53 (Part I). Art. 8404.
4. The ruling of the Ninth Arbitration Court of Appeal dated 08/06/2019 No. 09AP-36469/2019 in the case No. A40–286259 / 2018 // ATP “Consultant Plus”
5. Information from Rosreestr dated 04/10/2019 “Contributions to the compensation fund for shared construction” // ATP “Consultant Plus”
6. Letter of the Ministry of Construction of Russia dated 01.12.2017 No. 44458-NS / 07 // ATP “Consultant Plus”
7. Godme P.M. Financial right. M. : Progress, 1978. 429 p.
8. Komyagin D.L. Budget law. M.: HSE Publishing House, 2017. 590 p.
9. Storm R. Budget. SPb. : Type. Partnership “Public Benefit”, 1907. 600 p.
10. Aminov X. Cheated interest holders are prescribed billions. December 26, 2019 // Internet portal of the Kommersant newspaper // [Electronic resource] Access mode: <https://www.kommersant.ru/doc/4207925>. (Date of treatment: 01/10/2020)

Участники и виды проектного финансирования

Гуменюк Дмитрий Владимирович,

аспирант кафедры международного частного и гражданского права Международно-правового факультета МГИМО(У) МИД России

E-mail: dmitry.gumenyuk.mgimo@gmail.com

В настоящей статье представлена классификация проектного финансирования, дается характеристика (1) проектного финансирования, осуществляемого с возможностью полного регресса к заемщику, (2) проектного финансирования, осуществляемого без права регресса к заемщику, а также (3) проектного финансирования, осуществляемого с ограниченным правом регресса. Также в статье рассматриваются основные участники сделок по проектному финансированию и их договорные связи.

Ключевые слова: проектное финансирование, участники проектного финансирования, виды проектного финансирования.

Виды проектного финансирования

В международной практике проектного финансирования традиционно выделяются два вида проектного финансирования: банковское и с участием государства.

Банковское проектное финансирование

В доктрине выделяется несколько классификаций банковского проектного финансирования:

1. В зависимости от способа распределения рисков между участниками проектного финансирования подразделяется на: (1) проектное финансирование, осуществляемое с возможностью полного регресса к заемщику (full recourse). При данном подходе кредиторы не принимают традиционных рисков проектного финансирования, а принимают только риск невозврата кредита в связи с некомпетентностью заемщика. Спонсоры проекта отражают его на своем балансе и несут ответственность за возврат суммы кредита и процентов. (2) Проектное финансирование, осуществляемое без права регресса к заемщику (non-recourse financing), при котором все риски принимаются кредиторами; проектная компания не имеет собственных активов для погашения кредита; выплата процентов по кредиту и суммы долга осуществляется за счет денежного потока проекта (cash flow). Данный механизм является наиболее рискованным для кредитора и, соответственно, наиболее дорогим для проектной компании [1, с. 86]. (3) Проектное финансирование, осуществляемое с ограниченным правом регресса (limited recourse). При таком подходе все риски распределяются между кредиторами и другими участниками проекта.

2. В зависимости от вида кредитора проектное финансирование делится на: (1) международное банковское, в котором принимают участие только иностранные банки и международные финансовые организации, предоставляющие кредиты в иностранной валюте; и (2) смешанное, в котором также принимают участие национальные банки, предоставляющие кредиты в национальной валюте, и экспортные кредитные или страховые агентства.

3. В зависимости от правовой формы, в которой осуществляется проектное финансирование, оно подразделяется на: (1) проектное финансирование, осуществляемое с созданием проектной компании (SPV), которая выступает в качестве заемщика, либо (2) без создания проектной компании, заемщиком в данном случае выступают спонсоры (инициаторы проекта) [2, с. 19].

Проектное финансирование с участием государства

Проектное финансирование с участием государства, как правило, осуществляется по модели

государственно-частного партнерства. В настоящее время в доктрине отсутствует единое понимание ГЧП. Специалисты Всемирного Банка определяют ГЧП как «договоренность между государственным и частным сектором в вопросе производства, а также предоставления инфраструктурных услуг, которые необходимы для цели привлечения дополнительного финансирования и, самое главное, как возможность увеличения результативности государственных вложений» [3].

В американском праве ГЧП определяется как «закрепленное в договорной форме соглашение между государством и частной компанией, позволяющее последней в согласованной форме участвовать в государственной собственности и исполнять функции, традиционно лежащие в сфере ответственности публичной власти» [4, с. 33].

В Резолюции Европарламента ЕС ГЧП рассматривается как «форма сотрудничества между органами государственной власти и бизнесом, основной целью которой является обеспечение финансирования, сооружения, реконструкции, управления и содержания объекта инфраструктуры или предоставления услуги» [5].

В российском праве ГЧП определяется как «юридически оформленное на определенный срок и основанное на объединении ресурсов, распределении рисков сотрудничество публичного партнера, с одной стороны, и частного партнера, с другой стороны, которое осуществляется на основании соглашения о государственно-частном партнерстве» [6, ст. 3].

Финансирование проектов по модели ГЧП осуществляется за счет средств частного партнера, либо по смешанной модели – совместное финансирование, предполагающее вложение финансовых ресурсов как частным, так и публичным партнером. Например, по соглашениям о разделе продукции поиск и добыча природных ресурсов осуществляется инвестором за свой счет, но в отдельных случаях финансирование дополняется за счет государственных финансовых или природных ресурсов [7, с. 14].

Участники сделок по проектному финансированию

Участниками сделок по проектному финансированию являются банк (или несколько банков в рамках синдиката), проектная компания, выступающая заемщиком, а также третьи лица, являющиеся участниками проекта (подрядчики, поставщики, страховщики, гаранты, принимающее государство).

Банки

Помимо стандартной роли кредитора в проектном финансировании банки могут выполнять функции финансовых консультантов и лид-менеджеров.

Финансовые консультанты привлекаются к участию в проекте в том случае, если спонсоры проекта не имеют богатого опыта в реализации соответствующих проектов. Привлечение финансо-

вых консультантов обусловлено необходимостью обеспечить инвестиционную привлекательность (*bankability*) проекта для кредиторов. С этой целью финансовый консультант должен предопределить наиболее важные проблемы, которые могут быть выявлены в ходе проведения кредиторами процедуры *due diligence*.

Объем услуг финансового консультанта, как правило, определяется в договоре на оказание консультационных услуг (*advisory agreement*), которое заключается между финансовым консультантом и спонсорами (либо напрямую с проектной компанией). Финансовый консультант занимается структурированием проектного финансирования; подготовкой финансовой модели; анализом положений проектных договоров, связанных с финансированием; оказывает помощь в подготовке информационного меморандума для презентации проекта на финансовых рынках и т.д.

Лид-менеджеры осуществляют организацию и размещение кредитных средств на рынке. Функции лид-менеджера может выполнять тот же банк, что и банк, выполняющий функции финансового консультанта. В таком случае спонсоры и лид-менеджеры подписывают мандатное письмо (*mandate letter*), содержащее перечень услуг, похожий на перечень услуг, оказываемых финансовым консультантом. В большинстве случаев такое мандатное письмо не является обязательным для банков.

В ходе *due diligence* лид-менеджеры и финансовые консультанты, как правило, занимают активную позицию при переговорах по проектным контрактам, в частности, ЕРС-контракту, договору поставки и т.д., чтобы обеспечить соответствие проектных контрактов условиям финансирования.

Одним из наиболее важных вопросов, которые решаются банками на этапе структурирования сделок по проектному финансированию является выбор способа обеспечения исполнения обязательств проектной компании по кредитному договору. В случае участия в проектном финансировании иностранных лиц данный вопрос осложняется возможностью применения иностранного права к предмету залога (например, к движимому имуществу). Как правило, в проектном финансировании банки выбирают следующие способы обеспечения исполнения обязательств проектной компании:

1. Залог недвижимого и движимого имущества. Как правило, предметом залога становится все недвижимое и движимое имущество проектной компании, а также денежные средства на банковских счетах;

2. Уступка права на получение денежных средств в пользу кредиторов проекта. Как правило, устанавливается уступка в отношении прав проектной компании по договорам подряда и поставки;

3. Прямые соглашения (*direct agreements*). Прямые соглашения могут заключаться между подрядчиками, поставщиками, принимающим го-

сударством и банками, предоставляющими финансирование для проекта. Целью заключения прямых соглашений является ограничение прав подрядчиков, поставщиков и т.д. на расторжение договоров, заключенных с проектной компанией для реализации проекта. Прямыми соглашениями с принимающим государством может устанавливаться ограничение права государства на отзыв разрешений и лицензий вследствие неисполнения проектной компанией своих обязательств.

4. Финансирование в счет разведанных запасов природных ресурсов (production payment financing). Данный способ обеспечения применяется в сфере финансирования проектов по разработке месторождений природных ресурсов и предполагает предоставление кредиторам проекта обеспечительного интереса в разведанных запасах природных ресурсов. Если законодательством принимающего государства не допускается переход прав на разработку соответствующего месторождения в пользу кредиторов, может применяться уступка на их разработку посредством заключения концессионного соглашения или лицензии [2, с. 24].

Спонсоры

В проектном финансировании инвесторы проекта именуется спонсорами, поскольку их роль состоит в продвижении и управлении проектом. Для того, чтобы получить финансирование спонсоры, как правило, должны обеспечить приоритетность долга займодавцев перед всеми иными кредиторами, а также принять тот факт, что они получают прибыль со своих вложений только после возврата суммы долга займодавцам в рамках проектного финансирования. Соответственно, в проектном финансировании спонсоры проекта принимают на себя наиболее значительный риск. Даже в проектном финансировании, осуществляемом без регресса к спонсорам, участие спонсоров имеет большое значение для проекта, поскольку кредиторам проекта важно, что спонсоры смогут выполнять свои функции в рамках проекта.

Как правило, кредиторы требуют, чтобы спонсоры проекта соответствовали следующим требованиям: инвестирование спонсорами собственных средств в проект; заинтересованность спонсоров в долгосрочном успехе проекта; наличие финансовых возможностей для поддержания проекта (в случае необходимости).

Участие спонсоров в проектном финансировании выражается в определенных формах, в частности, такое участие может оформляться в форме:

1. Субординирования долга (debt subordination), что означает заключение спонсорами проекта, проектной компанией и кредиторами соответствующего соглашения (subordination agreement), которым устанавливается приоритетность долга перед кредиторами в рамках проектного финансирования перед другими кредиторами, а также субординирование обеспечения, используемого в проектном финансировании;

2. Гарантии успешного завершения проекта (completion guarantee). Сумма гарантии должна

соответствовать сумме предполагаемых убытков кредиторов от незавершения/несвоевременного завершения проекта. Данная гарантия, как правило, прекращается только после испытаний, подтверждающих завершение проекта (completion test);

3. Подписки на акции проектной компании. Данная форма участия в проекте предполагает заключение спонсорами соглашения с банками-кредиторами, предполагающего подписку спонсоров на акции проектной компании. В случае неисполнения спонсорами данной обязанности они несут перед банком договорную ответственность [8, с. 19–22];

4. Соглашения о дефицитном финансировании (deficiency agreements), которое устанавливает обязательства спонсоров по совершению платежей даже в том случае, когда прибыль от реализации проекта оказывается ниже суммы необходимой для погашения кредита [2, с. 21].

Литература

1. Никонова И.А. Проектный анализ и проектное финансирование. М.: Альпина Паблишер, 2012. С. 86.
2. Шамраев А.В. Правовое регулирование международных банковских сделок и сделок на международных финансовых рынках: научное издание. 2-е изд., стер. М.: КНОРУС, ЦИП-СиР, 2010. С. 19.
3. Доклад Всемирного банка о государственно-частном партнерстве [Электронный ресурс]. URL: projects.worldbank.org/P125595/?lang=ru&tab=ratings (19.01.2020).
4. Варнавский В.Г., Климов А.Б., Королев А.В. Государственно-частное партнерство: теория и практика. С. 33.
5. European Parliament Resolution on Green Paper on services of general interest 21.05.2003 N270 (T5–0018/2004) [Электронный ресурс]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/BG/TXT/?uri=celex:52004DC0374> (19.01.2020).
6. ст. 3 Федерального закона «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 13 июля 2015 года N224-ФЗ // СЗ РФ. 2015. N29 (ч. I). Ст. 4350.
7. Громова Е.А. Государственно-частное партнерство и его правовые формы: учебное пособие. М.: Юстицинформ, 2019. С. 14.
8. Wood Ph.R. Project Finance, Subordinated Debt and State Loans. London: Sweet&Maxwell, 1995. P. 19–22.

PARTICIPANTS AND TYPES OF PROJECT FINANCE

Gumenyuk D.V.
International Law School

The article considers types of project finance and provides overview of full recourse project financing, non-recourse project financing and limited recourse project financing. Also, the article provides

description of major participants of project finance and its contractual relations.

Keywords: project finance, participants of project finance, types of project finance

References

1. Nikonova I.A. Project analysis and project financing. M.: Alpina Publisher, 2012. P. 86.
2. Shamraev A.V. Legal regulation of international banking transactions and transactions in international financial markets: a scientific publication. 2nd ed., Erased. M.: KNORUS, TsIPSIR, 2010. P. 19.
3. World Bank Public-Private Partnership Report [Electronic Resource]. URL: projects.worldbank.org/P125595/?lang=en&tab=ratings (01/19/2020).
4. Varnavsky V.G., Klimov A.B., Korolev A.V. Public-private partnership: theory and practice. P. 33.
5. European Parliament Resolution on Green Paper on services of general interest 21.05.2003 N270 (T5-0018 / 2004) [Electronic resource]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/BG/TX-T/?uri=celexhaps2004DC0374> (01/19/2020).
6. Art. 3 of the Federal Law "On Public-Private Partnerships, Municipal-Private Partnerships in the Russian Federation and Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation" dated July 13, 2015 N224-ФЗ // SZ RF. 2015. N29 (part I). Art. 4350.
7. Gromova EA Public-private partnership and its legal forms: a training manual. M.: Justicinform, 2019. P. 14.
8. Wood Ph.R. Project Finance, Subordinated Debt and State Loans. London: Sweet & Maxwell, 1995. P. 19-22.

Признание авторских прав на территории иностранных государств как условие их международного оборота

Кубышкин Артем Игоревич,

аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, кафедра Предпринимательского права
E-mail: artkub@mail.ru

В статье проводится анализ правовых механизмов признания авторских прав на территории иностранных государств. На основании анализа законодательства и доктрины, сформулированных в зарубежных государствах, автор раскрывает подходы к определению автора произведения, принципы территориальности и универсальности, а также некоторые частные концепции: «эмиссии», Богша, «рыночного эффекта» и «корневой копии». Исследуются правила признания авторских прав на объекты интеллектуальной собственности в Российской Федерации. По результатам исследования формулируются выводы и предложения о возможности восприятия лучших практик регулирования прав на объекты интеллектуальной собственности.

Ключевые слова: международное авторское право; коллизонная привязка; *lex origins*; *lex loci protectionis*; применимое право; охрана авторских прав с иностранным элементом.

В последнее время усиливается тенденция глобализации мировой экономики, рынков товаров и услуг, научных и культурных связей. В условиях трансграничных авторско-правовых отношений расширяются возможности взаимодействия между государствами, возникает необходимость обеспечения международно-правовых механизмов по признанию авторских прав и вытекающих из этого споров. Поэтому, вопрос об охране авторских прав выходит за территориальные рамки государства, в котором было создано или обнародовано произведение и является предпосылкой возникновения специфических правовых отношений. Правила авторского права, становятся все более актуальными для бизнеса, особенно с учетом того, что цифровой рынок оказывает свое влияние на все отрасли

Одним из наиболее актуальных вопросов, возникающих при выборе формы охраны результатов интеллектуальной деятельности, которые имеют определенную ценность, поскольку могут быть использованы в экономической деятельности (например, в результате купли-продажи, обмена, дарения и т.д.), является вопрос долговременного и стабильного извлечения прибыли от их использования. Сделки, в которых результаты интеллектуальной деятельности являются предметом, все чаще встречаются как в отечественной, так и в иностранной практике. Именно поэтому, все большую актуальность приобретает вопрос о выборе законодательства и права, подлежащего применению при регулировании сделок с иностранным элементом [1, С.131–137].

Охрана авторских прав с иностранным элементом имеет свою особую специфику. Иностранному элементу в правоотношениях с объектами авторского права присутствует в следующих случаях:

- 1) одной из сторон в сделке выступает иностранный гражданин или юридическое лицо, зарегистрированное в иностранном государстве;
- 2) объект авторского права был создан на территории иностранного государства;
- 3) сделка по передаче исключительного права была совершена на территории иностранного государства.

Территориальные пределы существования авторского права выделяют его среди иных видов гражданского права: при создании (или первом опубликовании) произведения на территории одного государства, его автор пользуется своим исключительным правом в соответствии с внутренним законодательством. Однако, на территории других государств, где произведение было переиздано без согласия автора, заявлять претензии на нарушение авторского права он не может.

Однако, при заключении между государствами международных соглашений (двусторонних, региональных, универсальных), авторское право выходит за рамки юрисдикции одного государства, а автор получает право претендовать на денежные вознаграждения за использование его произведения.

В большинстве зарубежных стран споры об авторском праве, как правило, регулируются так называемым правилом *lex loci protectionis*. Согласно данному правилу, при возникновении спора об авторстве подлежит применению законодательство той страны, «для которой испрашивается защита». По нашему мнению, *Lex loci protectionis* отражает принцип территориальности. Данное правило вытекает из положения о стране происхождения, которое первоначально применялось в статье 5 Бернской конвенции об охране литературных и художественных произведений [2] (Далее – Бернская конвенция); правило *lex loci protectionis* было недавно кодифицировано в Регламенте ЕС о праве, применимом к внедоговорным обязательствам (Рим II) [3]. Результатом применения *lex loci protectionis* является так называемый эффект «совокупности прав» в отношении одного произведения, правообладатель имеет независимые авторские права в каждой стране; соответственно, если произведение незаконно используется в нескольких странах, нарушение должно рассматриваться в соответствии с законодательством каждой страны, где истребуется охрана авторского права. Альтернативный подход – коллизионная привязка *lex originis*, отражающая так называемый принцип «универсальности», согласно которому применяется закон происхождения произведения. Затем все трансграничные нарушения подпадают под действие единого закона страны, в которой оно было впервые опубликовано. Только несколько стран применяют при спорах об авторском праве правило *lex originis* (например, Греция [4], Португалия [5], Румыния [6]). Наиболее спорным является вопрос первоначального права собственности: даже в странах, в которых обычно применяется правило *lex loci protectionis*, первоначальное право собственности может регулироваться либо *lex loci protectionis* (например, Германия, Австрия) [7], либо правилом *lex originis* (например, Франция [8], США [9]).

Кроме того, в связи с растущим трансграничным распространением произведений на международном уровне, помимо традиционных коллизионных привязок были разработаны концепции «эмиссии», «Богша», «рыночного эффекта» и «корневой копии».

Теория эмиссии предполагает, что нарушение авторского права имеет место только в стране, где излучается (вещательный) сигнал, и, таким образом, закон страны эмиссии эксклюзивно регулирует все трансграничные действия.

Теория Богша предполагает, что нарушение может быть обнаружено в стране, где был получен сигнал (радиовещание или Интернет). Например,

когда произведение становится доступным онлайн, нарушение может иметь место как в стране, где работа была загружена, так и во всех странах, где работа доступна.

Доктрина рыночного эффекта (или адресности) признает нарушение авторского права только в той стране, рынок которой был затронут. Например, веб-сайт ориентирован на немецкую аудиторию (работа доступна в Интернете на немецком языке, цены указаны в евро, а товары могут быть отправлены только в Германию). Затем правообладатель может требовать нарушения только по немецкому законодательству (а не по законодательству любой страны, где произведение может быть просто доступно).

И, наконец, подход «корневой копии» (Англ. – «rootcopy») в некоторых государствах (США) позволяет присудить компенсацию в отношении копий произведения, сделанных за границей, когда первоначальная незаконная копия была сделана в США.

Характер распространения авторских прав иностранных лиц на территории РФ регламентируется в Части 4 ГК РФ. Субъективные авторские права, которые возникли на основе иностранного законодательства, признаются и охраняются на территории РФ, если имеется соответствующее международное соглашение и на взаимных условиях. Охрана авторских прав на территории РФ осуществляется в соответствии с принципом территориальности: применению подлежит законодательство той страны, на территории которой имел место юридический факт, в результате которого возникло авторское право. Кроме того, в соответствии с ч. 3 ст. 1256 ГК РФ в отношении некоторых объектов учитывается страна происхождения объекта авторского права, а также национальность автора:

- объектов интеллектуальной собственности иностранных авторов, впервые опубликованных на территории РФ;
- авторские права российских граждан на объекты интеллектуальной собственности, которые были созданы за границей, признаются за этими гражданами;
- авторские права иностранцев на объекты интеллектуальной собственности, которые были созданы за границей, признаются в России только если был заключен соответствующий международный договор.

В отношении объектов интеллектуальной собственности авторов – граждан иностранного государства, которые были впервые изданы за границей, в РФ функционируют два разных режима [10].

1. Охраняемыми признаются произведения, опубликованные после даты вступления в силу на территории РФ Всемирной конвенции об авторском праве [11], т.е. после 27 мая 1973 г.; произведения, опубликованные после даты вступления на территории РФ Бернской конвенции – 13 марта 1985 г.; а также объекты интеллектуальной собственности, на которые распространяются дву-

сторонние договоры с РФ о взаимном признании авторских прав (к примеру, с Австрией, Болгарией, Венгрией и др.). Режим подобных объектов интеллектуальной собственности определяется как законодательством РФ, так и нормами международных договоров. Кроме тех случаев, когда в международных соглашениях имеются унифицированные материально-правовые нормы, к таким произведениям в силу принципа национального режима должны применяться законы РФ в сфере авторского права.

2. Неохраняемые объекты интеллектуальной собственности – это произведения, которые не подпадают под действие Всемирной и Бернской конвенций и двусторонних соглашений РФ. Авторы данных произведений не имеют право претендовать на получение вознаграждения за их опубликование на территории РФ.

Двусторонние договоры РФ о взаимном признании и защите авторских прав закрепляют собой взаимную охрану права интеллектуальной собственности на базе принципов взаимности и недискриминации. Охрана авторского права базируется на реализации принципа материальной взаимности. Каждое государство признает авторские права своих граждан независимо от места первой публикации произведения и авторские права граждан третьих стран, которые были изданы на территории договаривающихся стран [12, С. 207–209].

В отечественном праве, термином «оборотоспособность» определяется правовой режим имущества, подразумевающий возможность передачи объектов в рамках гражданско-правовых отношений. Семантически, понятие «оборот» означает процесс обмена, участия в употреблении, использовании. Поэтому, наиболее верным, по нашему мнению, является подход, согласно которому гражданский оборот представляет собой совокупность общественных отношений в сфере гражданского права в связи с переходом объектов гражданских прав. Обобщая сформулированные в гражданско-правовой науке подходы отметим, что многие исследователи в качестве признака гражданского оборота отмечают, что он должен быть разрешен (или не запрещен) законодательством [13, С. 109–128].

Следовательно, международный оборот авторских прав представляет собой совокупность гражданско-правовых отношений, которые определяют переход авторских прав на произведения, находящиеся в любой объективной форме на территории другого государства или имеющие происхождение государства иностранного по отношению к автору или правоприобретателю, последствием чему является постоянная или временная смена правообладателей из разных государств.

Обобщение результатов исследования приводит к следующим основным выводам. Поскольку полная гармонизация законодательства об авторском праве в различных государствах не была достигнута, аналогичные действия по использованию произведений могут быть законными в одних

странах, но незаконными в других. Это усложняет для правообладателей принудительное исполнение дел о трансграничных нарушениях, создает юридическую незащищенность для авторов, популярность произведений которых выходит за рамки одного государства.

Кроме того, каждый из вышеупомянутых принципов, правил и доктрин ставит различные проблемы. Хотя принцип территориальности считается основным принципом закона об авторском праве, он не имеет ни явного источника, ни единой концепции. Все законы в основном территориальные; однако, законы об авторском праве, подвергаются особенно строгому территориальному подходу. Сфера действия *lex origins* (принципа универсальности) изменилась и остается неопределенной. Это затрудняет определение того, практика какого государства совместима данным принципом и в какой степени могут быть допущены исключения. Кроме того, обоснование применения принципа строгой территориальности в делах об авторском праве затруднено, особенно в условиях все большей глобализации торговли. Правило *lex loci protectionis*, (принцип территориальности), не имеет четкого правового источника. Оно применяется в разной степени в разных странах и не всегда достаточно отличается от других применимых правовых норм, таких как *lex fori* или *lex loci delicti (commissi)*. Кроме того, вышеупомянутые доктрины эмиссии, Богша и корневой копии также не имеют четкого юридического источника; их правовая природа не ясна а применение не согласовано во всем мире (например, правило корневой копии применяется только в США; эмиссии – только в ЕС).

В то же время, признание авторского права на территории иностранного государства является важнейшим элементом ее международной гражданско-правовой оборотоспособности. Проведенное исследование показывает, что некоторые правовые модели могут быть использованы в отечественной практике признания авторских прав на объекты интеллектуальной собственности. По нашему мнению, в законодательстве и правоприменительной практике для установления автора произведения наиболее целесообразным представляется использование коллизионной формулы *lex origins* («закон государства происхождения»), поскольку это приводит к решению вопроса о первоначальном авторстве по единому праву, одинаковому для всех случаев, независимо от того, судом какого государства будет рассматриваться спор.

Литература

1. Мингалева, Ж.А. Выбор форм охраны интеллектуальной собственности в процессе инновационной деятельности / Ж.А. Мингалева // Вестник Пермского университета. Серия «Юридические науки». – 2012. – № 3. – С. 131–137.

2. Бернская Конвенция по охране литературных и художественных произведений от 09.09.1886 (ред. от 28.09.1979) // «Бюллетень международных договоров», № 9, 2003.
3. Регламент (ЕС) № 864/2007 о праве, подлежащем применению к внедоговорным обязательствам («Рим II») [Электронный ресурс] // Доступ: <https://pravo.hse.ru/intprilaw/doc/040002> (Дата обращения: 23.02.2020).
4. Закон Греции от 3 марта 1993 г. № 2121/1993 «Об авторском праве, смежных правах и вопросах культуры». [Электронный ресурс] // Доступ: http://www.wipo.int/wipolex/ru/text.jsp?file_id=209258 (Дата обращения: 22.02.2020).
5. Указ-закон Португалии от 25 ноября 1966 г. № 47377/66 «Гражданский кодекс». [Электронный ресурс] // Доступ: <http://www.wipo.int/wipolex/ru/details.jsp?id=7991> (Дата обращения: 22.02.2020).
6. Закон Румынской Республики от 22 сентября 1992 г. № 105 применительно к регулированию отношений международного частного права. [Электронный ресурс] // Доступ: <https://pravo.hse.ru/intprilaw/doc/041301> (Дата обращения: 20.02.2020).
7. Закон об авторском праве Германии от 9 сентября 1965 года (BGBl. I S. 1273), das zuletzt durch Artikel 1 des Gesetzes vom 28. November 2018 (BGBl. I S. 2014) geändert worden ist» [Электронный ресурс] // Доступ: <https://www.gesetze-im-internet.de/urhg/BJNR012730965.html> (Дата обращения: 24.02.2020).
8. Закон Франции № 92–597 от 1 июля 1992 года, касающийся кодекса интеллектуальной собственности (законодательная часть) [Электронный ресурс] // Доступ: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=LEGI TEXT000006079371&dateTexte=20160117>
9. Закон США об авторском праве (на английском языке) [Электронный ресурс] // https://www.copyright.ru/ru/library/zakonodatelstvo/zarubezhnoe_zakonodatelstvo/zakon_USA_ob_avtorskom_prave (Дата обращения: 24.02.2020).
10. Луткова О. В., Терентьева Л.В., Шахзанова Б.А. Основные проблемы охраны интеллектуальной собственности в международном частном праве // Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2017. – № 43. – С. 28–36., с. 28
11. Всемирная конвенция об авторском праве (Заключена в г. Женеве 06.09.1952) // «Бюллетень по авторскому праву», том XXVIII, № 1, 1995, том XXIX, N1, 1996, том XXX, № 1, 1997.
12. Колтунова А.С. Международные механизмы защиты интеллектуальной собственности // Юридические науки: проблемы и перспективы: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Казань, май 2015 г.). – Казань: Бук, 2015. – С. 207–209., с. 207
13. Крупко С. Оборотоспособность интеллектуальных прав: проблемы определения права,

подлежащего применению // Хозяйство и право. 2016. № 3 (470). С. 109–128.

RECOGNITION OF COPYRIGHTS IN THE TERRITORY OF FOREIGN STATES AS A CONDITION OF THEIR INTERNATIONAL CIRCULATION

Kubyshekin A.I.

Russian state university for the humanities

The article analyzes the legal mechanisms for the recognition of copyrights in foreign countries. Based on an analysis of the legislation and doctrine formulated in foreign countries, the author discloses approaches to determining the author of a work, the principles of territoriality and universality, as well as some particular concepts: «emission», Bogsch and the «root copy». The author studies the rules for recognizing copyright in intellectual property in the Russian Federation. Based on the results of the study, conclusions and suggestions are formulated on the possibility of perceiving the best practices in regulating intellectual property rights.

Keywords: international copyright; conflict binding; lex origins; lex loci protections; applicable right; copyright protection with a foreign element.

References

1. Mingaleva, J.A. The choice of forms of intellectual property protection in the process of innovation / J.A. Mingaleva // Bulletin of Perm University. Series «Jurisprudence». – 2012. – No. 3. – P. 131–137.
2. The Berne Convention for the Protection of Literary and Artistic Works of 09.09.1886 (as amended on 09.28.1979) // Bulletin of International Treaties, No. 9, 2003.
3. Regulation (EC) No. 864/2007 on the law applicable to non-contractual obligations (“Rome II”) [Electronic resource] // Access: <https://pravo.hse.ru/intprilaw/doc/040002> (Date of treatment: 02/23/2020).
4. Law of Greece of March 3, 1993 No. 2121/1993 on Copyright, Related Rights and Cultural Issues. [Electronic resource] // Access: http://www.wipo.int/wipolex/ru/text.jsp?file_id=209258 (Date of access: 02.22.2020).
5. Decree-Law of Portugal of November 25, 1966, No. 47377/66, Civil Code. [Electronic resource] // Access: <http://www.wipo.int/wipolex/ru/details.jsp?id=7991> (Date of access: 02.22.2020).
6. Law of the Romanian Republic of September 22, 1992 No. 105 as applied to the regulation of relations of private international law. [Electronic resource] // Access: <https://pravo.hse.ru/intprilaw/doc/041301> (Date of access: 02.20.2020).
7. German Copyright Act of September 9, 1965 (BGBl. I S. 1273), das zuletzt durch Artikel 1 des Gesetzes vom 28. November 2018 (BGBl. I S. 2014) geändert worden ist «[Electronic resource] // / Access: <https://www.gesetze-im-internet.de/urhg/BJNR012730965.html> (Date of access: 02.24.2020).
8. French law No. 92–597 of July 1, 1992, relating to the intellectual property code (legislative part) [Electronic resource] // Access: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=LEGI TEXT000006079371 & dateTexte = 20160117>
9. US Copyright Act (in English) [Electronic resource] // https://www.copyright.ru/en/library/zakonodatelstvo/zarubezhnoe_zakonodatelstvo/zakon_USA_ob_avtorskom_prave (Date of access: 02.24.2020).
10. Lutkova O. V., Terentyeva L.V., Shakhzanova B.A. Main problems of intellectual property protection in international private law // Moscow State Law University named after O.E. Kutafin (Moscow State Law University). – 2017. – No. 43. – P. 28–36., p. 28
11. World Convention on Copyright (concluded in Geneva on September 6, 1952) // “Bulletin on Copyright”, Volume XXVIII, No. 1, 1995, Volume XXIX, No. 1, 1996, Volume XXX, No. 1, 1997.
12. Koltunova A.S. International mechanisms for the protection of intellectual property // Jurisprudence: problems and prospects: materials of the III Intern. scientific conf. (Kazan, May 2015). – Kazan: Buk, 2015. – P. 207–209., P. 207
13. Krupko S. Turnover of intellectual rights: problems of determining the law to be applied // Economy and Law. 2016. No. 3 (470). P. 109–128.

Некоторые особенности гражданской ответственности субъектов предпринимательских объединений

Кузнецов Кирилл Игоревич,

аспирант Финансового университета при Правительстве
Российской Федерации
E-mail: k.i.kuznecov@gmail.com,

В статье затронуты некоторые особенности гражданской ответственности предпринимательских объединений и их субъектов в России выраженные в специфике исследуемой темы, которые отличаются от общепринятых элементов названной ответственности относительно субъектов гражданского права закрепленных в законодательстве. Автор анализирует и предлагает дефиниции «предпринимательского объединения», «гражданской ответственности субъектов предпринимательского объединения». В исследовании выделяются виды гражданской ответственности, в рамках корпоративного объединения. Представлены специальные условия привлечения к гражданской ответственности, которые должны применяться в совокупности с общеустановленными. Автором также предложены дополнительные инструменты для восстановления нарушенных прав и законных интересов в ходе деятельности предпринимательского объединения.

Ключевые слова: предпринимательские объединения, гражданская ответственность, контроль, собственность, экономическая взаимозависимость, формальная, неформальная связь, внешнегрупповая, внутригрупповая ответственность, недокапитализация, фиктивное юридическое лицо, смешение активов, специальная долевая ответственность, материальная консолидация.

К гражданской ответственности привлекаются субъекты права. В юридической науке понятие «субъект права» является дискуссионным [1]. **Е.Н. Трубецкой, с точки зрения естественного права, к субъектам права относил всех кто способен иметь права** [2]. Г.Ф. Шершеневич указывал на то, что только объективное право наделяет лицо субъектом права и правоотношений [3]. Также нет единства мнений при классификации субъектов права. Профессор М.И. Матузов, делит субъектов права на индивидуальные и коллективные [4]. А.В. Мицкевич критикуя такой подход, обращает внимание на правовой статус лица, он считает недопустимым относить лицо к индивидуальному субъекту права гражданина и должностное лицо государственного органа, поскольку правовой статус различен [5].

Законодатель в гражданском кодексе к субъектам права относит физических лиц (граждане Российской Федерации, лица без гражданства, иностранцы и т.д.), юридических лиц, государство, общественные объединения и т.д. Традиционный цивилистический подход не признает субъектами права предпринимательские объединения [6]. По-иному подходит академик В.С. Нерсисянц, с точки зрения теории общего права, к субъектам права он относит, в том числе и хозяйственные образования [7]. Необходимо отметить, что предпринимательское объединение создается с целью осуществления предпринимательской деятельности, признаки которой закреплены в ст. 2 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.12.2019), где к субъектам права относятся индивидуальные предприниматели и юридические лица, на которые в равной степени распространяется правовое регулирование в соответствии со ст. 23 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.12.2019). Таким образом, ограничиваться одним цивилистическим подходом к правосубъектности предпринимательского объединения не стоит, так как обоснованно отмечает Г.Ф. Ручкина, что правоспособность субъекта предпринимательской деятельности, выходит за рамки гражданско-правовых отношений [8].

В.А. Лаптев выделяет три группы взглядов на правосубъектность предпринимательских объединений [9]. Первый указывает на неправосубъектность предпринимательского объединения. Второй признает отдельные элементы правосубъектности (частичная правосубъектность или квазисубъектность). Третий считают предпринимательские объединения правосубъектными. Споры о правосубъ-

ектности коллективных образований продолжают не только в отношении предпринимательских объединений, некоторые правоведы отмечали, что в советском праве круг организаций, имеющих правосубъектность не совпадала с кругом организаций, являющихся юридическими лицами [10]. Профессор М.И. Матузов указывает на ограниченность некоторых организаций и учреждений для признания их юридическими лицами [11]. Стоит согласиться с В.А. Лаптевым в том, что предпринимательское объединение обладает специальной правосубъектностью, является субъектом предпринимательского права [12]. Существование такого феномена в реальной жизни отрицать нельзя, с конца 19 века в России законодательством допускались различные формы предпринимательских объединений, особо активно современный законодатель пытался ввести правовое регулирование в отношении данного феномена в постсоветский период (например: проект закона о холдингах, закон о финансово-промышленных группах и т.д.). Сегодня отдельные предпринимательские объединения (банковские группы, холдинги и т.д.) регулируются действующим законодательством, но вопрос о деликтоспособности в нормативно-правовых актах затронут не в полной мере [13]. В качестве исключения можно привести ответственность основного хозяйственного товарищества (общества) за дочернее хозяйственное общество или ответственность субъектов простого товарищества [14], но с оговоркой о том, что все перечисленные объединения являются видами предпринимательского объединения и не охватывает все существующие объединения, а гражданская ответственность направлена на самих участников такого объединения.

К правосубъектности помимо правоспособности, дееспособности, относят такие элементы как [15], сделкоспособность; деликтоспособность; трансдееспособность – способность лица своими действиями создавать для других лиц права и обязанности. В законодательстве закреплена возможность распространение деликтоспособности одного субъекта на противоправное поведение других лиц при сохранении ими самостоятельной дееспособности [16].

Интересной является позиция В.А. Лаптева, который указывает на то, что предпринимательскому объединению в целом должна вменяться ответственность по обязательствам такого объединения с последующим распределением на его участников, в зависимости от степени участие в общем деле [17]. Отчасти можно согласиться с данным доводом, такая формула предусмотрена в правовом регулировании простого товарищества. Но как быть, если договор простого товарищества не заключался, а перед нами неформальное предпринимательское объединение? Как представляется доказать участие в общем деле очень сложно, а в некоторых случаях невозможно. Участвовать в общем деле может один или несколько участников объединения (например: «операционная компания», лицо у которых отсутствует материальная база, но осу-

ществляющее рискованные сделки), а в самом объединении количество субъектов может быть больше, но они выполняют роль не связанную с общим делом (например: «удерживающая компания», лицо которое обладает материальными ресурсами, а в хозяйственном обороте не участвует). Поэтому необходимо, во-первых, распространять гражданскую ответственность на участников объединения, во-вторых, возлагать ответственность, в том числе за то, что субъект предпринимательской деятельности входит в предпринимательское объединение, а размер ответственности должен быть определен на основании степени (доли) участия (интеграции) в таком объединении.

Понятие «предпринимательского объединения»

На современном этапе отсутствует единообразие в определении предпринимательского объединения, его признаков. Так, профессор И.С. Шиткина указывает на наличие признаков [18]: контроля и зависимости между участниками холдинга; имущественной и юридической самостоятельности участников холдинга. К.Я. Портной выделяет в качестве признака: единую экономическую политику [19]. С.Н. Грудницкая включает в состав признаков: защиту общих интересов, координацию усилий [20]. Лаптев В.А. обращает внимание на внутреннюю зависимость участников объединения экономическую и (или) организационную [21]. Кузнецов К.И. рассматривает в качестве признаков: формальную, неформальную связь внутри объединения, экономическую взаимозависимость [22]. В руководстве ЮНСИТРАЛ для законодательных органов по вопросам законодательства о несостоятельности часть третья: режим предпринимательских групп при несостоятельности, указываются такие признаки как контроль и собственность [23]. Большинство вышеперечисленных юристов пытаются сформулировать определение «предпринимательского объединения» исходя из выделенных ими признаков. Представляется правильным синтезировать вышеперечисленные признаки в единое определение, вследствие чего, под предпринимательским объединением следует понимать совокупность лиц осуществляющих предпринимательскую деятельность, между которыми существует формальная или неформальная связь в форме контроля, собственности и экономической взаимозависимости как единого имущественного комплекса, для координации единой экономической деятельности таких лиц.

Отсутствие в законодательстве легального определения предпринимательского объединения и его правосубъектности вызывают все новые споры на практике по указанной проблематике. Их можно было бы избежать, закрепив соответствующие положения в гражданском кодексе.

Понятие «гражданско-правовой ответственности субъектов предпринимательских объединений»

Гражданской ответственности присущ характер восстановительно-компенсационный направленный

на восстановление нарушенного права [24]. При такой определённости дефиниция «гражданской ответственности» не утрачивает дискуссионность.

В научной литературе можно выделить две группы взглядов на понятие «гражданская ответственность». Первая группа ученых акцентирует внимание на правонарушителе, к ним относятся: О.С. Иоффе определял гражданскую ответственность как: «санкция за правонарушения, вызывающая для нарушителя отрицательные последствия в виде возложения новых или дополнительных гражданско-правовых обязанностей» [25]; О.А. Красавчиков предлагал понимать под гражданской ответственностью: «основанное на законе гражданско-правовое (как правило, имущественное) воздействие на виновного правонарушителя, выражающееся в лишении его определенных прав или в возложении на него дополнительных обязанностей» [26]; Е.А. Суханов отмечает, что «гражданско-правовая ответственность – одна из форм государственного принуждения, состоящая во взыскании судом с правонарушителя в пользу потерпевшего имущественных санкций, перелагающих на правонарушителя невыгодные имущественные последствия его поведения и направленных на восстановление нарушенной имущественной сферы потерпевшего» [27]; Г.Н. Шевченко относит к гражданско-правовой ответственности «предусмотренную законом или договором меру государственного принуждения имущественного характера, применяемую в целях восстановления нарушенного состояния и удовлетворения потерпевшего за счет правонарушителя» [28]; В.П. Мозолин и М.Н. Малеина рассматривают гражданско-правовую ответственность как: «правоотношение, выражающееся в виде неблагоприятных для правонарушителя (должника) последствий имущественного (иногда неимущественного) характера, обеспеченных государственным принуждением и осуждением правонарушителя» [29].

Вторая группа ученых определяет гражданскую ответственность, не упоминая о правонарушителе. Так, В.П. Грибанов характеризовал гражданско-правовую ответственность как: «одну из форм государственного понуждения, связанную с применением санкций имущественного характера, направленных на восстановление нарушенных прав и стимулирование нормальных экономических отношений юридически равноправных участников гражданского оборота» [30]. А.М. Белякова определяет гражданско-правовую ответственность как: «государственное принуждение к несению отрицательных имущественных последствий, возникающих из договора, причинения вреда, в связи с неисполнением или ненадлежащим исполнением своих обязанностей» [31]. Е.В. Барина под гражданско-правовой ответственностью понимает: «предусмотренные законом или договором, обеспеченные силой государственного принуждения дополнительные обязанности претерпевать имущественные

лишения, потерю некоторых субъективных прав за допущенные правонарушения в целях восстановления или компенсации нарушенных прав потерпевшего» [32]. В.Ф. Попондопуло отмечает, что гражданско-правовая ответственность – это особая обязанность, основанная на особой санкции [33].

Вышеперечисленные определения гражданско-правовой ответственности, в совокупности обладают следующими признаками: возникает на основании договора и/или закона; посредством государственного принуждения; несет неблагоприятные последствия имущественного (иногда неимущественного) характера; направлено на восстановление или компенсацию нарушенных прав. Понятие «гражданской ответственности субъектов предпринимательского объединения» безусловно, включает в себя вышеуказанные признаки, но гражданская ответственность, связанная с предпринимательскими объединениями обладает дополнительными признаками. Так, М.И. Михайлов указывает на то, что для эффективного механизма ответственности необходимо ограничивать деятельность субъекта предпринимательского объединения от деятельности в рамках общего дела и во вне объединения [34]. На это также указывает В.А. Лаптев, который призывает распространять ответственность, на субъектов объединения исходя из степени участия в общем деле. Такое же ограничение ответственности закреплено в гражданском кодексе, каждый товарищ отвечает по общим договорным обязательствам всем своим имуществом пропорционально стоимости его вклада в общее дело [35]. Таким образом, специфическим признаком гражданской ответственности субъектов предпринимательского объединения является «степень интеграции» участника в объединении. Речь идет именно о степени участия субъекта объединения в самом объединении, ранее указывалось на то, что деятельность некоторых участников объединения может, не проявляется в общем деле. Внутренняя сеть связей может показать экономическую взаимозависимость участников как единого имущественного комплекса, без чего невозможна координация единой экономической деятельности таких лиц. Также гражданская ответственность субъектов предпринимательских объединений существует при определенных условиях, но об этом будет сказано ниже.

В связи, с чем гражданская ответственность по обязательствам предпринимательского объединения заключается в применении к субъектам предпринимательского объединения (при определенных условиях, исходя из степени их интеграции в объединении, а также условий договора и законных оснований), мер воздействия в виде солидарной, субсидиарной, долевой гражданско-правовой ответственности, влекущих для участников объединения отрицательные, экономически невыгодные последствия имущественного характера.

Классификация гражданской ответственности субъектов предпринимательской деятельности

На основании возникновения гражданской ответственности, профессор Е.А. Суханов [36], выделяет ответственность за причинение имущественного вреда (подразделяет на договорную и внедоговорную (деликтную)) и за причинение морального вреда. Долевая, солидарная или субсидиарная ответственность, классифицируется в зависимости от числа обязанных лиц. **Регрессная ответственность** допускает ответственность одного лица за действия другого [37].

Профессор Б.М. Гонгало [38] выделяет публично-правовую ответственность (ответственность перед государством в рамках гражданских правоотношений), а также полную, ограниченную и повышенную.

Профессор А.А. Лукьянцев [39], выделяет по кругу ответственных лиц: обычную, долевую, субсидиарную, солидарную, регрессную суброгационную, прямую ответственность и ответственность третьих лиц. По размеру: полную, ограниченную, уменьшенную, повышенную ответственность.

Среди прочего можно выделить иные виды гражданской ответственности субъектов предпринимательских объединений. Внешнегрупповая и внутригрупповая ответственность выделяется на основании состава участников такой ответственности и источника нарушения прав и обязанностей (в результате сделок внутри объединения или сделок с третьими лицами, не входящими в объединение). Внутригрупповая гражданско-правовая ответственность характеризуется наличием охранительных отношений только между субъектами предпринимательского объединения (например, регрессная ответственность одного участника объединения перед другим). Внешнегрупповая гражданско-правовая ответственность возникает между лицами, входящими в предпринимательское объединение и лицом (лицами), не являющимися субъектами такого объединения. Внутригрупповая, внешнегрупповая ответственность также может подразделяться на договорную и внедоговорную, долевую, субсидиарную, солидарную, полную, ограниченную, повышенную и т.д.

Дополнительные специальные условия гражданской ответственности субъектов предпринимательских объединений

Деление условий гражданской ответственности на специальные и общие закреплено в судебных актах Конституционного суда Российской Федерации [40] и научной литературе [41]. Такое деление связывается с субъектом ответственности и характера его действий, например, где причинителем ущерба (правонарушителем) выступают государственные органы и должностные лица (так называемый «публичный субъект» [42]), малолетние граждане [43] и т.д.

К общим или общепризнанным условиям относятся, противоправный характер поведения (действий или бездействия) лица; наличие у потерпевшего лица вреда или убытков; причинно-следственная связь; вина правонарушителя [44]. В некоторых случаях общепризнанные условия применяются в совокупности, но в законодательстве существуют исключения, например, не имеют гражданско-правового значения убытки либо вина в действиях причинителя [45]. Поэтому необходимо учитывать специальные условия, сформированные исходя из субъектного состава гражданской ответственности и существа их действий, такое положение дел существует в некоторых странах, в частности в доктрине «прокалывания корпоративной вуали» и в отечественном законодательстве в рамках дела о несостоятельности (банкротстве) при привлечении контролирующего лица к субсидиарной ответственности. Кроме того, специальные условия ответственности необходимы для привлечения субъектов предпринимательской деятельности, так как общие условия не в полной мере обосновывают привлечение всех участников объединения, которые не являются прямыми правонарушителями.

Исходя из анализа зарубежного опыта [46; 47] и отечественной судебной практики, к специальным условиям гражданско-правовой ответственности субъектов предпринимательского права можно отнести: недокапитализация (вывод активов, убыточная деятельность), использование фиктивного юридического лица, смешение активов, предпринимательское объединение как единое предприятие. Одного из перечисленных условий достаточно для привлечения к ответственности.

Недокапитализация, черты указанного условия видны там, где у одного субъекта предпринимательского объединения производится продажа ликвидного имущества, дебиторской задолженности и т.д., другому участнику объединения, часто это сопровождается установлением не рыночных цен. Не редки случаи, когда участник объединения целенаправленно (в соответствии с бизнес ролью) ведет убыточную деятельность, в связи, с чем субъект предпринимательского объединения с такой бизнес ролью не может отвечать по обязательствам, взятым на себя в ходе описанной деятельности, часто это встречается в налоговых правоотношениях. Российский правоприменитель сталкивался с такими случаями. К примеру, в одном судебном споре, суды посчитали, что банк и компания HSBC Management должны были знать о задолженности должника перед налоговым органом, но несмотря на это произвели вывод всех личных средств со счета должника, в связи с чем не исполнены обязательства [48]. В другом судебном споре сторона судебного разбирательства не смогла опровергнуть довод о вхождении должника в группу компании. Судом также было установлено, что на момент совершения банковских операций по выводу активов должника, послед-

ним не были исполнены налоговые обязательства. Итогом описанного разбирательства стало привлечение к ответственности участников предпринимательского объединения [49].

В практике США в отношении использования фиктивного юридического лица, устанавливаются обычно два обстоятельства: 1) отсутствие самостоятельности у юридического лица при доминировании и контроле другого лица; 2) создание юридического лица с противоправной целью в качестве инструмента.

Фискальный орган России разработал рекомендации для выявления фиктивных юридических лиц (фирм-однодневок). Признаками фирмы-однодневки являются отсутствие фактической самостоятельности, создание без цели ведения предпринимательской деятельности, отсутствие налоговой отчетности, регистрация по адресу массовой регистрации, отсутствие персонала; наличие численности организации в составе 1 человека; отсутствие собственных либо арендованных основных средств; транспортных средств и т.д. [50]. Основная борьба активно разворачивается в Российских судах [51].

Смещение активов является трудным условием. В основном характеризуется тем, что определённой материальной базой пользуются все субъекты предпринимательского объединения, но это имущество может принадлежать только одному участнику. В определённых правоотношениях этот участник может выступать поручителем, залогодателем и т.д. Использование имущества участниками объединения может осуществляться без договорных отношений, на безвозмездной основе и т.д. К примеру, закон о банкротстве Испании, наделяет кредитора правом подать в суд заявление о банкротстве нескольких должников, если у должников установлено наличие смещения активов и обязательств, и они являются участниками объединения [52].

Квалификация предпринимательского объединения как единый имущественный комплекс (предприятие) часто обсуждается в научной литературе стран общего права (Англии и США) в рамках доктрины «прокалывание корпоративной вуали», а в судебной практике Франции создан прецедент, позволяющий привлекать к гражданской ответственности на основании того, что предпринимательское объединение и его субъекты являются «единым предприятием» («unit d'entreprise») [53]. К примеру, Аристова Е.А. выделяет следующие признаки «единого предприятия»: экономическая интеграция; контроль со стороны головной корпорации; финансовая и административная взаимозависимость; единый публичный образ [54]. Представляется правильным установить производственно-технологическую цепочку, в конце которой получается готовый продукт, услуга и т.д., для выпуска в гражданский оборот (на рынок). Для этого потребуется функционально-экономический анализ каждого субъекта предпринимательского объединения. В качестве примера можно приве-

сти военно-промышленный комплекс или оборонно-промышленный комплекс, где существуют десятки подразделений единого производственного цикла, которые обладают формальной независимостью (являются отдельными юридическими лицами).

Квалификация субъектов предпринимательского объединения как единый имущественный комплекс не редко становится предметом судебных разбирательств. В одном из судебных споров суды согласились с доводами налогового органа об отсутствии у заявителя права на применение упрощенной системы налогообложения вследствие получения им необоснованной налоговой выгоды в результате совместных действий общества и индивидуальных предпринимателей как единого хозяйствующего субъекта [55]. В другом деле, суд апелляционной инстанции выделил некоторые признаки предпринимательского объединения как единого имущественного комплекса указав, что, группа лиц выступала на товарном рынке в качестве единого субъекта, действующего в едином экономическом интересе [56]. В третьем деле, суд отметил, что экономические отношения между основным и дочерним обществом с экономической точки зрения говорят о едином хозяйствующем субъекте, так как основное общество обязано, на стадии учреждения дочернего общества, произвести вклад в уставный капитал, и в ходе деятельности основное общество также вправе производить на любой стадии деятельности дочернего общества имущественные вложения без встречного предоставления по сделке [57].

Дополнительные инструменты с целью восстановления нарушенных прав и законных интересов

В ходе реализации гражданской ответственности субъектов предпринимательских объединений, как при любой ответственности принципы очерчивают границы дозволенного там, где восстановление прав и законных интересов не перерастут в нарушение прав и законных интересов правонарушителя. Общеизвестными принципами являются: законность; неотвратимость ответственности; полное возмещение вреда; равенство сторон; справедливость и т.д. Но в случае с предпринимательскими объединениями, необходимо установить дополнительные специальные принципы, такие как ограничение ответственности субъектов предпринимательского объединения на основании степени интеграции в объединении; сохранение платежеспособности участников предпринимательского объединения.

В отечественной научной литературе специальный принцип «сохранение платежеспособности субъекта предпринимательского объединения» рассматривался рядом юристов [58; 59]. Суть названного принципа заключается в том, что недопустимо возложение ответственности на участника предпринимательского объединения, размер которой будет превышать размер его имущественного

положения и возможностей относительно восстановления прав и законных интересов. Иными словами, восстановление прав и законных интересов не должно приводить к банкротству предпринимательского объединения и его участников, это обстоятельство отмечено в одном из Постановлений ВАС РФ [60]. Если, в совокупности субъекты предпринимательского объединения не способны восстановить последствия нарушенных прав и законных интересов, то необходимо инициировать процесс банкротства, где предусмотрено специальное правовое регулирование, но в этом случае целесообразно в законодательстве предусмотреть коллективное банкротство.

В действующем законодательстве предусмотрено субсидиарная, солидарная и долевая гражданская ответственность. Принцип «степень интеграции» и «сохранение платежеспособности субъекта предпринимательского объединения» практически невозможно применить в солидарной и субсидиарной гражданской ответственности, так как указанный вид ответственности не позволяет выделить долю ответственности каждого участника, а учесть имущественное положение одного из участников не представляется возможным. В рамках долевой ответственности перечисленные принципы также не применимы, так как по общим правилам должники несут ответственность в равных долях, если иное не предусмотрено правовыми актами. С целью преодоления перечисленных проблем представляется возможным предложить дополнительные инструменты в рамках указанных видов гражданской ответственности.

Из долевой гражданской ответственности, на основании источника, закрепляющего такую ответственность, можно выделить общую, договорную и специальную внешнегрупповую долевую ответственность. Общая и договорная внешнегрупповая ответственность не отличается от традиционной, за одним исключением, договорная долевая ответственность может быть установлена по соглашению между должниками и кредитором(ами), например мировое соглашение в рамках судебного разбирательства. Источником, закрепляющим общую долевую ответственность является закон.

Специальная долевая ответственность основывается на судебном акте, в связи, с чем под специальной долевой гражданской ответственностью понимается мера воздействия на одного или нескольких субъектов предпринимательского объединения, посредством определенной в судебном порядке доли, в рамках которой привлекаемый участник объединения понесет отрицательные экономически невыгодные последствия имущественного характера. Это необходимо в случае, когда используется фиктивное юридическое лицо или активы объединения сосредоточены у одного участника, который не участвует в гражданском обороте, а остальные участники отвечают признаку недокапитализации. При назначении специальной долевой ответственности судом, с учетом принципов «степени интеграции» и «сохранения

платежеспособности участников предпринимательского объединения», устанавливаются обстоятельства взаимоотношений между участниками предпринимательского объединения, к их числу можно отнести:

- степень доминировано-зависимых отношений между участниками предпринимательского объединения с учетом имущественного положения каждого;
- условия и причины убыточной деятельности участника(ов) предпринимательского объединения;
- оправданный предпринимательский риск;
- экономическая взаимозависимость участников предпринимательского объединения;
- наличие специальных условий гражданско-правовой ответственности субъектов предпринимательского объединения;
- действия участников предпринимательского объединения после обращения кредитора в суд;
- иные вопросы.

В качестве альтернативного варианта внешнегрупповой специальной долевой ответственности, можно предложить инструмент под названием «материальная консолидация», который можно отнести к субсидиарному или солидарному виду гражданской ответственности. Предлагаемый инструмент характеризуется тем, что суд в принудительном порядке с учетом принципов «степени интеграции» и «сохранения платежеспособности участников предпринимательского объединения» консолидирует активы и пассивы участников предпринимательского объединения как единого имущественного комплекса, за счет которого производится удовлетворение требований кредитора(ов). Такой вариант развития событий допустим при классификации предпринимательского объединения как единого имущественного комплекса или смешении активов, при котором практически невозможно выделить правообладателя активами предпринимательского объединения.

Таким образом, современное положение дел, касающихся предпринимательских объединений в части гражданской ответственности требует внести изменения в законодательство, определив статус самого предпринимательского объединения, в том числе закрепив его официальное определение, указав возможные юридические связи субъектов предпринимательских объединений и их виды, специальные условия, принципы гражданской ответственности применительно к участникам предпринимательского объединения, а также включив альтернативные меры воздействия на субъектов предпринимательских объединений с целью восстановления нарушенных прав и законных интересов.

Литература

1. Дябкина, Л.П. Определение понятия «субъект права» в контексте основных видов правопони-

мания / Л.П. Дябкина // Современная наука. – 211. – № 1 (4) 2011. – С. 21–25. – Текст: электронный. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/opredelenie-ponyatiya-subekt-prava-v-kontekste-osnovnyh-tipov-pravoponimaniya/viewer> (дата обращения: 21.02.2020).

2. Трубецкой, Е.Н. Энциклопедия права. – СПб.: Лань, 1999. – С. 160. – ISBN отсутствует.
3. Шершеневич, Г.Ф. Общая теория права. – М., 1995. Т. 1. Вып. 1 (по изданию 1910–1912 гг.). – 577 с. – ISBN отсутствует.
4. Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. – М., 2004. – С. 188. – ISBN отсутствует.
5. Общая теория советского права. Под ред. С.Н. Братусь и И.С. Самощенко. – Москва. Издательство «Юридическая литература», 1966. – С. 189. – ISBN отсутствует.
6. Российское гражданское право: учебник: в 2 т. / В.С. Ем, И.А. Зенин, Н.В. Козлова и др.; отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд., стереотип. – М.: Статут, 2011. Т. 1. Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права. – 958 с. – СПС «КонсультантПлюс». – Текст: электронный.
7. Нерсисянц, В.С. Общая теория права и государства: Учеб. для вузов: Учеб. для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / В.С. Нерсисянц; Ин-т государства и права Рос. акад. наук, Акад. правовой ин-т. – Москва: Изд. группа НОРМА-ИНФРА-М, 1999. – С. 509. – ISBN 5-89123-381-9.
8. Ручкина, Г.Ф. Предпринимательская правосубъектность как элемент правового статуса гражданина / Г.Ф. Ручкина // Юрист. – 2003. – № 10. – С. 2–6. – ISSN отсутствует.
9. Лаптев, В.А. Предпринимательские объединения: холдинги, финансово-промышленные группы, простые товарищества. – М.: Волтерс Клувер, 2008. – 192 с. – СПС «КонсультантПлюс». – Текст: электронный.
10. Общая теория советского права. Под ред. С.Н. Братусь и И.С. Самощенко. – Москва. Издательство «Юридическая литература», 1966. – С. 290. – ISBN отсутствует.
11. См.: ст. 48, ст. 67.3 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.12.2019). – СПС «КонсультантПлюс». – Текст: электронный.
12. Лаптев, В.А. Предпринимательские объединения: холдинги, финансово-промышленные группы, простые товарищества. – М.: Волтерс Клувер, 2008. – 192 с. – СПС «КонсультантПлюс». – Текст: электронный.
13. Кузнецов, К.И. Формальные и неформальные предпринимательские объединения / Право и экономика. – 2019. – № 3 (373). – С. 41–48. – ISSN0869–7671.
14. См. ст. 1047 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 18.03.2019, с изм. от 03.07.2019). – СПС «КонсультантПлюс». – Текст: электронный.
15. Гражданское право: учебник: в 2 т. / С.С. Алексеев, О.Г. Алексеева, К.П. Беляев и др.; под ред. Б.М. Гонгало. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2018. – Т. 1. – 528 с. – СПС «КонсультантПлюс». – Текст: электронный.
16. См.: ч. 3, ст. 28, ст. 67.3, ст. 402, ст. 403 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.12.2019). – СПС «КонсультантПлюс». – Текст: электронный.
17. Лаптев, В.А. Предпринимательские объединения: холдинги, финансово-промышленные группы, простые товарищества. – М.: Волтерс Клувер, 2008. – 192 с. – СПС «КонсультантПлюс». – Текст: электронный.
18. Шиткина, И.С. Холдинги. Правовой и управленческий аспекты/ И.С. Шиткина. – М.: Городец-издат, 2003. – С. 15. – ISBN 5-9258-0066-4.
19. Портной, К.Я. Правовое положение холдингов в России: науч.-практ. пособие. – М.: Волтерс Клувер, 2004. С. 26. – ISBN 5-466-00028-0.
20. Лаптев, В.А. Предпринимательские объединения: холдинги, финансово-промышленные группы, простые товарищества. – М.: Волтерс Клувер, 2008. – 192 с. – СПС «КонсультантПлюс». – Текст: электронный.
21. Лаптев, В.А. Корпоративное право: правовая организация корпоративных систем: монография. – М.: Проспект, 2019. – 384 с. – СПС «КонсультантПлюс». – Текст: электронный.
22. Кузнецов, К.И. Формальные и неформальные предпринимательские объединения / Право и экономика. – 2019. – № 3 (373). – С. 41–48. – ISSN0869–7671.
23. Руководство ЮНСИТРАЛ для законодательных органов по вопросам законодательства о несостоятельности Часть третья: Режим предпринимательских групп при несостоятельности. Организация Объединенных Наций. – 2012. – Текст: электронный. – URL: <http://www.uncitral.org/pdf/russian/texts/insolven/Leg-Guide-Insol-Part3-ebook-R.pdf> (дата обращения: 23.02.2020).
24. Витрук, Н.В. Общая теория юридической ответственности. 2-е изд., испр. и доп. – М.: НОРМА, 2009. – 432 с. – ISBN 978-5-91768-033-0.
25. Иоффе, О.С. Обязательственное право. – М., 1975. – С. 97. – ISBN отсутствует.
26. Красавчиков, О.А. Ответственность, меры защиты и санкции в советском гражданском праве // Категории науки гражданского права: избр. тр.: в 2 т. Т. 2. – М., 2005. – С. 257–262. – ISBN отсутствует.
27. Российское гражданское право: учебник: в 2 т. / В.С. Ем, И.А. Зенин, Н.В. Козлова и др.; отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд., стереотип. – М.: Статут, 2011. Т. 1. Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права. – 958 с. – СПС «КонсультантПлюс». – Текст: электронный.

28. Гражданское право [Текст]: учебник: [в 3 т.] / [Е.Н. Абрамова и др.]; под ред. А.П. Сергеева. – Москва: Проспект, 2005. – 765 с. – ISBN отсутствует.
29. Гражданское право [Текст]: [учебник: в 3 т.] / отв. ред. В.П. Мозолин. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – Москва: Проспект, 2016. – 963 с. ISBN 978-5-392-18530-6.
30. Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. М.: Статут. – 2000. 411 с. – Текст: электронный. – URL: <https://civil.consultant.ru/elib/books/1/> (дата обращения: 23.02.2020).
31. Белякова, А.М. Гражданско-правовая ответственность за причинение вреда: Теория и практика. – М.: Изд-во Московского ун-та., 1986. – С. 10. – ISBN отсутствует.
32. Баринаова, Е.В. Понятие, виды и формы гражданско-правовой ответственности за нарушение договорного обязательства // Актуальные проблемы гражданского права: Сб. статей. Вып. 6 / Под ред. О.Ю. Шиловоста. – М.: Норма, 2003. – С. 274–310. – ISSN отсутствует.
33. Попондопуло, В.Ф. Динамика обязательственного правоотношения и гражданско-правовая ответственность. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 1985. – С. 62. – ISBN отсутствует.
34. Михайлов, Н.И. Особенности предпринимательско-правовой ответственности участников производственно-финансовых комплексов / Н.И. Михайлов // Предпринимательское право. – 2010. – № 4. – С. 39–42. – СПС «КонсультантПлюс». – Текст: электронный.
35. См. ст. 1047 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 18.03.2019, с изм. от 03.07.2019). – СПС «КонсультантПлюс». – Текст: электронный.
36. Российское гражданское право: учебник: в 2 т. / В.С. Ем, И.А. Зенин, Н.В. Козлова и др.; отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд., стереотип. – М.: Статут, 2011. Т. 1. Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права. – 958 с. – СПС «КонсультантПлюс». – Текст: электронный.
37. См.: ст. 402, 403 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.12.2019). – СПС «КонсультантПлюс». – Текст: электронный.
38. Гражданское право: учебник: в 2 т. / С.С. Алексеев, О.Г. Алексеева, К.П. Беляев и др.; под ред. Б.М. Гонгалло. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2018. – Т. 1. – 528 с. – СПС «КонсультантПлюс». – Текст: электронный.
39. Гражданское право. В 2 ч. Ч. 1: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция» / под ред. В.П. Камышанского, Н.М. Коршунова, В.И. Иванова. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. – С. 336–337. – ISBN 978-5-238-02112-6.
40. См.: определения Конституционного Суда Российской Федерации от 4 июня 2009 года N1005-О-О, от 2 ноября 2011 года N1463-О-О, от 17 января 2012 года N149-О-О, от 25 февраля 2013 года N302-О, от 19 ноября 2015 года N2699-О, от 22 декабря 2015 года N2794-О, от 29 сентября 2016 года N2149-О и др. – СПС «КонсультантПлюс». – Текст: электронный.
41. См.: Юридическая ответственность органов и должностных лиц публичной власти: монография / И.А. Алексеев, Р.Э. Арутюнян, Л.Г. Берлявский и др.; под ред. И.А. Алексеева, М.И. Цапко. Москва: Проспект, 2017. 128 с. Арзуманова Л.Л., Рождественская Т.Э., Белова Л.Г., Костюк И.В., Ротко С.В., Холкина М.Г., Рогалева М.А. Комментарий к Федеральному закону от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» (постатейный) // СПС КонсультантПлюс. 2018. Андреев Ю.Н. Ответственность государства за причинение вреда: цивилистические аспекты. СПб.: Юридический центр Пресс, 2013. 374 с. Дубровская И.А. Права ребенка: Пособие. М.: ГроссМедиа, РОСБУХ, 2008. 176 с. и др.
42. Кабанова, И.Е. Гражданско-правовая ответственность публичных субъектов: вопросы теории и практики: монография / отв. ред. М.А. Егорова. – М.: Юстицинформ, 2018. – 398 с. – СПС «КонсультантПлюс». – Текст: электронный.
43. См. ст. 1073 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 18.03.2019, с изм. от 03.07.2019). – СПС «КонсультантПлюс». – Текст: электронный.
44. Российское гражданское право: учебник: в 2 т. / В.С. Ем, И.А. Зенин, Н.В. Козлова и др.; отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд., стереотип. – М.: Статут, 2011. Т. 1. Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права. – 958 с. – СПС «КонсультантПлюс». – Текст: электронный.
45. Российское гражданское право: учебник: в 2 т. / В.С. Ем, И.А. Зенин, Н.В. Козлова и др.; отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд., стереотип. – М.: Статут, 2011. Т. 1. Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права. – 958 с. – СПС «КонсультантПлюс». – Текст: электронный.
46. Кузнецов, К.И. Предпринимательские объединения России и Германии / Право и экономика. – 2018. – № 3 (361). – С. 32–40. – ISSN0869–7671.
47. Кузнецов, К.И. К вопросу об ответственности участников предпринимательских объединений в законодательстве Франции, США и Великобритании / Вопросы российского и международного права. – 2019. – № 2А.Том 9. – С. 305–313. – ISSN2222–5129.
48. См.: Определение Верховного Суда РФ от 06.08.2018 № 308-ЭС17–6757(2,3) по делу № А22–941/2006. – СПС «КонсультантПлюс». – Текст: электронный.

49. См.: Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 24.11.2017 № Ф08–8869/2017 по делу № А22–941/2006. – СПС «КонсультантПлюс». – Текст: электронный.
50. См.: Письмо ФНС России от 24.07.2015 № ЕД–4–2/13005@.; Письмо Минфина России от 17.12.2014 № 03–02–07/1/65228. – СПС «КонсультантПлюс». – Текст: электронный.
51. См. Определение Верховного Суда РФ от 17.05.2016 № 301-КГ16–4026 по делу № А28–1857/2015; Определение Верховного Суда РФ от 17.05.2016 № 301-КГ16–4026 по делу № А28–1857/2015; Определение Верховного Суда РФ от 24.10.2017 № 306-КГ17–17172 по делу № А65–25875/2016. – СПС «КонсультантПлюс». – Текст: электронный.
52. Гуляева, Д.А. Правовое регулирование экономических отношений. Несостоятельность (банкротство) / под ред. Е.П. Губина, С.А. Карелиной. – М.: Статут, 2018. – 256 с. – СПС «КонсультантПлюс». – Текст: электронный.
53. Vandekerckhove K. Piercing the Corporate Veil: A Transnational Approach. Leuven, 2005. – Текст: электронный. – URL: <https://ru.b-ok.cc/book/2765027/b00ffc> (дата обращения: 23.02.2020).
54. Аристова, Е.А. Ответственность трансграничных корпоративных групп: теория и практика. – М.: Инфотропик Медиа, 2014. – 248 с. – СПС «КонсультантПлюс». – Текст: электронный.
55. См.: Определение Верховного Суда РФ от 10.11.2016 № 302-КГ16–14547 по делу № А74–7326/2015. – СПС «КонсультантПлюс». – Текст: электронный.
56. См.: Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 02.09.2010 по делу № А19–11048/08. – СПС «КонсультантПлюс». – Текст: электронный.
57. См.: Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 13.06.2017 № Ф09–2173/17 по делу № А60–19440/2015. – СПС «КонсультантПлюс». – Текст: электронный.
58. Юдина, С. Взыскание убытков и коллективные иски в антимонопольном праве / С. Юдина // Конкуренция и право. – 2013. – № 5. – С. 20–24. – СПС «КонсультантПлюс». – Текст: электронный.
59. Ермаков, С.Л. Экономико-правовое регулирование банковской деятельности в условиях мирового финансового кризиса / С.Л. Ермаков // Банковское право. – М.: Юрист. – 2009. – № 3. – С. 10–14. – ISSN отсутствует.
60. См.: п. 3 Постановления Пленума ВАС РФ от 03.03.1999 № 4 «О некоторых вопросах, связанных с обращением взыскания на акции». – СПС «КонсультантПлюс». – Текст: электронный.

SOME FEATURES OF CIVIL LIABILITY OF SUBJECTS OF BUSINESS ASSOCIATIONS

Kuznetsov K.I.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The article touches on some features of the civil liability of business associations and their entities in Russia, which differ from the generally accepted elements of this responsibility with respect to civil law entities enshrined in law and reflect the specifics of the topic under study. The author analyzes and offers the definitions of “entrepreneurial association”, “civil liability of subjects of an entrepreneurial association”. The study will highlight the types of civil liability within a corporate association. Additional conditions for bringing to civil liability are presented, which should be applied in conjunction with generally established ones. The author also proposed additional tools for restoring violated rights and legitimate interests in the course of the business association.

Keywords: business associations, civil liability, control, property, economic interdependence, formal, informal communication, external group, internal group liability, undercapitalization, fictitious legal entity, mix of assets, special share responsibility, material consolidation.

References

1. Dyabkina, L.P. Definition of the concept of “subject of law” in the context of the main types of legal understanding / L.P. Dyabkina // Modern science. – 211. – No. 1 (4) 2011. – S. 21–25. – Text: electronic. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/opredelenie-ponyatiya-subekt-prava-v-kontekste-osnovnyh-tipov-pravoponimaniya/viewer> (accessed: 02.21.2020).
2. Trubetskoy, E.N. Encyclopedia of Law. – SPb.: Doe, 1999. – S. 160. – ISBN is absent.
3. Shershenevich, G.F. General theory of law. – M., 1995.V. 1. Issue. 1 (according to the publication of 1910–1912). – 577 p. – ISBN is missing.
4. Theory of state and law: Course of lectures / Ed. N.I. Matuzova, A.V. Malko. – M., 2004. – S. 188. – ISBN is absent.
5. The general theory of Soviet law. Ed. S.N. Brother and I.S. Samoshchenko. – Moscow. Publishing house “Legal literature”, 1966. – P. 189. – ISBN is absent.
6. Russian civil law: textbook: in 2 volumes / V.S. Eat, I.A. Zenin, N.V. Kozlova and others; open ed. E.A. Sukhanov. 2nd ed., Stereotype. – M.: Statute, 2011. T. 1. The general part. Property law. Inheritance law. Intellectual rights. Personal non-property rights. – 958 s. – ATP “Consultant Plus”. – Text: electronic.
7. Nersesyants, V.S. General theory of law and state: Textbook for universities: Textbook for university students enrolled in the specialty “Jurisprudence” / V.S. Nersesyants; Institute of State and Law Ros. Acad. Sciences, Acad. legal institute – Moscow: Publishing House group NORMA-INFRA-M, 1999. – P. 509. – ISBN 5-89123-381-9.
8. Ruchkina, G.F. Entrepreneurial legal personality as an element of the legal status of a citizen / G.F. Ruchkina // Lawyer. – 2003. – No. 10. – S. 2–6. – ISSN is missing.
9. Laptev, V.A. Entrepreneurial associations: holdings, financial and industrial groups, simple partnerships. – M.: Walters Clover, 2008. – 192 p. – ATP “Consultant Plus”. – Text: electronic.
10. General theory of Soviet law. Ed. S.N. Brother and I.S. Samoshchenko. – Moscow. Publishing house “Legal literature”, 1966. – P. 290. – ISBN is absent.
11. See: Art. 48, Art. 67.3 Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated November 30, 1994 No. 51-FZ (as amended on December 16, 2019). – ATP “Consultant Plus”. – Text: electronic.
12. Laptev, V.A. Entrepreneurial associations: holdings, financial and industrial groups, simple partnerships. – M.: Walters Clover, 2008. – 192 p. – ATP “Consultant Plus”. – Text: electronic.
13. Kuznetsov, K.I. Formal and informal business associations / Law and Economics. – 2019. – No. 3 (373). – P. 41–48. – ISSN0869–7671.
14. See Art. 1047 Civil Code of the Russian Federation (part two) dated 01/26/1996 No. 14-ФЗ (as amended on 03/18/2019, as amended on 07/03/2019). – ATP “Consultant Plus”. – Text: electronic.

15. Civil law: textbook: in 2 volumes / S.S. Alekseev, O.G. Alekseeva, K.P. Belyaev et al. ; under the editorship of B.M. Gongalo. 3rd ed., Revised. and add. M.: Statute, 2018. – T. 1. – 528 p. – ATP “Consultant Plus”. – Text: electronic.
16. See: Part 3, Art. 28, Art. 67.3, Article 402, Art. 403 Civil Code of the Russian Federation (Part One) “dated November 30, 1994 No. 51-FZ (as amended on December 16, 2019). – ATP “Consultant Plus”. – Text: electronic.
17. Laptev, V.A. Entrepreneurial associations: holdings, financial and industrial groups, simple partnerships. – M.: Walters Clover, 2008. – 192 p. – ATP “Consultant Plus”. – Text: electronic.
18. Shitkina, I.S. Holdings. Legal and managerial aspects / I.S. Shitkina. – M.: Gorodets-publ., 2003. – P. 15. – ISBN 5-9258-0066-4.
19. Tailor, K. Ya. The legal status of holdings in Russia: scientific-practical. allowance. – M.: Walters Kluver, 2004. P. 26. – ISBN 5-466-00028-0.
20. Laptev, V.A. Entrepreneurial associations: holdings, financial and industrial groups, simple partnerships. – M.: Walters Clover, 2008. – 192 p. – ATP “Consultant Plus”. – Text: electronic.
21. Laptev, V.A. Corporate law: legal organization of corporate systems: monograph. – M.: Prospect, 2019. – 384 p. – ATP “Consultant Plus”. – Text: electronic.
22. Kuznetsov, K.I. Formal and informal business associations / Law and Economics. – 2019. – No. 3 (373). – P. 41–48. – ISSN0869–7671.
23. UNCITRAL Legislative Guide on Insolvency Law Part Three: The insolvency of business groups. United Nations. – 2012. – Text: electronic. – URL: <http://www.uncitral.org/pdf/russian/texts/insolven/Leg-Guide-Insol-Part3-ebook-R.pdf> (accessed: 02.23.2020).
24. Vitruk, N.V. The general theory of legal responsibility. 2nd ed., Rev. and add. – M.: NORMA, 2009. – 432 p. – ISBN 978-5-91768-033-0.
25. Ioffe, O.S. Law of obligations. – M., 1975. – P. 97. – ISBN is absent.
26. Krasavchikov, O.A. Responsibility, protective measures and sanctions in Soviet civil law // Categories of the science of civil law: fav. tr.: in 2 vols. T. 2. – M., 2005. – 257–262 p. – ISBN is missing.
27. Russian civil law: a textbook: in 2 volumes / V.S. Eat, I.A. Zenin, N.V. Kozlova and others; open ed. E.A. Sukhanov. 2nd ed., Stereotype. – M.: Statute, 2011. T. 1. The general part. Property law. Inheritance law. Intellectual rights. Personal non-property rights. – 958 s. – ATP “Consultant Plus”. – Text: electronic.
28. Civil law [Text]: textbook: [3 vol.] / [E.N. Abramova et al.]; under the editorship of A.P. Sergeeva. – Moscow: Prospect, 2005. – 765 p. – ISBN is missing.
29. Civil law [Text]: [textbook: 3 vol.] / Otv. ed. V.P. Mozolin. – Ed. 2nd, rev. and add. – Moscow: Prospect, 2016. – 963 p. ISBN 978-5-392-18530-6.
30. Gribov V.P. Implementation and protection of civil rights. M.: Statute. – 2000.411 s. – Text: electronic. – URL: <https://civil.consultant.ru/elib/books/1/> (accessed: 02.23.2020).
31. Belyakova, A.M. Civil liability for harm: Theory and practice. – M.: Publishing house of Moscow University., 1986. – P. 10. – ISBN is absent.
32. Barinova, E.V. The concept, types and forms of civil liability for violation of a contractual obligation // Actual problems of civil law: Sat. articles. Vol. 6 / Ed.O. Yu. Pintail. – M.: Norma, 2003. – S. 274–310. – ISSN is missing.
33. Popondopulo, V.F. The dynamics of the obligation and civil liability. – Vladivostok: Publishing House of the Far Eastern University, 1985. – P. 62. – ISBN is absent.
34. Mikhailov, N.I. Features of entrepreneurial legal responsibility of participants in production and financial complexes / N.I. Mikhailov // Business law. – 2010. – No. 4. – P. 39–42. – ATP “Consultant Plus”. – Text: electronic.
35. See art. 1047 Civil Code of the Russian Federation (part two) dated 01/26/1996 No. 14-ФЗ (as amended on 03/18/2019, as amended on 07/03/2019). – ATP “Consultant Plus”. – Text: electronic.
36. Russian civil law: textbook: 2 vol. / V.S. Eat, I.A. Zenin, N.V. Kozlova and others; open ed. E.A. Sukhanov. 2nd ed., Stereotype. – M.: Statute, 2011. T. 1. The general part. Property law. Inheritance law. Intellectual rights. Personal non-property rights. – 958 p. – ATP “Consultant Plus”. – Text: electronic.
37. See: Art. 402,403 Civil Code of the Russian Federation (part one) dated November 30, 1994 No. 51-FZ (as amended on December 16, 2019). – ATP “Consultant Plus”. – Text: electronic.
38. Civil law: textbook: 2 vol. / S.S. Alekseev, O.G. Alekseeva, K.P. Belyaev et al. ; under the editorship of B.M. Gongalo. 3rd ed., Revised. and add. M.: Statute, 2018. – T. 1. – 528 p. – ATP “Consultant Plus”. – Text: electronic.
39. Civil law. At 2 hours. Part 1: a textbook for university students enrolled in the field of “Law” / ed. V.P. Kamyshansky, N.M. Korshunova, V.I. Ivanova. – M.: UNITY-DANA, 2012. – P. 336–337. – ISBN 978-5-238-02112-6.
40. See: Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation of June 4, 2009 N1005-O-O, of November 2, 2011 N1463-O-O, of January 17, 2012 N149-O-O, of February 25, 2013 of the year N302-O, dated November 19, 2015 N2699-O, dated December 22, 2015 N2794-O, dated September 29, 2016 N2149-O, etc. – ATP Consultant Plus. – Text: electronic.
41. See: Legal responsibility of public authorities and officials: monograph / I.A. Alekseev, R.E. Harutyunyan, L.G. Berlyavsky and others; under the editorship of I.A. Alekseeva, M.I. Tsapko. Moscow: Prospect, 2017. 128 p. Arzumanova L.L., Rozhdestvenskaya T.E., Belova L.G., Kostyuk I.V., Rotko S.V., Kholkina M.G., Rogaleva M.A. Commentary on the Federal Law of April 22, 1996 No. 39-ФЗ “On the Securities Market” (itemized) // ATP ConsultantPlus. 2018. Andreev Yu.N. State Responsibility for Harm: Civil Aspects. St. Petersburg: Legal Center Press, 2013. 374 p. Dubrovskaya I.A. Children’s Rights: A Handbook. M.: GrossMedia, ROSBUKH, 2008. 176 p. and etc.
42. Kabanova, I.E. Civil liability of public entities: theory and practice: monograph / ed. ed. M.A. Egorova. – M.: Justicinform, 2018. – 398 p. – ATP “Consultant Plus”. – Text: electronic.
43. See art. 1073 Civil Code of the Russian Federation (part two) dated 01/26/1996 No. 14-FZ (as amended on 03/18/2019, as amended on 07/03/2019). – ATP “Consultant Plus”. – Text: electronic.
44. Russian civil law: textbook: 2 vol. / V.S. Eat, I.A. Zenin, N.V. Kozlova and others; open ed. E.A. Sukhanov. 2nd ed., Stereotype. – M.: Statute, 2011. T. 1. The general part. Property law. Inheritance law. Intellectual rights. Personal non-property rights. – 958 p. – ATP “Consultant Plus”. – Text: electronic.
45. Russian civil law: textbook: in 2 volumes / V.S. Eat, I.A. Zenin, N.V. Kozlova and others; open ed. E.A. Sukhanov. 2nd ed., Stereotype. – M.: Statute, 2011. T. 1. The general part. Property law. Inheritance law. Intellectual rights. Personal non-property rights. – 958 p. – ATP “Consultant Plus”. – Text: electronic.
46. Kuznetsov, K.I. Entrepreneurial associations of Russia and Germany / Law and Economics. – 2018. – No. 3 (361). – P. 32–40. – ISSN0869–7671.
47. Kuznetsov, K.I. To the question of the liability of participants in business associations in the laws of France, the USA and Great Britain / Issues of Russian and international law. – 2019. – No. 2A. Volume 9. – P. 305–313. – ISSN2222–5129.
48. See: Determination of the Supreme Court of the Russian Federation of 06.08.2018 No. 308-ES17–6757 (2,3) in the case No. A22–941 / 2006. – ATP “Consultant Plus”. – Text: electronic.
49. See: Resolution of the Arbitration Court of the North Caucasus District dated 11.24.2017 No. F08–8869 / 2017 in Case No. A22–941 / 2006. – ATP “Consultant Plus”. – Text: electronic.
50. See: Letter of the Federal Tax Service of Russia dated 07.24.2015 No. ED-4–2 / 13005 @.; Letter of the Ministry of Finance of Russia dated December 17, 2014 No. 03–02–07 / 1/65228. – ATP “Consultant Plus”. – Text: electronic.
51. See the determination of the Supreme Court of the Russian Federation of 05.17.2016 No. 301-KG16–4026 in case No. A28–1857 / 2015; The determination of the Supreme Court of the Russian Federation of 05.17.2016 No. 301-KG16–4026 in case No. A28–1857 / 2015; The determination of the Supreme Court of the Russian Federation of October 24, 2017 No. 306-KG17–17172 in the case No. A65–25875 / 2016. – ATP “Consultant Plus”. – Text: electronic.
52. Gulyaev, D.A. Legal regulation of economic relations. Insolvency (Bankruptcy) / Ed. E.P. Gubina, S.A. Karelina. – M.: Statute, 2018. – 256 s. – ATP “Consultant Plus”. – Text: electronic.
53. Vandekerckhove K. Piercing the Corporate Veil: A Transnational Approach. Leuven, 2005. – Text: electronic. – URL: <https://ru.b-ok.cc/book/2765027/b00ffc> (accessed: 02.23.2020).

54. Aristova, E.A. Responsibility of cross-border corporate groups: theory and practice. – M.: Infotropic Media, 2014. – 248 p. – ATP “Consultant Plus”. – Text: electronic.
55. See: Determination of the Supreme Court of the Russian Federation of 10.11.2016 No. 302-KG16–14547 in case No. A74–7326 / 2015. – ATP “Consultant Plus”. – Text: electronic.
56. See: Resolution of the Federal Antimonopoly Service of the East Siberian District of September 2, 2010 in Case No. A19–11048 / 08. – ATP “Consultant Plus”. – Text: electronic.
57. See: Resolution of the Arbitration Court of the Ural District of June 13, 2017 No. F09–2173 / 17 in Case No. A60–19440 / 2015. – ATP “Consultant Plus”. – Text: electronic.
58. Yudina, S. Claims and class action lawsuits in antitrust law / S. Yudina // Competition and law. – 2013. – No. 5. – P. 20–24. – ATP “Consultant Plus”. – Text: electronic.
59. Ermakov, S.L. Economic and legal regulation of banking in the context of the global financial crisis / S.L. Ermakov // Banking law. – M.: Lawyer. – 2009. – No. 3. – P. 10–14. – ISSN is missing.
60. See: Clause 3 of the Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated 03.03.1999 No. 4 “On Certain Issues Relating to the Recovery of Shares”. – ATP “Consultant Plus”. – Text: electronic.

Финансовая деятельность государства как необходимый инструмент реализации функций социального государства: конституционно-правовой аспект

Колесников Юрий Алексеевич,

доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой финансового права, юридический факультет, ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»,
E-mail: yakolesnikov@sfnedu.ru

Цап Марина Павловна,

аспирант кафедры государственного (конституционного) права, юридический факультет, ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»
E-mail: masya-25552@mail.ru

В статье на фоне общемирового процесса «социализации» современных конституций выделяются особенности и недостатки конституционной модели социального государства в России. Так, акцентируется внимание на несовпадении между объемом конституционно установленных обязательств государства перед гражданами и его финансовыми и ресурсными возможностями. В связи с этим в последнее время наблюдается повышенный интерес как научного сообщества, так и руководства страны к проблемам экономического положения граждан и повышения качества их жизни. Финансовая деятельность государства, являясь частью финансовой политики, выступает важнейшим инструментом в осуществлении социальных функций государства, призванным решать социально значимые задачи и отвечать интересам всех слоев общества. Учитывая ее социально ориентированный характер, в контексте актуализации поиска эффективных способов финансово-правового обеспечения конституционных принципов социального государства в статье отмечается необходимость прогрессивного развития социального законодательства и выработки действенных механизмов, способствующих проведению качественной финансовой политики и результативной финансовой деятельности по удовлетворению духовных потребностей граждан и достижению приемлемого уровня их материального достатка, по созданию рабочих мест и установлению гарантированного минимального размера оплаты труда, по развитию системы социальных служб и предоставлению социальных услуг населению, по обеспечению охраны института семьи и брака, государственной поддержке инвалидов и пожилых граждан, по установлению государственных пенсий и социальных пособий, а также по созданию дополнительных форм социального обеспечения.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, социальное государство, конституционная модель, функции социального государства, финансовая политика, социально ориентированная финансовая деятельность, достойная жизнь граждан.

Понятие социального государства и его признаки изначально были сформулированы зарубежными авторами. Первым, кто ввел этот термин (1850 г.) и признал в качестве основной цели государства содействие жизненным потребностям проживающих на его территории лицам, считается Лоренц фон Штейн.

Уже к середине XX в. научные представления о таких категориях и принципах, как общественная солидарность, социальная справедливость, социальное равенство и ответственность государства за общественное благополучие, стали основой политических преобразований во многих странах мира, в том числе в России. Наряду с получившей широкое распространение типологией социальных государств, которая включает либеральную, консервативную и социал-демократическую модели, использующие в качестве главного критерия степень предоставления гражданам социального обеспечения и услуг, бывший СССР создал свою модель, основанную на социалистическом переустройстве государства, коммунистических идеях справедливости и всеобщего равенства. Однако при всей кажущейся на первый взгляд привлекательности модели социального государства она сыграла отрицательную роль для советских граждан. Наиболее негативным последствием, по справедливому мнению А.В. Мещерякова и Н.И. Кашурина, выступил «рост социальной пассивности населения и расчета на государство» [2, с. 37], что привело к распространению так называемого социального иждивенчества, когда люди, убежденные в том, что власть обязана решать их проблемы и заботиться о них, перестают надеяться на себя.

Учитывая приоритет и верховенство норм Конституции в системе нормативных правовых актов, сегодня абсолютное большинство государств не могут обойтись без провозглашения в Основном законе комплекса положений социально-экономического содержания, что транслирует глобальный процесс «социализации» современных конституций. Однако заложенный в зарубежных конституционных актах социальный потенциал нередко на практике порождает ряд трудностей, связанных с толкованием (пониманием) формулировок этих положений и обеспечением инструментами реализации принципов социального государства.

Анализ конституционализации социальных прав в России показывает, что недостаточно одного лишь конституционного закрепления соответствующих социально-экономических норм-целей и норм-принципов развития общества и государства. Необходима взвешенная и хорошо продуманная стратегия социальной политики, основанная на достижениях ее реализации. В последнее время все более острой критике подвергаются конституционные параметры социального благополучия человека (И.П. Артюхов, Е.Г. Азарова, В.В. Комарова, В.Е. Чиркин), права на достойную жизнь (Д.С. Велиева, В.В. Невинский, И.А. Умнова), конституционные принципы социального равноправия, справедливости и солидарности (Н.С. Бондарь, В.Д. Зорькин, С.И. Некрасов, М.В. Пресняков, Б.С. Эбзеев и др.).

Статья 7 действующей Конституции РФ содержит положения, в соответствии с которыми Россия объявлена социальным государством. Возлагая на себя обязанности по выполнению конкретных социальных функций, созданию необходимых условий, обеспечивающих в соответствии с общепринятыми стандартами и гуманитарными ценностями каждому гражданину достойное существование, охрану труда и здоровья, государственную поддержку семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан, гарантированный минимальный размер оплаты труда, государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты, государство несет прямую ответственность за общественное благополучие. В результате реализация указанных конституционных предписаний, адресованных государству, делает его финансовую деятельность социально направленной.

В юридической науке категории «финансовая деятельность государства» и «финансовая политика» соотносятся как часть и целое. С помощью финансовой деятельности реализуется финансовая политика. Наиболее развернуто дефиницию финансовой деятельности государства дала в одном из своих трудов Э.Д. Соколова, определив ее как «особый вид государственной деятельности, направленной на совершение организационных и иных действий органов государства в процессе распределения внутреннего валового продукта и части национального дохода общества путем образования, распределения (перераспределения) и использования различных фондов денежных средств, как централизованных, так и децентрализованных, необходимых для обеспечения финансовыми ресурсами функционирования всех органов государства, осуществления мероприятий по внутренней безопасности и обороне страны, для выполнения национальных программ социально-экономического и культурного развития и удовлетворения иных потребностей общества» [4, с. 30–31].

Последовательное и качественное проведение в жизнь базовых конституционных принципов, лежащих в основе построения правового и социального государства (принципа свободы и свободно-

го развития человека, принципа социальной справедливости, равноправия, солидарности и др.), гарантирование обеспечения важнейших сфер деятельности государства, таких как повышение уровня занятости населения, укрепление института семьи (ст. 38 Конституции РФ), выплата установленных законом пенсий, социальных пособий и компенсаций (ст. 39 Конституции РФ), предоставление бесплатного образования (ст. 43 Конституции РФ) и здравоохранения (ст. 41 Конституции РФ), снижение бедности и обеспечение жильем (ст. 40 Конституции РФ), оказание квалифицированной юридической помощи в случаях, предусмотренных законом (ст. 48 Конституции РФ), повышение рождаемости и сокращение смертности, сглаживание межрегиональных различий и др., становятся главным направлением работы всех органов государственной власти и органов местного самоуправления.

Социальная направленность финансовой деятельности государства вытекает также из конституционных положений, закрепленных в пункте 2 статьи 41 Конституции РФ, согласно которым в России финансируются федеральные программы охраны и укрепления здоровья населения, принимаются меры по развитию государственной, муниципальной, частной систем здравоохранения, поощряется деятельность, способствующая укреплению здоровья человека, развитию физической культуры и спорта, экологическому и санитарно-эпидемиологическому благополучию.

Однако многие известные ученые и практики солидарны во мнении, что в процессе формирования демократического государства Россия столкнулась с рядом проблем, наиболее значимой из которых выступает острый дисбаланс между объемом конституционно закрепленных обязательств государства перед населением и их финансовым, ресурсным обеспечением. Большинство граждан РФ недополучают того, что провозглашает Основной закон страны, а проводимые преобразования не только не создают условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека, а, напротив, способствуют усилению социального неравенства. В итоге любые изменения, происходящие в обществе, так или иначе влияют на ориентиры социальной политики государства и, как следствие, на его финансовую деятельность, выступающую главным инструментом реализации социальных функций.

В последнее время наблюдается стремление государства выполнить заявленные социальные обязательства. Но вместе с тем подвергается критике деятельность государства, направленная на решение одних социально-экономических вопросов за счет других, проблем одних социальных групп и отдельных граждан за счет других без создания благоприятных условий для трудоспособного населения [3, с. 48].

Приобретают актуальность поиск эффективных форм взаимодействия органов государственной власти всех уровней и попытки достигнуть

слаженной работы по созданию эффективной, социально ориентированной экономики. Задаваясь справедливым вопросом: вправе ли государство игнорировать конституционные предписания или отсрочивать их реализацию на неопределенный срок, однозначно хочется ответить отрицательно. Иначе говоря, соглашаясь с Е.Г. Азаровой, считаем, что «финансовые трудности государства не могут служить оправданием снижения уровня необходимых человеку социальных гарантий, умаления социальных прав, поскольку это не согласуется с конституционными требованиями» [1, с. 21].

В силу этого представляется очевидным, что реальное воплощение функций социального государства возможно лишь на основе высокоразвитой социально ориентированной финансовой политики, служащей интересам всех слоев общества.

Таким образом, эффективное и рациональное финансово-правовое обеспечение конституционных идей и принципов социального государства, по нашему мнению, предполагает:

- 1) создание действенных механизмов реализации социальных прав граждан и социальных обязательств, возложенных на государство, путем исполнения специального федерального законодательства (в частности, Федерального закона от 15 декабря 2001 г. № 166-ФЗ «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации»; Федерального закона от 19 мая 1995 г. № 81-ФЗ «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей»; Федерального закона от 24 октября 1997 г. № 134-ФЗ «О прожиточном минимуме в Российской Федерации»; Федерального закона от 17 июля 1999 г. № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи»; Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации»; Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 360-ФЗ «О порядке финансирования выплат за счет средств пенсионных накоплений»; Федерального закона от 5 апреля 2003 г. № 44-ФЗ «О порядке учета доходов и расчета среднедушевого дохода семьи и дохода одиноко проживающего гражданина для признания их малоимущими и оказания им государственной социальной помощи» и др.);
- 2) претворение в жизнь конституционно закрепленных положений об ответственности федеральных и региональных органов государственной власти за эффективное управление экономикой в целом, за отдельные аспекты организации производства в стране и за то, что непосредственно затрагивает интересы граждан;
- 3) справедливое распределение средств бюджетов (государственных и местных), в том числе между различными отраслями хозяйства, публично-правовыми образованиями, сферами публичного управления, способствующих созданию условий для достойной жизни и свобод-

ного развития человека, укреплению социальной стабильности в обществе;

- 4) ведение сбалансированной социальной политики по отношению к субъектам РФ, учитывающей существенные различия в уровне благосостояния и развития регионов в условиях асимметричной модели федеративного устройства России;
- 5) развитие коллективных форм ведения хозяйственной деятельности и создание максимально благоприятных условий для среднего и малого бизнеса;
- 6) приоритетное развитие наукоемких и высокотехнологичных производств, модернизацию основных промышленных и сельскохозяйственных предприятий и др.

Иными словами, выступая в качестве составной части социально-экономической деятельности государства, финансовая политика должна быть сконцентрирована на создании в соответствии с заложенными в Конституции социальными целями условий для развития общества, выравнивания экономического положения граждан путем повышения качества их жизни.

Позитивный опыт в достижении этих целей, несомненно, будет способствовать уменьшению патерналистских настроений в обществе и формированию новой модели социально ориентированного государства и общества, основные принципы и пути реализации которой находят отражение в ставших популярными майских указах Президента РФ 2012 года и ежегодных посланиях Федеральному Собранию РФ.

Так, в своем последнем Послании Федеральному Собранию РФ, широко обсуждаемом в научных, и не только, кругах, Президент в числе приоритетных назвал социально-экономические задачи, призвав органы государственной власти к конструктивной работе, нацеленной на достижение достойного уровня жизни российских граждан (повсеместное внедрение института социального контракта путем расширения финансовой поддержки регионов, дальнейшее финансирование национальных проектов, создание эффективно работающей системы поддержки семей с детьми за счет увеличения размера и сроков выплат, пособий и т.д.). А прозвучавший тезис главы государства о необходимости проведения конституционной реформы в части закрепления норм, устанавливающих регулярную индексацию пенсии и определение размера оплаты труда не ниже размера прожиточного минимума трудоспособного населения, был очень позитивно воспринят в обществе, что в перспективе станет дополнительной гарантией утверждения социального вектора финансовой деятельности России, уверенно вступившей в третье десятилетие XXI в.

Литература

1. Азарова Е.Г. Конституционные требования к российскому законодательству о социаль-

ном обеспечении // Журнал российского права. 2018. № 7. С. 16–32.

2. Мещеряков А.В., Кашурин Н.И. Социальное государство в России: конституционная модель, проблемы и перспективы // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 2(212). С. 35–39.
3. Невинский В.В. Право на достойную жизнь в Российской Федерации: сущность, конституционные ориентиры, проблемы реализации // Будущее российского права: концепты и социальные практики: матер. XIV междунар. науч.-практ. конф. 5–7 апреля 2018 г. (Кутафинские чтения). В 4-х ч. Ч. 1. М., 2018. С. 42–51.
4. Соколова Э.Д. Правовое регулирование финансовой деятельности государства и муниципальных образований. М., 2009. 161 с.

THE FINANCIAL ACTIVITY OF THE STATE AS A NECESSARY INSTRUMENT FOR THE REALIZATION OF THE FUNCTIONS OF THE WELFARE STATE: CONSTITUTIONAL LEGAL ASPECT

Kolesnikov Y.A., Tsap M.P.
Southern Federal University

The article highlights the features and disadvantages of the constitutional model of the social state in Russia against the background of the global process of “socialization” of modern constitutions. Thus, attention is focused on the discrepancy between the volume of the state’s constitutionally established obligations to citizens and its financial and resource capabilities. In this regard, recently there has been an increased interest of both the scientific community and the

country’s leadership in the problems of the economic situation of citizens and improving their quality of life. The financial activity of the state, as part of the financial policy, is an important tool in the implementation of the social functions of the state, designed to solve socially important tasks and meet the interests of all segments of society. Given its socially-oriented, in the context of actualization of the search for effective methods of financial legal support of the constitutional principles of social state in the article the necessity of the progressive development of social legislation and to develop effective mechanisms to facilitate high-quality fiscal policy and effective financial activities to meet the spiritual needs of the citizens and to achieve an acceptable level of their material wealth, to create jobs and establish a guaranteed minimum wage, to develop the system of social services and provide social services to the population, to ensure the protection of the institution of family and marriage, state support for disabled and elderly citizens, to establish state pensions and social benefits, as well as to create additional forms of social security.

Keywords: Constitution of the Russian Federation, social state, constitutional model, the functions of the social state, financial policy, socially oriented financial activities, decent life for citizens.

References

1. Azarova E.G. Constitutional requirements for the Russian legislation on social security // Journal of Russian Law. 2018. No. 7. P. 16–32.
2. Meshcheryakov A.V., Kashurin N.I. The social state in Russia: constitutional model, problems and prospects // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2018.No 2 (212). P. 35–39.
3. Nevinsky VV The right to a decent life in the Russian Federation: essence, constitutional guidelines, implementation problems // The future of Russian law: concepts and social practices: Mater. XIV int. scientific-practical conf. April 5–7, 2018 (Kutafin Readings). In the 4th part, Part 1.M., 2018. P. 42–51.
4. Sokolova E.D. Legal regulation of financial activities of the state and municipalities. M., 2009. 161 p.

К вопросу о минимальном возрасте наступления уголовной ответственности

Гузов Александр Сергеевич,

магистрант, Кафедра деликтологии и криминологии
Сибирский федеральный университет, г. Красноярск
E-mail: guzovalexander@mail.ru

В статье рассматривается один из актуальных вопросов теории уголовного права и криминологии – вопрос о минимальном возрасте уголовной ответственности. В рамках настоящей статьи проанализирован ряд позиций, имеющихся на сегодняшний день. Была предпринята попытка по определению критериев обоснования установления минимального возраста уголовной ответственности. Исходя из проведенного исследования, автор делает вывод о корректности минимального возраста уголовной ответственности, закрепленной в законодательстве, однако не отрицает необходимости дальнейшего исследования этого вопроса.

Ключевые слова: возраст, уголовная ответственность, несовершеннолетние.

Проблема возраста уголовной ответственности в РФ не является новой, данному вопросу посвящен весомый ряд научных работ, тем не менее, она не теряет своей актуальности с течением времени. В настоящий момент в теории уголовного права отсутствует разработанное учение о возрасте, как феномене. Вопрос о минимальном возрасте уголовной ответственности будет стоять достаточно остро всегда, по нашему мнению, это связано, во-первых, с социально-экономической ситуацией в стране в тот или иной период времени, а во-вторых, с современными реалиями, связанными с получением несовершеннолетними бесконтрольных по объему и содержанию потоков информации. Уже давно никого не удивляет 4–5 летний ребенок, пользующийся современными гаджетами на достаточно высоком уровне.

В настоящей работе будет рассмотрен вопрос обоснованности установления минимального возраста наступления уголовной ответственности.

Рассматривая вопрос о возрасте, мы, несомненно, рассматриваем вопрос о субъекте преступления. Следует заметить, что в РФ действующий уголовный закон не содержит специальной нормы «субъект преступления». [8, с. 139] Уголовный кодекс оперирует тремя обязательными признаками, которые должен иметь каждый субъект, а именно: а) физическое лицо; б) вменяемость; в) достижения возраста уголовной ответственности.

Возраст уголовной ответственности тесно, более того, неразрывно связан с такой категорией как вменяемость лица, то есть с наличием у него способности во время совершения общественно опасного деяния осознавать его фактический характер, общественную опасность, руководить своими поступками, и вытекающая из этого способность быть ответственным за это деяние.

Для того, чтобы изучить данный вопрос, необходимо определиться с тем, как вообще в науке понимается категория «возраст».

Согласно позиции Р.С. Немова, возраст – качественно своеобразный период физического, психологического и поведенческого развития, с присущими только ему характерными чертами. Исходя из позиции Л.С. Выготского, возраст – относительно замкнутый цикл детского развития, имеющий свою структуру и динамику. [4]

На наш взгляд, позиция Р.С. Немова более корректна, так как в ней не делается акцент исключительно на развитии детском, а подразумевается

развитие личности, на протяжении всего её существования.

В психологии категорию «возраст» принято дифференцировать на несколько видов, хронологический возраст, т.е. временной интервал от момента рождения до определенного момента, и психологический возраст, т.е. своеобразный период психического развития.

Применительно к предмету исследования не следует разграничивать возраст как хронологический и психологический, а исходить из комплексного подхода, базирующегося на определении Р.С. Немова, так как в нем учтены все специфические признаки. Можно констатировать, что возраст – это специфическое сочетание развития, психологии и поведения индивида.

Исследуя вопрос о минимальном возрасте привлечения к уголовной ответственности, к сожалению, многие коллеги ограничиваются лишь анализом действующего уголовного законодательства, считаем, что такие исследования носят не аналитический, а скорее описательный характер.

Считаем, что не следует акцентировать исследование и на историческом опыте России и других стран в вопросе установления минимального возраста уголовной ответственности, так как изменилось общество, изменились качественные характеристики личности, условия существования, условия социализации, а следовательно и перекладывать обоснования установления минимального возраста уголовной ответственности в какой-либо исторический период было бы не совсем корректно и не отвечало бы целям настоящей работы, так как она не носит характер ретроспективного исследования.

Согласно ст. 20 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), уголовной ответственности подлежат лица, достигшие ко времени совершения преступного деяния 16-летнего возраста, при этом за определенный круг преступлений возраст уголовной ответственности снижен до 14 лет (ч. 2 ст. 20 УК РФ). По мнению ученых, снижение возраста уголовной ответственности за определенный круг преступлений вызвано несколькими факторами: а) тяжестью совершенного преступления; б) способностью полного осознания общественной опасности; в) распространенностью, совершения этих преступлений именно в таком возрасте. [8, с. 152]

Относительно установления возраста уголовной ответственности в теории уголовного права на сегодняшний день сложилось три точки зрения: 1) нижний предел возраста уголовной ответственности необходимо снизить; 2) нижний предел уголовной ответственности необходимо повысить; 3) в изменениях на сегодняшний день, нет никакой необходимости.

И.Н. Белякова и И.А. Ложкова при дифференциации мнений ученых относительно вопроса возраста уголовной ответственности выделяют три вышеуказанные позиции и четвертую – безразличное отношение к указанному вопросу. [2, с. 24]

На наш взгляд, невозможно изучать уголовное право и безразлично относиться к тому или иному его институту или феномену, даже если данный вопрос не входит в сферу научных интересов того или иного ученого, он, наверняка, имеет собственное мнение. Поэтому, считаем, выделение четвертой группы, предложенной вышеуказанными авторами, излишним.

Тем не менее следует отметить подход Н.В. Щедрина, автор предлагает уйти от термина «уголовная ответственность» в виду его дискуссионности, вводя при этом термин «уголовно-правовое воздействие». Уголовно-правовое воздействие, по мнению Н.В. Щедрина, состоит из «четырех колес» – меры наказания, меры безопасности, меры поощрения, меры восстановления. Что касается минимального возраста применения этих мер, то он должен быть дифференцирован в зависимости от применяемой меры. [9, с. 153]

Таким образом вышеназванная позиция не вписывается ни в одну из трех групп, а является иной самостоятельной позицией.

Достижение возраста уголовной ответственности является одним из важнейших условий привлечения лица к уголовной ответственности, законодатель признает, что субъектом преступления может быть лицо, находящееся на такой ступени психического и интеллектуального возрастного развития, которая позволяет ему осознавать значение своих действий, их опасность, руководить ими, а также способность осознавать, что его действие может причинить вред. [3, с. 76]

Сторонники снижения возраста уголовной ответственности, в обоснование своей позиции ссылаются на тяжесть преступлений, совершаемых несовершеннолетними, количество таких преступлений, опыт других стран, а также на то, что значительную часть противоправных деяний совершают лица, которые в силу возраста не могут быть привлечены к уголовной ответственности. [1, 7]

На наш взгляд, ставить минимальный возраст уголовной ответственности в зависимости от тяжести совершенного преступления, т.е. от категории преступления не совсем корректно, более того, если детально проанализировать положения ч. 2 ст. 20 УК РФ, то вывод напрашивается сам собой – законодатель не пошел по такому пути, так как объединил в вышеуказанной норме преступления различных категорий.

Сторонники снижения возраста уголовной ответственности апеллируют также и к тому, что к 12 годам у несовершеннолетнего складывается понимание и осознание общественно опасного характера своих действий, но, по справедливому замечанию Л.М. Прокументова, не ставится вопрос об осознании такими несовершеннолетними ответственности за противоправное поведение. [5, с. 203] В случае отсутствия сформированности в сознании несовершеннолетнего такой абстракции как ответственность, сложно говорить о возможности достижения целей уголовных наказаний, а соответственно и о целесообразности их при-

менения к 12-летним. Психологическая зрелость данных лиц недостаточна, а использовать в обосновании установления минимального возраста уголовной ответственности количественных показателей совершенных противоправных деяний лицами, не достигшими возраста уголовной ответственности и вовсе абсурдно, а уж тем более говорить о невозможности оказания государственного воздействия на таких лиц. Следует напомнить, что в России все еще имеется правовая возможность оказать прямое влияние на лиц от 11 до 18 лет, путем помещения последних в учебно-воспитательные учреждения закрытого типа, а также иной набор средств профилактического характера, закрепленный преимущественно в Федеральном законе от 24 июня 1999 года № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики и безнадзорности правонарушений несовершеннолетних».

Мы не отрицаем, что в вышеупомянутом федеральном законе есть несовершенства, тем не менее считаем, что при грамотном подходе к механизму реализации уже имеющихся мер не возникает необходимости в снижении минимального возраста уголовной ответственности, а имеющиеся доводы признаем неубедительными для принятия столь важного решения, которое существенно изменит уголовную политику в Российской Федерации.

По нашему мнению, при определении минимального возраста привлечения к уголовной ответственности, следует руководствоваться степенью социальной и психической зрелости несовершеннолетних в определенном возрасте. [6, с. 136] Никто не отрицает, что каждая личность индивидуальна и имеет собственный вектор развития, тем не менее, существуют типичные характеристики, свойственные тому или иному возрасту.

В силу специфики уголовного наказания, минимальный возраст уголовной ответственности должен быть таким, чтобы лицо, которому назначено наказание, было способно сопоставлять преступное поведение и наказание, понимать за что он понес такое наказание, адекватно воспринимать ограничение собственных прав, лишения, связанные с наказаниями, контролировать свое последующее поведение.

Итак, по нашему мнению, можно выделить несколько обоснований для установления минимального возраста привлечения к уголовной ответственности.

1. К указанному возрасту у лица должна сформироваться способность отдавать отчет своим действиям, осознавать их социальную значимость.
2. Лицо должно быть способно правильно осознавать уголовно-правовые запреты и предписания.
3. Лицо должно быть способно адекватно воспринимать уголовное наказание.
4. У лица должна быть выработана такая абстракция как ответственность.

На сегодняшний день с точки зрения психологии минимальный возраст уголовной ответственности,

по нашему мнению, установлен корректно, если рассматривать его с позиции назначения несовершеннолетним уголовного наказания. Тем не менее, следует обратить особое внимание на позицию Н.В. Щедрина и, возможно, в дальнейшем провести большую уголовно-правовую «революцию», тем самым внести ясность, связанную с минимальным возрастом уголовно-правового воздействия.

Литература

1. Байбарин А.А. К вопросу о минимальном возрасте наступления уголовной ответственности // Пробелы в российском законодательстве. – 2008. – № 2. – С. 224–226.
2. Белякова И.М., Ложкова И.А. Снижение возраста уголовной ответственности несовершеннолетних как фактор риска для гражданского общества в России // Эпоха науки. – 2018. – № 14. – С. 23–27.
3. Ким Е.П. Правовое регулирование возраста уголовной ответственности в контексте новеллизации уголовного законодательства // Вестник Югорского государственного университета. – 2018. – № 2. – С. 73–78.
4. Немов Р.С. Психология. Книга 1. Общие основы психологии. – Гуманитарный издательский центр «Владос», 2004. – с. 688.
5. Прокументов Л.М. Проблемы определения возраста привлечения к ответственности несовершеннолетних в уголовном законодательстве Российской Федерации // Вестник Томского государственного университета. – 2017. – № 419. – С. 202–206.
6. Тупикова А.А. К дискуссии о возрасте уголовной ответственности несовершеннолетних // Проблемы науки. – 2016. – № 6. – С. 135–137.
7. Тюмнева М.А. Снижение возраста уголовной ответственности до 12 лет // Colloquim-journal. – 2019. – № 14. – С. 134–137.
8. Уголовное право. Общая часть: учебник для бакалавров / отв. ред. А.Н. Тарбагаев. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Проспект, 2016. – 448 с.
9. Щедрин Н.В., Тупикова А.А. Возраст мер уголовного воздействия // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2017. – № 2. – С. 151–159.

TO THE QUESTION OF MINIMUM AGING OF CRIMINAL RESPONSIBILITY

Guzov A.S.
Siberian federal university

The article discusses one of the pressing issues of the theory of criminal law and criminology – the question of the minimum age of criminal responsibility. This article analyzes a number of relevant points of view. An attempt was made to determine the criteria for establishing the minimum age of criminal responsibility. Based on the study, the author concludes that the minimum age of criminal responsibility, as enshrined in law, is correct, but does not deny the need for further research on this issue.

Keywords: age, criminal liability, minors.

References

1. Baybarin A.A. To the question of the minimum age of criminal responsibility // Gaps in Russian law. – 2008. – No. 2. – P. 224–226.
2. Belyakova I.M., Lozhkova I.A. Decreasing the age of juvenile criminal liability as a risk factor for civil society in Russia // The Age of Science. – 2018. – No. 14. – P. 23–27.
3. Kim E.P. Legal regulation of the age of criminal responsibility in the context of the novelization of criminal legislation // Bulletin of Ugra State University. – 2018. – No. 2. – P. 73–78.
4. Nemov R.S. Psychology. Book 1. General principles of psychology. – Humanitarian Publishing Center “Vlados”, 2004. – P. 688.
5. Prozumetov L.M. Problems of determining the age of prosecution of minors in the criminal legislation of the Russian Federation // Bulletin of Tomsk State University. – 2017. – No. 419. – P. 202–206.
6. Tupikova A.A. To the discussion of the age of juvenile criminal responsibility // Problems of Science. – 2016. – No. 6. – P. 135–137.
7. Tyumneva M.A. Reducing the age of criminal responsibility to 12 years // Colloquim-journal. – 2019. – No. 14. – P. 134–137.
8. Criminal law. General part: textbook for undergraduate / graduate ed. A.N. Tarbagaev. – 2nd ed., Revised. and add. – Moscow: Prospect, 2016. – 448 p.
9. Shchedrin N.V., Tupikova A.A. Age of criminal measures // Bulletin of Omsk University. Series “Law”. – 2017. – No. 2. – P. 151–159.

Криминологические аспекты преступления, ответственность за которое предусмотрена п. «Г» ч. 3 ст. 158 УК РФ

Сальников Дмитрий Владимирович,

Студент 4 курса Института прокуратуры Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: dima-salo98@mail.ru

Марьенко Дмитрий Сергеевич,

Студент 4 курса Института прокуратуры Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: paltusdim@yandex.ru

В 2018 году статья 158 УК РФ, предусматривающая ответственность за совершение кражи, дополнена квалифицирующим признаком – с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств. В статье рассматривается характеристика личности преступника и потерпевшего, согласно мнению эксперта-практика. Также приводятся причины совершения преступления, предусмотренного п. «Г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, которые условно можно разделить на общесоциальные и специально-криминологические. Проводится отграничение кражи с банковского счета и кражи электронных денежных средств от похожих составов в УК РФ. Согласно статистике, процент преступлений, квалифицируемых по данному составу, достаточно высок в общей картине преступности. Кроме того, предлагаются простые меры по предупреждению данного вида преступлений, что является важнейшим аспектом профилактики данного вида преступлений.

Ключевые слова: п. «Г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, личность преступника, кража с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств, защита электронных денежных средств.

Федеральным законом от 23 апреля 2018 года № 111-ФЗ, вступившим в законную силу 4 мая 2018 года, статья 158 УК РФ, предусматривающая ответственность за совершение кражи, дополнена квалифицирующим признаком – с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств. Действия лица, виновного в краже денежных средств с банковского счёта, а равно электронных денежных средств, при отсутствии иных квалифицирующих признаков, с указанной даты квалифицируются по пункту «Г» части 3 статьи 158 УК РФ. Преступление является тяжким и предусматривает наказание до 6 лет лишения свободы со штрафом в размере до 80 тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев либо без такового и с ограничением свободы на срок до полутора лет либо без такового.

Чтобы отграничить кражу с банковского счета и кражу электронных денежных средств от других аналогичных составов, необходимо учесть, что кража с банковского счета и кража электронных денежных средств совершается дистанционно, как правило путем неправомерного доступа с использованием вредоносных программ, либо оператором (сотрудником) банка. В случае, если лицо завладело банковской картой потерпевшего и осуществило с нее покупки либо снятие наличных денежных средств, то данные действия не может быть квалифицировано по п. «Г» ч. 3 ст. 158 УК РФ. Такое действие должно быть квалифицировано в зависимости от способа хищения и размера похищенного по иным частям и пунктам ст. 158 УК РФ.

За период с января по сентябрь 2019 года включительно на территории Калужской области возбуждено 3802 уголовных дела. Из них 1616 уголовных дел (42.5%) было возбуждено по ст. 158 УК РФ, из которых 152 уголовных дела было возбуждено по п. «Г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, что составляет 9.4% от числа всех краж и 4% от общего числа преступлений.

По мнению начальника СО МОМВД России «Людиновский» УМВД по Калужской области, подполковника юстиции, преступления, предусмотренные п. «Г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, совершаются, как правило, лицами 20–30 лет, имеющими техническое образование, которое чаще всего связано с программированием. Работа этих лиц связана с программным обеспечением. Данные лица, чаще всего холостые, детей не имеют, семьи тоже нет. В обществе обособлены, по натуре замкнуты, в общении с людьми ведомые.

Родители либо иные родственники также имеют техническое образование, связанное с программным обеспечением.

Также по мнению подполковника юстиции, лиц, совершающих данные преступления, можно разделить на 2 группы. К первой группе относятся лица, которые совершают кражи из так называемого «спортивного интереса». Для них важен сам процесс совершения преступления, денежные средства они расходуют в основном на техническое обслуживание оборудования, используемого для совершения преступления. Ко второй группе относятся лица, которые совершают кражи с целью обеспечения себя денежными средствами для нормальной жизнедеятельности (приобретение продуктов питания, предметов первой необходимости, а также иных товаров и услуг).

Что касается личности потерпевшего, то жертвой может стать любой человек. Однако, как правило, это лица от 25 лет и старше, которые не уделяют должного внимания компьютерной грамотности, в связи с чем их электронные денежные средства и денежные средства на банковском счете должным образом не защищены от хищения.

Традиционным является объяснение причин краж имущественным положением преступника. Оно во многом зависит от социально-экономического развития страны. В этом аспекте следует отметить, что экономика нашей страны в последние годы характеризуется следующим: продолжительный экономический кризис, безработица, рост цен, высокая доля импортных товаров на рынках, закредитованность граждан. Кроме того, в настоящее время присутствуют следующие тенденции:

- 1) Медленное развитие экономики
- 2) Кризис народного хозяйства;
- 3) Отсутствие должного внимания к отечественным производителям;
- 4) Низкое доверие инвесторов к отечественным проектам;
- 5) Недостаточность средств бюджетов для покрытия всех социальных нужд [1, с. 2.].

Одна из причин кражи с банковского счета заключается в том, что многие держатели банковских карт недостаточно бдительны в вопросах защиты своего имущества. Это касается тех лиц, у которых нет систем безопасности. Если предпринять надлежащие меры защиты от неправомерного доступа к персональным данным владельцев банковских карт и электронных денежных средств, то можно уменьшить вероятность хищения к минимуму. Еще один фактор заключается в том, что многие преступники считают, что вероятность того, что они попадутся, очень мала.

Именно этот фактор, на наш взгляд, обусловил столь бурное повышение количества данного вида преступлений, а поэтому основным профилактическим фактором следует считать повышение раскрываемости данного вида преступлений путем привлечения в правоохранительные органы соответствующих технологий и специалистов.

Предупреждение преступности – это многоуровневая система мер и осуществляющих их субъектов [2, с. 3–7]. Выделяются общесоциальные и специально-криминологические меры предупреждения [3,4,5,6,7].

Следует согласиться с позицией А.И. Алексеева, который считает, что «меры общесоциального предупреждения имеют исключительно широкий диапазон, они воздействуют практически на все виды, группы, разновидности причин, условий и других детерминант преступности. Многоаспектный, комплексный характер предупреждения преступности наиболее ярко проявляется именно на общесоциальном уровне. При этом сильной стороной общесоциального предупреждения является взаимосвязь различных по содержанию мер» [8, с. 122].

Рассуждая о том, почему банковские системы безопасности в наше время настолько важны, в первую очередь, стоит отметить тот факт, что кража с банковского счета и кража электронных денежных средств – очень распространенное явление. Воры, занимающиеся именно данным видом хищений, рассматривают кражу как простой способ получить деньги. Именно поэтому стоит соблюдать минимальные меры предосторожности, о которых информирует банк и которые легко найти в сети Интернет.

В заключение хотелось бы отметить, что по нашему мнению, основной причиной совершения подобных преступлений является низкая финансовая грамотность широких слоев населения, пользующихся современными банковскими технологиями. Кроме того, статистические данные показывают, что непосредственно после введения отдельного состава преступления процент деяний в общем количестве преступлений довольно высок, что свидетельствует о низком уровне профилактики и раскрываемости данного вида преступлений.

Литература

1. Антонян Ю.М. Причины корыстной преступности // Вестник ВИ МВД России. 2010. № 4. С. 2.
2. Гоголева А.Я. Понятие профилактики и борьбы с преступностью // Молодой ученый. 2014. № 6.1. С. 3–7.
3. Криминология: учебник для студентов вузов / под ред. Г.А. Аванесова. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2007. С. 296;
4. Криминология: учебное пособие / под ред. С.Я. Лебедева, М.А. Кочубей. М., 2007. С. 190–191;
5. Криминология: учебник / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, Г.М. Миньковского. М., 1994. С. 156–157;
6. Алексеев А.И. Криминология: курс лекций. М., 1998. С. 117;
7. Иншаков С.М. Криминология: учебник. М., 2000. С. 75.

8. Алексеев А.И. Криминология: курс лекций / А.И. Алексеев. 2-е изд., испр. и доп. М., 2001. С. 122.

CRIMINOLOGICAL ASPECTS OF THE CRIME UNDER PARAGRAPH «G» PART 3 OF ARTICLE 158 OF THE CRIMINAL CODE

Salnikov D.V., Marenko D.S.

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

In 2018, article 158 of the Criminal Code of the Russian Federation, providing for liability for theft, was supplemented by a qualifying attribute – from a bank account, as well as in relation to electronic money. The article discusses the characteristics of the personality of the offender and the victim, according to the expert practitioner. The reasons for committing a crime under subsection “d” of Part 3 of Article 158 of the Criminal Code of the Russian Federation are also given, which can conditionally be divided into general social and special criminological. Differentiation of theft from a bank account and theft of electronic money from similar compositions in the Criminal Code of the Russian Federation is carried out. According to statistics, the percentage of crimes qualified for this composition is quite high in the overall picture of crime. In addition, simple mea-

asures are proposed to prevent this type of crime, which is the most important aspect of the prevention of this type of crime.

Keywords: paragraph “G” part 3 of article 158 of the Criminal Code of the Russian Federation, the identity of the offender, theft from a bank account as well as in relation to electronic money, protection of electronic money.

References

1. Antonyan Yu.M. Reasons for mercenary crime // Bulletin of the VI Ministry of Internal Affairs of Russia. 2010. No4. P. 2.
2. Gogolev A. Ya. The concept of prevention and the fight against crime // Young scientist. 2014. No. 6.1. P. 3–7.
3. Criminology: a textbook for university students / ed. G.A. Avanesova. 4th ed., Revised. and add. M., 2007. P. 296;
4. Criminology: a training manual / ed. S. Ya. Lebedeva, M.A. Kochubey. M., 2007. P. 190–191;
5. Criminology: a textbook / ed. N.F. Kuznetsova, G.M. Minkowski. M., 1994. P. 156–157;
6. Alekseev A.I. Criminology: a course of lectures. M., 1998. P. 117;
7. Inshakov S.M. Criminology: a textbook. M., 2000. S. 75.
8. Alekseev A.I. Criminology: course of lectures / A.I. Alekseev. 2nd ed., Rev. and add. M., 2001. P. 122.

Особенности категорийного понятия «земля», как предмета преступления

Агафонов Александр Владимирович,

кандидат юридических наук, кафедра земельного права и экологических экспертиз, Юридический институт ФГБОУ «Красноярский государственный аграрный университет»
E-mail: info@kgau.krasedu.Ru

В настоящей статье предпринята попытка осуществить довольно краткий и, в первую очередь, доктринально-правовой анализ такого категориального понятия российского уголовного права, как порча земли.

Анализируемое понятие активно используется в различных нормативно-правовых актах российского законодательства, в т.ч. в Уголовном и в Земельном кодексах Российской Федерации. В месте с тем, в упомянутых документах практически не раскрыты содержание, а, следовательно, и содержательные признаки такого понятия как «земля» с юридической и нормативно-правовой точек зрения.

Безусловно, данная проблема не осталась незамеченной научной общественностью Российской Федерации, однако предложенные в результате ранее проводимых исследований решения не лишены, по нашему мнению, ряда недостатков, которые мы в свою очередь, пытаемся подвергнуть критической обструкции, с целью выявления как отрицательных, так и положительных моментов.

В статье также предлагается собственное видение обозначенных проблем, которое безусловно не претендует на звание истины в последней инстанции, а напротив, является лишь одной из реплик в продолжающейся по данной теме дискуссии.

Ключевые слова: предмет преступления, вещь, благо, элемент материального мира, интеллектуальные ценности, имущество, документы, земля, земельный участок.

Приступая к выявлению специфического содержания обязательных признаков такого уголовного наказуемого правонарушения, как порча земли, необходимо в первую очередь сфокусировать внимание на содержании самого предмета преступления, отметив при этом, что в современной российской доктринально правовой литературе с недавнего времени ведется научное обсуждение данного категориального уголовно-правового понятия. Кроме того, стоит обратить внимание и на тот факт, что само понятие предмет преступления появилось в доктрине российского уголовного права еще в прошлом веке, а точнее – в начале тридцатых годов, причем именно как составная часть теории объекта преступления. Вместе с тем обоим упомянутым категориальным определениям в советской (постсоветской), а с 1949 года и в основанной на советской – китайской (对象, duixiang и 客体, keti) традиции, придавалось и предается довольно разное содержание.

Так, например, объект как правило всегда крайне идеализирован: это именно те интересы, блага и социально значимые ценности, которые регулируются и охраняются государством посредством действующего уголовного законодательства. Предмет, наоборот – всегда сугубо материален и резко индивидуализирован.

С точки зрения указанных правовых традиций, именно объекту преступления в ходе любого вида преступного посягательства всегда наносится тот или иной ущерб или вред, в то время как предмет преступления, наоборот явно аморфен, и более того – в результате преступления он не всегда дегенерирует. Последний может при этом не только оставаться вполне неизменным, но и приобретать новые, либо улучшать ранее имевшиеся качества¹.

Таким образом, предмет преступления – это некая материальная частица в объекте, т.е. материально выраженное нарушение общественных отношений, из чего, по мнению профессора В.С. Комиссарова, следует, что под предметом преступления следует понимать именно ту часть объекта преступного посягательства, в отношении которых и происходит само непосредственное воздействие преступника, хотя настоящее определение по общему мнению является довольно абстрактным, в связи с чем требует последующей доработки, так как помимо вещей в состав предметов преступления вероятно необходимо включать и информацию². Иными словами, можно сделать вывод, что

¹ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации – М.: «Проспект», 1997

² <https://studopedia.ru>

и ранее и сейчас под предметом преступления понималась и продолжает пониматься некая вещь, причем именно вещь, как элемент материального мира, на которую виновное лицо осуществляет свое противоправное воздействие в ходе совершения им какого-либо преступления¹.

Как правило, в качестве предмета преступления, признаются обычно неодушевленные объекты, а также по общему правилу и животные, поскольку они хотя и являются живыми существами, не выступают в качестве субъектов общественных отношений.

В свою очередь ряд современных исследователей, разделяя в целом упомянутую точку зрения, предлагают ее дополнить, полагая, что в качестве предмета преступления могут выступать не только вещи, но и интеллектуальные ценности, воздействуя на которые правонарушитель посягает на общественные отношения, находящиеся на регуляции и охране действующим уголовным законодательством².

Поскольку интеллектуальные ценности представляют собой результаты интеллектуальной деятельности людей, следует признать, что такие ценности могут существовать исключительно в сфере человеческой деятельности, которая в свою очередь может функционировать лишь в сфере социальных (общественных) отношений, а значит, интеллектуальные ценности представляют собой продукт таких отношений.

Интеллектуальные ценности могут материализоваться двояко:

1. В виде вполне конкретных материальных объектов;
2. В виде новых, т.е. возникающих относительно ранее уже существовавших общественных отношений.

При этом довольно существенное количество интеллектуальных ценностей взаимодействуют и интегрируются друг с другом настолько часто, что определить степень их новизны бывает довольно проблематично.

Ряд современных ученых-правоведов предлагают разделить интеллектуальные ценности на три основные группы, а именно:

- 1) технические (результаты научно-технических исследований, разработок, испытаний, «ноу-хау»; производственные технологии, и т.д.);
- 2) рыночные (а именно: авторские права, товарный знак, марка и имя, гарантии, дизайн и т.п.);
- 3) человеческие знания и различного рода методические рекомендации (нормативно правовая, доктринальная и методическая литература, документы, рекомендации и инструкции)³.

Ряд авторов предлагают относить к предметам преступлений не только вещи, и интеллектуальные ценности, но также и любые ценности или блага, в отношении которых преступник осуществляет свое противоправное воздействие⁴.

По мнению данной группы авторов, ценности – это либо такие материальные или идеально существующие образования, имеющие важное жизнеопределяющее значение как для индивида, так и для всего социума, либо это некие специфические социально значимые определения объектов социального и материального мира, проявляющиеся в их социально значимом или наоборот негативном значении как для человека, так и для конкретного общества в целом.

Необходимо констатировать и тот факт, что ни одно социальное сообщество, также как и ни один из субъектов такого сообщества, не могут существовать без постоянного удовлетворения своих текущих потребностей, обусловленных биологией и социо-культурными традициями сообщества, поэтому под понятием «социальные блага» следует понимать именно средства или вещи изначально пригодные для удовлетворения потребностей каждого индивида, или социальных групп в целом. Соответственно, благо – это и есть предмет, явление или процесс реально существующего материального мира, либо продукт труда, изначально удовлетворяющий ту или иную человеческую потребность и отвечающий при этом конкретным интересам, целям, устремлениям, запросам и ожиданиям членов соответствующего социального сообщества.

Необходимо принимать во внимание, что отдельные блага существуют и воспроизводятся в ничем не ограниченном и масштабе, другие наоборот – весьма ограничены и не всегда, или не всем доступны. Именно вторые и получили наименование экономических благ, которые в свою очередь принято подразделять на вещи и услуги.

Иными словами, к экономическим благам могут относиться именно те блага, которые возможно получать лишь в ограниченном количестве, по сравнению с тем социально значимыми потребностями, которые они изначально предназначены удовлетворять.

Наоборот, неэкономические блага (так называемые даровые блага) индивид, или сообщество могут получать в результате непосредственного использования самих природных ресурсов, без какой либо первоначальной переработки, или с минимальным приложением трудозатрат, и при этом реальное наличие таких даровых благ вполне достаточно для удовлетворения всех имеющихся социальных потребностей. К таким благам можно отнести, например, чистый воздух, или солнечный свет, в то время как, например нефть и другие полезные ископаемые к данной категории отнести нельзя, поскольку для их добычи и приведения в готовый к потреблению вид требуется приложение определенных затрат и усилий.

Принимая во внимание вышеизложенное, необходимо четко и однозначно дифференцировать экономические блага от неэкономических. Критерием в этом случае изначально следует признать такую абстрактную категорию, как редкость. Как следует из вышеизложенного именно экономические блага изначально обладают данным призна-

¹ <https://wikipedia.org/wiki>

² <https://urkom74.ru/ucheba>

³ <https://www.stud24.ru>

⁴ <https://studbooks.net/1031258>

ком в полном объеме и наоборот неэкономические им полностью не обладают¹.

Ряд авторов, в частности В.В. Сверчков, вполне обоснованно утверждают, что экономическое благо, это еще и обладающая стоимостной оценкой материальная вещь, а значит, с точки зрения экономических постулатов, экономическое благо – есть или продукт человеческого труда или товар.

Перечисленные выше исследователи, на основе анализа упомянутых доктринальных точек зрения сформировали следующую классификацию предметов преступлений:

- 1) Имущество;
- 2) Объекты авторского права и иных смежных с ним прав; объекты патентного права; товарный знак и марка; компьютерная информация; конклюдентная (частная), государственная, коммерческая, налоговая и банковская тайны;
- 3) Компоненты или объекты окружающей природной среды;
- 4) Предметы и вещества, противоправное обращение с которыми изначально создает явную угрозу причинения вреда либо общественной безопасности, либо здоровью населения, либо общественной нравственности;
- 5) Документы, государственные награды, печати, штампы, бланки; идентификационные номера транспортных средств, государственные регистрационные знаки; акцизные марки, специальные марки, знаки соответствия; государственные символы Российской Федерации².

Даже поверхностный анализ предложенной классификации в качестве ее основного недостатка показывает, что с точки зрения классического материализма она фактически состоит лишь из двух основных групп, а именно:

- материально существующих категорий;
- категорий, не имеющих своего материального воплощения.

Учитывая классическую теорию объекта преступления, категории, не имеющие своего материального воплощения можно признать предметом преступных посягательств лишь с существенными оговорками, из чего следует вывод, что классическая теория объекта преступления на современном этапе существования человеческого общества требует соответствующего переосмысления, продиктованного развитием технологий с одной стороны, а также эволюцией и усложнением гражданско-правовых отношений с другой, однако данный вопрос представляет собой отдельный и весьма серьезный предмет научно прикладного исследования.

Возвращаясь к тематике данной статьи, необходимо признать, что сам предмет преступления должен обладать определенной совокупностью признаков, каждый из которых при этом имеет самостоятельное уголовно-правовое значение и, безусловно, влияет в дальнейшем на квалифи-

кацию совершенного преступления, а, следовательно, и на основание понесения уголовной ответственности.

Во-первых, предмет преступления является факультативным признаком состава преступления. Следовательно, в том случае, если он прямо закреплен в законе или вполне очевидно им подразумевается, то его фактическое отсутствие (недоказанность наличия) является достаточным основанием для освобождения обвиняемого лица от уголовной ответственности.

Во-вторых, количественные, либо качественные показатели предмета преступления могут выступать квалифицирующим признаком конкретного состава преступления, а значит, предмет преступления вполне может устанавливать усиление меры уголовной ответственности именно за счёт квалификации каждого конкретного совершенного уголовно наказуемого деяния.

В-третьих, именно качественные показатели предмета преступления могут влиять на разграничение сходных по составу преступных деяний, а, следовательно, и оказывать влияние на квалификацию преступления.

Анализ перечисленных доводов позволяет высказаться в пользу классического направления теории объекта преступления, и в качестве предмета преступления признать именно вещь или предмет материального мира, воздействуя на которые преступник посягает на функционирующие общественные отношения, охранять и регулировать которые призваны нормы уголовного права.

Касаемо преступных посягательств в отношении земельных объектов, необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что в качестве предмета преступления, обязательные признаки которого изложены в ст. 254 Уголовного кодекса Российской Федерации, выступает именно земля, как поверхность суши, на глубине ее почвенного слоя³.

Данную точку зрения разделяют такие известные российские криминалисты, как А.В. Арендаренко⁴, Н.Г. Кадников⁵, Ю.И. Ляпунов⁶, А.Б. Мельниченко⁷, А.В. Пушкин⁸ и С.Н. Радачинский⁹.

³ <http://www.ugolrod.ru>

⁴ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации – М.: «Проспект», 1997. – С. 556. или Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Под общ. ред. Н.Г. Кадникова – М.: Книжный мир, 2005. – С. 650.

⁵ Уголовное право: учебник / Под ред. Н.И. Ветрова, Ю.И. Ляпунова – М.: ИД «Юриспруденция», 2004. – С. 567.

⁶ Уголовное право. Особенная часть: Учебник // Под ред. В.Н. Петрашева. – М.: Издательство Приор, 1999. – С. 387.

⁷ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации с постатейными материалами и судебной практикой. – Ростов н/Д: Издательский центр «МарТ», 2002. – С. 627.

⁸ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. А.И. Бойко – Ростов – на-Дону, Феникс, 1996. – С. 521. или Уголовное право. Особенная часть: Учебник / Под ред. Н.И. Ветрова, Ю.И. Ляпунова – М.: Новый Юрист, 1998. – С. 494.

⁹ Мельниченко, А.Б., Радачинский, С.Н. Уголовное право. Особенная часть: Учебное пособие для студентов юридических факультетов и специальностей вузов. Серия «Юридическое образование» / А.Б. Мельниченко, С.Н. Радачинский – Ростов н/Д: Издательский центр «МарТ», 2002. – С. 272.

¹ <https://newinspire.ru>.

² Кузнецов, И.В. Понятие и виды предметов преступлений в уголовном праве России / И.В. Кузнецов – автореф.к.ю.н. – Орел, 2006

При этом, под почвенным слоем, согласно общепринятой точке зрения принято понимать поверхностное минерально-органическое образование, характеризующееся при этом плодородием и выполняющее изначально такие функции, как: экологические, экономические, культурно-оздоровительные, рекреационные и др.¹.

Учитывая вышеизложенное можно с уверенностью констатировать обоснованность точки зрения современных российских правоведов, полагающих, что смежным с термином «земля» выступает понятие «почва», т.е. некое минерально-органическое образование, представляющее собой поверхностный слой планетарной суши, характеризующее при этом и таким признаком как плодородие².

Сама почва может состоять из перегноя, воды, воздуха, глины, песка, различных включений и иных, самых разнообразных компонентов, наличие которых обусловлено ее происхождением и эволюцией, а на плодородие почвы влияет не только количество и состав имеющихся в ней минеральных и органических веществ, но также и климатические особенности места расположения того или иного участка почвенного покрова.

В свою очередь, плодородие почвы – представляет собой способность последней удовлетворять потребность произрастающих в соответствующих климатических условиях растений в элементах питания, влаги и воздухе. Следовательно, плодородие почвы – есть некое эмерджентное свойство, т.к. оно появляется только при взаимодействии ее основных компонентов³.

Ряд современных российских исследователей, анализируя содержания и признаки предмета преступления, предусмотренного, ст. 254 Уголовного кодекса Российской Федерации, пришли к выводу, что таковым предметом является земля, причем земля – именно как природный объект, охраняемый государством в качестве важнейшей составной части природы, природного ресурса, используемого обществом в качестве одного из средств производства и основы осуществления экономической и иной деятельности на российской территории и одновременно как недвижимое имущество, т.е. объект права собственности и иных смежных с ней прав на землю⁴. Именно прописанные в указанной статье деяния, такие, как отравление, загрязнение или иная порча земли наносят урон земельным ресурсам, снижая их продуктивность и экономическую ценность.

Упомянутые исследователи также настаивают на том, что юридическое предназначение земель (сельскохозяйственные, обороны, лесные, рекреационные, населенных пунктов и т.д.) какого либо принципиально значимого правового значения не имеет⁵.

Более того, для разрешения вопросов правоприменения анализируемой уголовно-правовой нормы не имеет, по общепринятому мнению, принципиального значения и то, является ли конкретная земля освоенной, осваиваемой либо не освоенной человеком, выведенной из гражданско-правового оборота, не влияют и форма собственности на землю и характер владения последней⁶.

Необходимо отметить, что в настоящее время имеют место быть и иные, научно обоснованные точки зрения, авторы которых считают, что в качестве предмета земельных преступлений выступает земля как некий природный объект, изначально охраняемый в качестве существенной, неотъемлемой составной части природы, в т.ч. земли, расположенные в промышленной зоне, сельскохозяйственные угодья, земли отдельных пользователей земельных участков, а именно: населенных пунктов, транспорта, связи, энергетики, обороны и иного назначения; лесного и водных фондов, а так же и земли запаса⁷.

Настоящую точку зрения разделяют такие российские ученые криминалисты как Э.Н. Жевлаков⁸ и А.И. Чучаев⁹.

В частности, они настаивают на том, что земля представляет собой природный ресурс, используемый обществом в качестве средств производства в сельском, и лесном хозяйстве, в качестве основы осуществления предпринимательской и иной экономической деятельности, осуществляемой на территории Российской Федерации, и выступающий одновременно в качестве недвижимого имущества, т.е. в качестве объекта права собственности¹⁰.

Другие российские исследователи, а именно В.А. Нарсесян предлагают рассматривать юридическое понятие «земля» либо как земли находящиеся в промышленной зоне, либо как земли сельскохозяйственных угодий, либо как земли отдельных пользователей земельных участков, в том числе земли населенных пунктов, транспорта, связи, энергетики, обороны, природоохранного, а так же природно – заповедного, оздоровительного, рекреационного и историко – культурно назначения; лесного и водного фондов, и земли запаса¹¹.

Анализируя приведенные в данной статье факты и доводы, представляется обоснованным признать правоту А.В. Борбата, настаивающего на том, что в качестве предмета такого преступле-

⁶ <http://www.rulaws.ru>.

⁷ <http://www.rulaws.ru>.

⁸ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / А.В. Бриллиантов, Г.Д. Долженкова, Я.И. Иванова и [др.]; под ред. А.В. Бриллиантова – М.: Проспект, 2010. – С. 974.

⁹ Российское уголовное право. В 2 т., Т. 2. Особенная часть / Под ред. Л.В. Иногамовой – Хегай, В.С. Комиссарова, А.И. Рагога. – М.: ИНФРА-М, 2003. – С. 525. или Постатейный комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. А.И. Чучаева. – М.: ИНФРА-М: КОНТРАКТ, 2004. – С. 582.

¹⁰ <http://www.urif.star.ru>.

¹¹ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Ю.В. Грачева, Л.Д. Ермакова и др.; Отв.ред. А.И. Рагор – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2004. – С. 447

¹ <http://www.urif.star.ru>.

² <http://www.urif.star.ru>.

³ <http://ru.wikipedia.org>

⁴ <http://www.urif.star.ru>.

⁵ <http://www.urif.star.ru>.

ния, как порча земли, могут выступать земли любого целевого назначения независимо от формы и вида собственности¹. Соответственно возникает вопрос, что считать предметом, т.е. физическим объектом такого преступления, как порча земли? Очевидно, что таким объектом может выступать определенный земельный ресурс – фрагмент минерально-органического образования, являющегося частью поверхностного слоя, т.е. земельный участок, обладающий конкретными границами. Ранее земельный участок рассматривался в ст. 11.1 Земельного кодекса Российской Федерации как часть земной поверхности, границы которой определены в соответствии с федеральными законами. С 01 марта 2015 года данная норма полностью утратила силу, в связи с чем настоящее нормативно-правовое определение в настоящее время можно использовать только как доктринально обоснованное. Кроме того, в условиях Российской Федерации для данных целей может быть частично использовано понятие сформированного и поставленного на государственный кадастровый учет земельного участка, а также понятия: кадастровый квартал, кадастровый район и кадастровый округ, поскольку они наделяют земельные ресурсы признаками оформленности, а следовательно – объектности.

Подводя итог вышеизложенного, можно в целом согласиться с точкой зрения, российского исследователя настоящей уголовно-правовой нормы А.В. Борбата, обосновавшего, что предметом такого уголовного преступления, как порча земли следует считать земли любого назначения, независимо от вида и формы собственности.

Литература

1. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации – М.: «Проспект», 1997. – С. 556.
2. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Под общ. ред. Н.Г. Кадникова – М.: Книжный мир, 2005.
3. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Под общ. ред. Н.Г. Кадникова – М.: Книжный мир, 2005. – С. 650.
4. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / А.В. Бриллиантов, Г.Д. Долженкова, Я.И. Иванова и [др.]; под ред. А.В. Бриллиантова – М.: Проспект, 2010. – С. 974.
5. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. А.И. Бойко – Ростов – на- Дону, Феникс, 1996. – С. 521
6. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Ю.В. Грачева, Л.Д. Ермакова и др.; Отв.ред. А.И. Рарог – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2004. – С. 447

¹ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Расширенный уголовно – правовой анализ / под общ. ред. В.В. Мозякова. – М.: Экзамен, 2002. – С. 611.

7. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации с постатейными материалами и судебной практикой. – Ростов н/Д: Издательский центр «МарТ». 2002. – С. 627.
8. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Расширенный уголовно – правовой анализ / под общ. ред. В.В. Мозякова. – М.: Экзамен, 2002. – С. 611.
9. Кузнецов, И.В. Понятие и виды предметов преступлений в уголовном праве России / И.В. Кузнецов – автореф.к.ю.н. – Орел, 2006
10. Мельниченко, А.Б., Радачинский, С.Н. Уголовное право. Особенная часть: Учебное пособие для студентов юридических факультетов и специальностей вузов. Серия «Юридическое образование» / А.Б. Мельниченко, С.Н. Радачинский – Ростов н/Д.: Издательский центр «МарТ», 2002. – С. 272.
11. Постатейный комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. А.И. Чучаева. – М.: ИНФРА-М: КОНТРАКТ, 2004. – С. 582.
12. Российское уголовное право. В 2 т., Т. 2. Особенная часть / Под ред. Л.В. Иногамовой – Хегай, В.С. Комиссарова, А.И. Рарога. – М.: ИНФРА-М, 2003.
13. Российское уголовное право. В 2 т., Т. 2. Особенная часть / Под ред. Л.В. Иногамовой – Хегай, В.С. Комиссарова, А.И. Рарога. – М.: ИНФРА-М, 2003. – С. 525.
14. Уголовное право. Особенная часть: Учебник / Под ред. Н.И. Ветрова, Ю.И. Ляпунова – М.: Новый Юрист, 1998. – С. 494.
15. Уголовное право. Особенная часть: Учебник // Под ред. В.Н. Петрашева. – М.: Издательство Приор, 1999. – С. 387.
16. Уголовное право: учебник / Под ред. Н.И. Ветрова, Ю.И. Ляпунова – М.: ИД «Юриспруденция», 2004. – С. 567.
17. <http://ru.wikipedia.org>
18. <http://www.ugolrod.ru>
19. <http://www.bibliotekarru>
20. <http://www.ifuk.ru>.
21. <http://www.rulaws.ru>.
22. <http://www.urifstar.ru>.
23. <https://newinspire.ru>.
24. <https://studopedia.ru>
25. <https://urkom74.ru/ucheba>
26. <https://studbooks.net/1031258>
27. <https://wikipedia.org/wiki>

FEATURES OF THE CATEGORICAL CONCEPT OF “LAND” AS AN OBJECT OF CRIME

Agafonov A.V.

Law Institute of Krasnoyarsk state agrarian University

This article attempts to carry out a brief and, first of all, doctrinal legal analysis of such a categorical concept of Russian criminal law as land damage.

The analysed concept is actively used in various normative and legal acts of Russian legislation, including in the Criminal and Land Codes of the Russian Federation. At the same time, the above-mentioned documents practically do not reveal the content, and therefore the substantive characteristics of such a concept as “land” from the legal and regulatory points of view.

Of course, this problem has not gone unnoticed by the scientific situation of the Russian Federation, but the solutions proposed as a result of earlier studies do not lose, in our opinion, a number of shortcomings, which we in turn are trying to subject to critical obstruction, in order to identify both negative and positive points.

The article also offers its own vision of the problems identified, which certainly does not claim the title of truth in last resort, but is only one of the replicas in the ongoing discussion on the topic.

Keywords: object of crime, thing, good, element of the material world, intellectual values, property, documents, land, land plot.

References

1. Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation – M.: “Prospect”, 1997. – P. 556.
2. Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation (itemized) / Under the general. ed. N.G. Kadnikova – M.: Book World, 2005.
3. Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation (itemized) / Under the general. ed. N.G. Kadnikova – M.: Book World, 2005. – P. 650.
4. Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation (itemized) / A.B. Diamonds, G.D. Dolzhenkova, Y.I. Ivanova and [others]; under the editorship of A.V. Brilliantova – M.: Prospect, 2010. – P. 974.
5. Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation / Ed. ed. A.I. Boyko – Rostov – on-Don, Phoenix, 1996. – P. 521
6. Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation / Yu.V. Gracheva, L.D. Ermakova et al.; Ed. A.I. Rarog – M.: TC Velby, Prospect Publishing House, 2004. – P. 447
7. Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation with article-by-article materials and judicial practice. – Rostov n / a: Publishing center “Mart”. 2002. – P. 627.
8. Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation. Extended criminal law analysis / under commonly. ed. V.V. Mozyakova. – M.: Exam, 2002. – P. 611.
9. Kuznetsov, I.V. The concept and types of crime in Russian law / I.V. Kuznetsov – author. Ph.D. – Eagle, 2006
10. Melnichenko, A.B., Radachinsky, S.N. Criminal law. Special part: Textbook for students of law faculties and universities. Series “Legal education” / A.B. Melnichenko, S.N. Radachinsky – Rostov n / A: Publishing Center “Mart”, 2002. – P. 272.
11. Article commentary on the Criminal Code of the Russian Federation / Ed. A.I. Chuchaeva. – M.: INFRA-M: CONTRACT, 2004. – P. 582.
12. Russian criminal law. In 2 vols, T. 2. Special Part / Ed. L.V. Inogamova – Khegay, V.S. Komissarova, A.I. Raroga. – M.: INFRA-M, 2003.
13. Russian criminal law. In 2 vols, T. 2. Special Part / Ed. L.V. Inogamova – Khegay, V.S. Komissarova, A.I. Raroga. – M.: INFRA-M, 2003. – P. 525.
14. Criminal law. Special part: Textbook / Edited by N.I. Vetrova, Yu.I. Lyapunova – M.: New Lawyer, 1998. – P. 494.
15. Criminal law. Special part: Textbook // Ed. V.N. Petrasheva. – M.: Publishing House Prior, 1999. – P. 387.
16. Criminal law: textbook / Ed. N.I. Vetrova, Yu.I. Lyapunova – M.: Publishing House “Jurisprudence”, 2004. – P. 567.
17. <http://en.wikipedia.org>
18. <http://www.ugolrod.ru>
19. <http://www.bibliotekarru>
20. <http://www.ifuk.ru>
21. <http://www.rulaws.ru>
22. <http://www.urifstar.ru>
23. <https://newinspire.ru>
24. <https://studopedia.ru>
25. <https://urkom74.ru/ucheba>
26. <https://studbooks.net/1031258>
27. <https://wikipedia.org/wiki>

О возможности изменения порядка пересмотра дел в апелляционных судах общей юрисдикции

Коршунов Юрий Алексеевич,

адвокат, Адвокатская палата г. Москвы
E-mail: yurkorsh@gmail.com

Статья посвящена возможности изменения порядка пересмотра дел в апелляционных судах общей юрисдикции с целью снижения нагрузки на судей судов общей юрисдикции областного звена. При создании апелляционных судов апелляционный порядок пересмотра дел на региональном уровне остался неизменным. Нагрузка на судей судов областного звена также осталась на прежнем уровне, при этом судьи апелляционных судов нагружены не существенно. Автором предлагается обсудить вопрос о возможности снижения нагрузки на судей судов областного звена путём передачи на рассмотрение апелляционных судов дел в отношении предпринимателей, рассмотренных районными судами. В статье делается вывод о том, что звенья судебной системы, в частности апелляционные суды общей юрисдикции, представляют собой не монолитную, а гибкую конструкцию, полномочия которой можно при необходимости изменять и использовать для решения различных задач, стоящих перед обществом и государством.

Ключевые слова: апелляция, апелляционный суд, апелляционное производство, предприниматели, судебная система, Верховный Суд, судебная реформа.

На протяжении всего периода реформирования судебной системы Российской Федерации постоянно ведётся поиск путей снижения рабочей нагрузки на судей. Вопрос о ней стоит остро, поскольку большая нагрузка неминуемо ведёт к усталости судьи и снижению его работоспособности, за чем неминуемо следует снижение качества правосудия и нарушение прав участников судопроизводства.

Юридическим сообществом предлагаются различные пути снижения нагрузки на судей. Эти предложения имеют как процессуальный, так организационный характер. В первую очередь они направлены на то, чтоб освободить судей от выполнения обязанностей, не связанных с непосредственным рассмотрением дел. Так, предлагается установить возможность использования цифровых технологий при судопроизводстве, необязательность мотивированного судебного решения, необходимость наличия высшего-юридического образования у представителей сторон (чтоб их знания ускоряли процесс), обязательное введение единоличного рассмотрения дел в арбитражных апелляционных судах [12, с. 49–54]. Также расширение штата судей, введение порядка временного командирования судей в загруженные суды, установление порядка укрупнения и упразднения судов, введение возможности передачи дел между судами одного уровня (по аналогии с передачей дел между мировыми судьями в пределах судебного района), эффективное перераспределение вакансий судей и работников аппаратов судов, установление специализации судей [5, с. 49–54]. Кроме того, предлагается отменить протокол судебного заседания на бумажном носителе, заменив его на электронный, упростить порядок судебных извещений [7, с. 39–42] и ввести различные досудебные примирительные процедуры [11, с. 10–13].

Все эти предложения заслуживают внимания и обсуждения, но вместе с тем, необходимо отметить, что для снижения нагрузки на судей необходимо также использовать и особенности построения отечественной судебной системы.

Так, до последнего времени неразрешенным вопросом оставалось урегулирование механизма, позволяющего беспристрастное и объективное рассмотрение жалоб на судебные акты нижестоя-

ящих судебных инстанций в системе судов общей юрисдикции. Суды областного звена могли быть одновременно апелляционной и кассационной инстанцией, апелляционные и кассационные жалобы на решения большинства судов (а это районные суды) рассматривались в этих судах. Данное положение в значительной степени противоречило принципам правосудия, отражающим общий характер судебной власти – принципам обеспечения беспристрастного и компетентного суда, независимости судей и соблюдения прав и свобод человека и гражданина.

Положение изменилось с принятием Федерального конституционного закона от 29 июля 2018 года № 1-ФКЗ, предусматривающего создание апелляционных судов общей юрисдикции. Был полностью решен вопрос о разделении в рамках одной судебной инстанции рассмотрения апелляционных и кассационных жалоб. У граждан появились новые гарантии объективной проверки их жалоб в апелляционных судах, в которых минимизируются коррупционные риски, нарушения прав и свобод граждан, охраняемых законов интересов общества, поскольку суды работают на основе принципа инстанционности, отдельно от кассационных и судов областного звена, и на основе децентрализованных судебных округов, благодаря которым они стали более независимы от региональных властей.

Одной из целей изменения системы судов общей юрисдикции явилось снижение рабочей нагрузки на судей и как следствие этого, улучшение качества их работы.

Вместе с тем, на уровне судов областного звена апелляционный порядок обжалования судебных решений остался неизменным. В апелляционных судах рассматриваются только решения суда областного звена, рассмотренные по первой инстанции. Верховный Суд РФ оставил себе только функцию второй кассации и надзора, что также является положительным моментом, поскольку улучшается качество надзора за нижестоящими судами.

Однако, центр тяжести правозащитной деятельности судебной системы остался на областном уровне. На уровне субъектов РФ нагрузка на судей по рассмотрению дел в апелляционном порядке осталась прежней, вновь созданные апелляционные суды разгрузили только высший суд. Эти суды пересматривают решения судов областного звена, а таковых решений не так уж много.

Так, в 2018 году Верховным Судом РФ рассмотрено в апелляционном порядке 35 уголовных дел в отношении 77 лиц (2017 год – 17 уголовных дел в отношении 33 лиц), 114 гражданских дела (2017 год – 136 гражданских дел) и 1237 административных дел (2017 год – 1047 административных дел), Судебной коллегией по делам военнослужащих рассмотрено 141 уголовное дело в отношении 220 лиц (2017 год – 144 уголовных дела в отношении 234 лиц) [9, 10].

Рассмотрение данных категорий дел ушло под юрисдикцию апелляционных судов. Учитывая, что

5 апелляционных судов общей юрисдикции и 1 военный апелляционный суд укомплектованы судебским корпусом в полном объеме, при вышеуказанных объемах работы нагрузка на судей данных судов является не существенной. При этом, в отличие от апелляционных, кассационные суды общей юрисдикции рассматривают по кассационным жалобам на решения мировых судей, районных судов и судов областного звена [1, гл. 34, 35; 2, гл. 39, 41; 3, гл. 34, 35; 4, гл. 45.1, 47.1].

Таким образом, на судей судов областного звена нагрузка по апелляционному пересмотру дел сохранилась в полном объеме, они по прежнему пересматривают дела районных судов, количество которых не изменилось. Существующая много лет проблема нагрузки на судей в отношении судов областного звена не решена.

Анализ современной судебной системы в части организации апелляционных судов общей юрисдикции, наделенных полномочиями проверки решений только судов областного звена, не решает всей проблемы снижения нагрузки на судей.

Вместе с тем, судебная система государства это гибкая конструкция, отдельные звенья которой в зависимости от задач, стоящих перед обществом, возможно загрузить или разгрузить внесением изменений в процессуальное законодательство. Данные изменения можно внести и в отношении определенных категорий дел.

Учитывая небольшую нагрузку на судей апелляционных судов общей юрисдикции, возможно снизить её в судах областного звена, передав на рассмотрение апелляционных судов дела в отношении предпринимателей, рассмотренные районными судами. Апелляционные суды осуществляют свою деятельность, как правило, в другом регионе, на территории децентрализованных судебных округов, что значительно снижает коррупционную составляющую судебной деятельности, поскольку повышается уровень независимости судей, и, соответственно, устраняются препятствия объективности и справедливости принимаемых ими решений. При таком изменении порядка пересмотра дел в отношении данной категории граждан нагрузка на судей судов областного звена снизится, а на судей апелляционных судов увеличится, дела будут пересматриваться в другом регионе, в отрыве от местных и региональных коррупционных факторов. Данные условия пересмотра судебных решений оптимальны не только для предпринимателей, но и для граждан, совершивших коррупционные преступления.

По данным Верховного Суда РФ, в 2018 году российские районные суды рассмотрели уголовные дела в отношении 1700 предпринимателей, в отношении 1300 вынесли приговоры, в отношении 400 дела были прекращены по различным основаниям. Почти 40% приговоров вынесены по мошенническим статьям УК РФ (159–159.6). При этом только 15% осужденных назначено наказание в виде лишения свободы, остальным назначены более мягкие виды наказаний. Своим

правом апелляционного обжалования приговоров воспользовались около 10% осуждённых, в основном из числа осуждённых к лишению свободы [6, 8]. В случае перераспределения нагрузки на судей и наделения апелляционных судов общей юрисдикции правом пересмотра дел в отношении предпринимателей, нагрузка на судей в данных судах увеличится не существенно, однако суды областного звена разгрузятся. Для решения вопроса о судебной нагрузке и необходимости рассмотрения апелляционными судами определённых категорий дел возможно потребуется увеличение количества данных судов.

Полагаю необходимым поставить на обсуждение вопрос о возможности снижения нагрузки на судей судов областного звена путем передачи на рассмотрение апелляционных судов общей юрисдикции дел в отношении предпринимателей, рассмотренные районными судами.

На примере дел данной категории видна гибкость звеньев отечественной судебной системы, в которые заложен резерв для дальнейшего совершенствования. Судебная система представляет собой не монолитную, а динамичную конструкцию, полномочия звеньев которой можно при необходимости изменять и использовать для решения различных задач, стоящих перед обществом и государством.

Литература

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации. гл. 34, 35 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12 февраля 2020 г.).
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации. гл. 39, 41 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12 февраля 2020 г.).
3. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации. гл. 34, 35 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12 февраля 2020 г.).
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. гл. 45.1, 47.1 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12 февраля 2020 г.).
5. Бурдина Е.В. Нормы служебной нагрузки судей: статистический метод или показатель качества правосудия? // Российский судья. – 2017. – № 1. – С. 49–54.
6. Верховный Суд РФ подвёл итоги работы российской судебной системы за 2018 год [Электронный ресурс] <https://malina-group.com/verhovnyj-sud-rf-podvel-itogi-raboty-rossijskoj-sudebnoj-sistemy-za-2018-god> (дата обращения: 12 февраля 2020 г.).
7. Захаров В.В. Как сократить процессуальную нагрузку, не снижая качество правосудия // Российская юстиция. – 2017. – № 10. – С. 39–42.
8. Итоги – 2018 от Верховного Суда: уголовные дела [Электронный ресурс] <https://pravo.ru/story/209060>

(дата обращения: 12 февраля 2020 г.).

9. Обзор статистических данных о рассмотрении в Верховном Суде РФ административных, гражданских дел, дел по разрешению экономических споров, дел об административных правонарушениях и уголовных дел в 2017 году [Электронный ресурс] <https://docviewer.yandex.ru/view> (дата обращения: 12 февраля 2020 г.).
10. Обзор статистических данных о рассмотрении в Верховном Суде РФ административных, гражданских дел, дел по разрешению экономических споров, дел об административных правонарушениях и уголовных дел в 2018 году [Электронный ресурс] <https://docviewer.yandex.ru/view> (дата обращения: 12 февраля 2020 г.).
11. Попова Ю.А. Судебная медиация как резерв снижения судебной нагрузки: проблемы теории и практики // Судья. – 2018. – № 8. – С. 10–13.
12. Прокудина Л.А. Научно-практическое заключение на проект Верховного Суда Российской Федерации по реформированию процессуального законодательства в целях снижения нагрузки на судей // Администратор суда. – 2018. – № 1. – С. 49–54.

ABOUT THE POSSIBILITY OF CHANGING THE REVISION ORDER CASES IN THE GENERAL JURISDICTION COURT OF APPEALS

Korshunov Y.A.

Moscow City Bar Association

The article is devoted to the possibility of changing the procedure for reviewing cases in courts of appeal of general jurisdiction in order to reduce the burden on judges of courts of general jurisdiction of a regional level. When creating the courts of appeal, the appeals procedure for reviewing cases at the regional level remained unchanged. The load on the judges of regional courts also remained at the same level, while the judges of the courts of appeal were not significantly loaded. The author proposes to discuss the possibility of reducing the burden on judges of regional courts by referring cases to entrepreneurs of courts considered by district courts for consideration by courts of appeal. The article concludes that the links of the judicial system, in particular the appellate courts of general jurisdiction, are not a monolithic, but a flexible design that can be changed and used if necessary to solve various problems facing society and the state.

Keywords: appeal, court of appeal, appeal proceedings, entrepreneurs, judicial system, Supreme Court, judicial reform.

References

1. The Arbitration Procedure Code of the Russian Federation. chap. 34, 35 // Access from the reference and legal system «ConsultantPlus» (date of access: February 12, 2020).
2. The Code of Civil Procedure of the Russian Federation. chap. 39, 41 // Access from the reference and legal system «ConsultantPlus» (date of access: February 12, 2020).
3. Code of Administrative Procedure of the Russian Federation. chap. 34, 35 // Access from the reference and legal system «ConsultantPlus» (date of access: February 12, 2020).
4. The Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. chap. 45.1, 47.1 // Access from the reference and legal system «ConsultantPlus» (date of access: February 12, 2020).
5. Burdina E.V. Judicial workload: a statistical method or indicator of the quality of justice? // Russian judge. – 2017. – № 1. – P. 49–54.
6. The Supreme Court of the Russian Federation summed up the work of the Russian judicial system for 2018 [Electronic resource] <https://malina-group.com/verhovnyj-sud-rf-podvel-itogi->

- raboty-rossijskoj-sudebnoj-sistemy-za-2018- god (date of access: February 12, 2020).
7. Zakharov V.V. How to reduce the procedural burden without reducing the quality of justice // Russian Justice. – 2017. – № 10. – P. 39–42.
 8. Results – 2018 from the Supreme Court: criminal cases [Electronic resource] <https://pravo.ru/story/209060> (date of access: February 12, 2020).
 9. Review of statistical data on the consideration in the Supreme Court of the Russian Federation of administrative, civil cases, cases for the resolution of economic disputes, cases of administrative offenses and criminal cases in 2017 [Electronic resource] <https://docviewer.yandex.ru/view> (date of access: February 12, 2020).
 10. Review of statistics on the consideration in the Supreme Court of the Russian Federation of administrative, civil cases, cases for the resolution of economic disputes, cases of administrative offenses and criminal cases in 2018 [Electronic resource] <https://docviewer.yandex.ru/view> (date of access: February 12, 2020).
 11. Popova Yu.A. Judicial mediation as a reserve for reducing the judicial burden: problems of theory and practice // Judge. – 2018. – № 8. – P. 10–13.
 12. Prokudina L.A. Scientific and practical conclusion on the draft Supreme Court of the Russian Federation to reform the procedural legislation in order to reduce the burden on judges // Administrator of the court. – 2018. – № 1. – P. 49–54.

Метод получения из цифровой формы (изображения) историю документа (изменения в пути), с момента от его создания

Аллаберганов Ахмеджан Атаханович,

аспирант, кафедра криминалистики, судебных экспертиз и юридической психологии, ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет» аспирант кафедры АСУ. Фотоника, приборостроение, оптические и биотехнические системы и технологии. ФГБОУ ВО «Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники»
E-mail: nsk-kapital@mail.ru

Предмет исследования настоящей работы – является криминалистический анализ документов. Разрешена задача получения изображений и распознавания текста (РТ) и точность идентификации изучаемых объектов. Предложены метод и способ получения из цифровой формы (изображения) историю документа изменение в пути с момента от его создания, выделения элементов текста и распознавания объектов и их частей из цифровой формы, что намного продвинет сферу экспертной деятельности в рамках производства технико-криминалистического исследования.

Ключевые слова: цифровое изображение, история документа, преобразование документа, криминалистический анализ документов.

Целью работы – является получение из цифровой формы (изображения) историю документа изменение в пути от его создания, применение новых способов и методов исследования, также, применение иных приборов и комплексов с техническими характеристиками оптических измерительных устройств.

На первом этапе предметом исследования становится история документа, для познания которой необходимо выделить варианты его преобразований, отображенные на рис. 1.

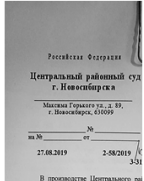
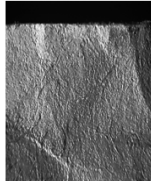
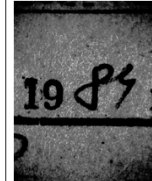

Рис. 1. Варианты преобразований документа

Для целей проведения криминалистической экспертизы нас интересует – *бумажный документ в виде цифрового изображения (ЦИ)*, который может быть преобразован и представлен следующим образом:

1. Бумажный документ в виде (ЦИ) и преобразованный в формат «PDF» (Acrobat Reader).
2. Бумажный документ в виде (ЦИ) и преобразованный в формат «PPT» (PowerPoint).
3. Бумажный документ в виде (ЦИ) и преобразованный в формат «JPG» (сканированный) или формат «PNG» (срезка фрагмента).
4. Бумажный документ в виде (ЦИ) и преобразованный в формат «JPEG» или «IMG» (путем фотографирования или переноса).
5. Бумажный документ в виде (ЦИ) и преобразованный в формат «MOV» или иные форматы при выделении или перенос с материальных (цифровых) носителей.
6. Бумажный документ в виде (ЦИ) и преобразованный в формат «AVI» и «2AVI» (видеоизображение или видеозахват).

Изменения бумажного документа, обусловленные факторами качества бумаги, красителей, времени, внешними воздействиями и т.п., типичны и могут быть представлены в табл. 1.

Таблица 1. Типичные изменения документа (носителя)

ТИПОВЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ ДОКУМЕНТА (БУМАЖНОГО НОСИТЕЛЯ)			
ЕСТЕСТВЕННОЕ СОСТОЯНИЕ НОСИТЕЛЯ	ИСКУССТВЕННО СОСТАРИВАНИЕ НОСИТЕЛЯ (АГРЕССИВНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ)	ЕСТЕСТВЕННОЕ СТАРЕНИЕ НОСИТЕЛЯ (ПОЖЕЛТЕВШЕЕ ОТ ВРЕМЕНИ)	ИСКУССТВЕННО ПРИДАНИЕ ФОНА НОСИТЕЛЮ
			
СОСТОЯНИЕ НОСИТЕЛЕЙ			

При этом, надо понимать, что:

- у изображения есть понятие «Качества»;
- у бумаги есть понятие «Качества»;
- объект исследования может располагаться близко или удаленно;
- объект исследования может располагаться под разными углами к оптической оси цифровой камеры;
- объект исследования может находиться в разных условиях освещенности;
- объект исследования может содержать текст (машинописный и рукописный) и изображения, таблицы;
- Все приведенные части являются «Примерами» возможных вариантов.

История представленного документа

Анализируемые в настоящей статье документы имеют, цифровую форму и это значит, они могут пройти целые цепочки трансформаций, выраженных, например, в преобразовании из одного формата в другой.

Проследим изменение в пути от создания документа, т.е. его историю. Мы исходим из того, что рождается документ (т.е. приобретает свойства и статус документа) на бумажном носителе. Может выглядеть следующим образом.

Изменение в пути от создания документа

Исследуемые документы имеют следующую историю:

- 1) Бумажный носитель;
- 2) Сканирование бумажного носителя (при 100 и 300 dpi);
- 3) Цифровая форма документа – преобразование в формат «JPG»;
- 4) Неоднократное преобразование из формата «JPG» в формат «JPG»;
- 5) Преобразование (сжатие) в формат «PDF»;
- 6) Неоднократное преобразование из формата «PDF» в формат «PDF»;

Далее следует систематизировать преобразование исследуемых документов в последовательности градации, которая будет выглядеть следующим образом.

Преобразование в градациях

Исследуемые документы имеют следующую историю градации:

- 1) Бумажный носитель «RGB» (цветного изображения);
- 2) Сканирование бумажного носителя (при 100 и 300 dpi);
- 3) Распечатывание в градациях «Black and White» (B/W) преобразованное в чёрно-белое изображение;
- 4) Сканирование бумажного носителя (при 100 и 300 dpi);
- 5) Распечатывание в градациях «Grayscale» (изобр. в градациях серого);
- 6) Неоднократное преобразование и сканирование бумажного носителя (при 100 и 300 dpi);
- 7) Распечатывание в градациях «Grayscale» (изобр. в градациях серого);

Для проведения быстродействующих алгоритмов, эффективного и качественного исследования необходимо специальное оборудование. Это приборный комплекс, представленный на фото 1, позволяющий получать изображения текста, обрабатывать их и анализировать.

Фото 1. Приборный комплекс (защищен патентом на изобретение № 2678413; Заявка № 2018140045; приоритетом изобретения 14 ноября 2018 г.; Государственная регистрация в ГРИ РФ 11 декабря 2018 г.; Срок действия исключительного права на изобретение 14 ноября 2038 г.)

Размещение конструктивных элементов установки на силовом каркасе и обеспечение их подвижности по осям позволяет проводить исследования во всех плоскостях, при этом все упомянутые микроскопы установлены с возможностью изменения своего вертикального и горизонтального положения, поворота на 360° по вертикальной и горизонтальным осям и изменения угла осмотра исследуемого объекта, осуществлять разворот как отдельных элементов, так и всей установки на 360°. Также за счет возможности монтажа/демонтажа установка получается переносной и быстро сборно-разборной.

Оснащение установки упомянутыми микроскопами, съемно установленными с возможностью вращения, позволяет проводить исследования за пределами установки, например, крупногабаритные объекты можно исследовать на расстоя-

нии до 2,5 метров от установки, а также в труднодоступных местах.

Наличие инфракрасных излучателей, ультрафиолетовых излучателей, излучателя белого света и световых фильтров позволяет проводить исследования одновременно в разных зонах спектра и накладывать зоны спектра друг на друга (рис. 2).

Исследование проходит Онлайн с электронного файла – формата «PDF» при помощи установки «Криминалистический Многофункциональный Видеомикроскопический Спектральный Комплекс» [9].

Рис. 2. Исследование при помощи спец. оборудования (видеомикроскопа)

АЛГОРИТМ ОБРАБОТКИ ИЗОБРАЖЕНИЙ И РАСПОЗНАНИЯ ТЕКСТОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Рис. 3. Алгоритм обработки и распознавания текста (РТ)

Постановка задачи. Предметом исследования в данной работе является криминалистический анализ документов. Задача получения изображений и распознавания текста (РТ), то есть, точности идентификации изучаемых объектов.

В данном исследовании – при изменении очередности, изменяя последовательность алгоритма обработки информации (рис. 3), исследование содержания текстовой информации на цифровом носителе, приходим к желаемому результату (определенным показателям).

АЛГОРИТМ ОБРАБОТКИ, ПОЛУЧЕНИЯ ИЗОБРАЖЕНИЙ И РАСПОЗНАНИЯ ТЕКСТА (РТ)

Рис. 4. Алгоритм обработки изображений с целью выделения текстовой информации

Процесс исследования. Целью работы является попытка автоматизации процессов измерения, анализа и сопоставления текстовой информации для решения задач экспертизы в исследовательской криминалистической деятельности (рис. 4).

Так как, это позволит обеспечить данное направление новым видом решений и качеством идентификации объектов исследования.

Математический алгоритм

Создание математических алгоритмов (рис. 5), позволяющих уточнить область применения, также и обобщить новые методы и методики, кроме того построить и применять качественные методы и эффективно быстро обрабатывающие алгоритмы – для решения определенных криминалистических и конкретных задач в цифровой форме обработки изображений.

Далее перейдем к формированию спектрального и цветового пространства поверхности документа (объекта исследования).

$$I(\lambda) = I_0(\lambda) \times \cos \beta \times R(\varrho) \times \rho(\lambda)$$

Где,

$I(\lambda)$ – внешнее излучение падает в камеру (в линзу);

$I_0(\lambda)$ – источник излучения;

$\cos \beta$ – угол падения излучения на поверхность;

$R(\varrho)$ – функция направления отражения излучения;

$\rho(\lambda)$ – коэффициент отражения поверхности;

Рис. 5. Математический алгоритм

Формирование спектрального и цветового пространства поверхности документа (объекта исследования)

Изображение текстовой информации содержит черно-белое изображение, преобразованное из цветного в черно-белое изображение.

Предлагаемые автором методы и способы позволяют выделять на изображении текстовую информацию и распознать при помощи соответствующих математических алгоритмов.

Выделение шрифта, типа чернил (реквизитов) связаны с задачей определения историю документа изменение в пути от его создания, способы, методы и др. (рис. 6).

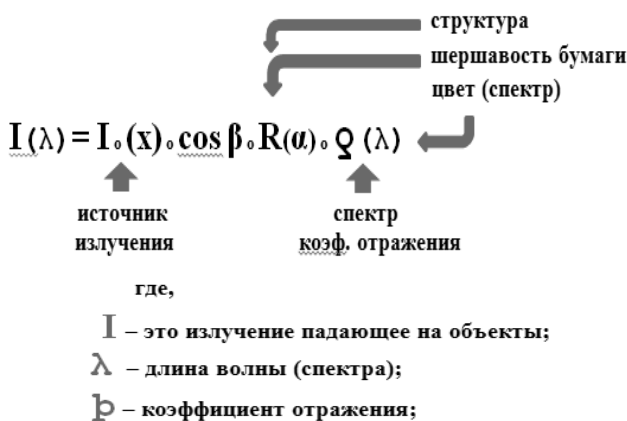

Рис. 6. Формула 2. Выделение и распознавания на изображении текстовую информацию

Используя стандартные библиотеки обработки изображений можно оценить качество изображения, даваемого оптической системой (цифровой камерой).

Для очистки изображения от шумовой составляющей применяется, далее, цифровая фильтрация изображений (рис. 7).

Обработка и анализ спектрального пространства позволяет определить признаки объектов, которые присутствуют на исследуемом (исходном) изображении.

При исследовании в видимой зоне спектра, можно выделить наилучший способ (метод) алго-

ритмической реализации преобразований в зависимости от вида их характеристик объекта и их частей.

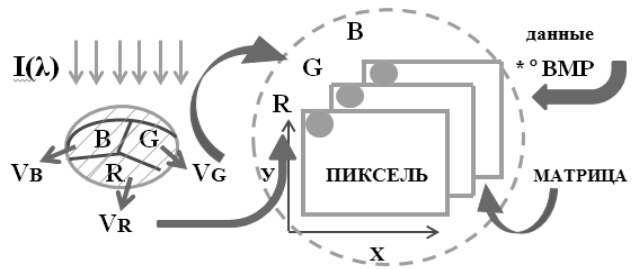

Рис. 7. Схема цифровой фильтрации изображений

При исследовании и обработке выполняется оценка алгоритмов преобразований, и анализируются зависимости правильного вычисления признаков в объекте от уровня помех.

Данное исследование подтверждается – эффективностью, качеством и быстродействующим алгоритмом.

АЛГОРИТМ ОБРАБОТКИ ИЗОБРАЖЕНИЙ, ВОССТАНОВЛЕНИЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ ПОТЕРЯННОЙ ТЕКСТОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В ЦИФРОВОЙ ФОРМЕ

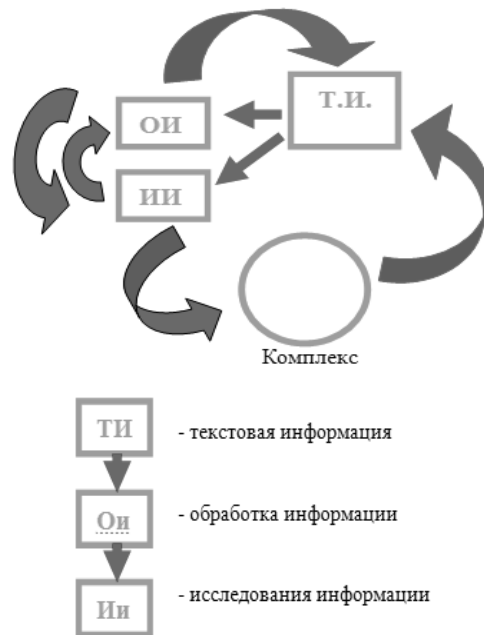

Рис. 8. Алгоритм обработки изображений, определения истории документа изменение в пути от его создания в цифровой форме

Рассмотрим варианты подготовки документа в цифровую форму (рис. 8).

Варианты подготовки документа. При подготовке документа в цифровую форму существует несколько видов, способов подделки документа и их реквизитов.

- Например:
- видоизменение первоначального текста;
 - монтаж изображение (текста, реквизитов и отдельных частей);
 - дописка (с предварительной обработкой или без);

- предварительное изготовление печатей, штампов и реквизитов, в последующем нанесением или монтажом;
- перенос реквизитов с другого (иного) документа (носителя);
- и т.д.

Данные варианты событий и изготовление (подготовки) показаны на рис. 9.

Рис. 9. Варианты подготовки документа

Далее, переходим к созданию документа и возможные варианты.

СОЗДАНИЕ ДОКУМЕНТА (ВАРИАНТЫ ДОКУМЕНТОВ, ВОЗМОЖНЫХ ДЛЯ РАССМОТРЕНИЯ)

Анализ вариантов документов – выделить особенность документов «без изменений» и на основе этой Информации определить «степень изменений», так как она систематизирует не только возможные варианты подделок, но и способы фиксации этих изменений (рис. 10).

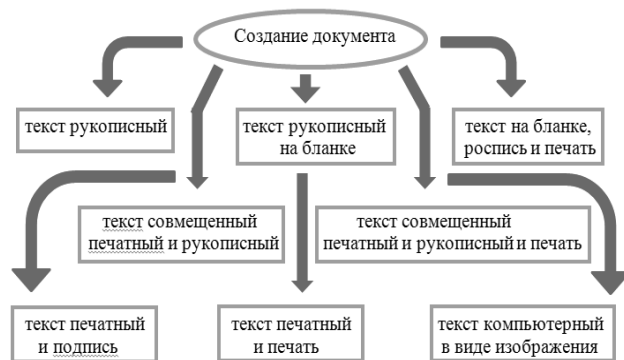

Рис. 10. Создание документа

Подходим к проблеме с позиции теории и методики системного анализа.

Вспоминая Методику «Системного анализа»:

«Изложенные выше системные представления являются основой для составления методики системного анализа (алгоритма системной деятельности), в соответствии с которой должен осуществляться переход из состояния проблемной ситуа-

ции в состояние желаемой конечной цели – решения проблемы или создания системы. Этот переход должен происходить системно, упорядоченно, путем последовательного выполнения определенных шагов (этапов)» [3, с. 29].

Исходя из этого,

Структура – совокупность устойчивых связей объекта, обеспечивающих его целостность и тождественность самому себе, то есть, сохранение основных свойств при различных внешних и внутренних изменениях признаков (рис. 11).

Признаками – считают все то, что характеризует предмет. Признаками являются свойства и отношения.

Признаки предмета, которые отражаются в мышлении о предмете, называются – признаками понятия.

Рис. 11. Структура совокупности

Далее стоит задача поиска изменений в документе через их «моделирование» для различных условий.

ЗАДАЧА ПОИСКА ИЗМЕНЕНИЙ

Здесь автор собирается – искать изменения в документе через «Моделирование» этих изменений, для различных условий, чтобы выделить «группы» и «классы» изменений, которые – легко детектируются.

А для других (специалистов) для исследования нужны, необходимы специализированные приборы, установки.

Для этих и иных целей, автором была разработана Криминалистическая исследовательская установка (КМК) – которая указана в данной работе (табл. 2).

Рассматривается одна и та же Текстовая информация преобразованная в разные форматы и возможные их изменения в цифровой форме при получении изображений.

В таблице показано наиболее часто встречающиеся изменения, связанные с подделкой – Виды подделки документов. Обнаружения признаков подделки.

Как известно, различают два вида подделки документов – полную и частичную.

Полная подделка – это изготовление документа целиком со всеми его реквизитами либо его бланка, оттисков печати, штампа, подписей в нем.

Частичная подделка – это внесение изменений в содержание или отдельные реквизиты подлинного документа.

Таблица 2

«ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ»				
РУКОПИСНЫЙ ТЕКСТ (В ЦИФРОВОЙ ФОРМЕ)				
Формат «JPG»	Формат «PNG»	Формат «PDF»	Сканирование 300 dpi	Преобразование "Black/Whit"
«ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ»				
ПЕЧАТНЫЙ ТЕКСТ (В ЦИФРОВОЙ ФОРМЕ)				
Формат «JPG»	Формат «PNG»	Формат «PDF»	Сканирование 300 dpi	Преобразование "Black/Whit"

Надо заметить, что типы изображений есть с сжатием с потерями и сжатие без потерь. То есть, форматы «BMP», «PNG» – сжатие без потерь, а «JPG», «TIF» – с потерями. То есть, на формате «BMP» край печати будет более четко выделен в пикселях, а «JPG» покажет блоки и край будет изрезан...

Таким образом, текстовая информация в виде машинописного (М) или рукописного текста (Р); оттиска печати и смешанных композиций (текст-печать, текст М и текст Р), преобразованная в разные форматы, может быть изменена (по типовым или иным направлениям) уже в цифровой форме.

Выделим особенности и основные показатели форматов.

Основные показатели

Формат «JPG»:

- определяется тип пишущего прибора, также и печатное устройство;
- прослеживается трасса пишущего прибора, также и нанесение оттиска;
- виден переход с одного элемента на другой;
- прослеживается остановка пишущего прибора;
- фон «сцена» текстовой информации, имеет темный оттенок – это связана с применением оптических устройств.

Формат «PNG»:

- тяжело определяется тип пишущего прибора, в том числе и печатное устройство;
- тяжело прослеживается трасса пишущего прибора;
- оттиск печати имеет темную окантовку;
- края штрихов имеет равномерную зубчатую структуру;
- прослеживается остановка пишущего прибора;

- фон имеет светлый оттенок.

Формат «PDF»:

- тяжело определяется тип пишущего прибора;
- иногда определяется тип печатного устройства;
- не прослеживается трасса пишущего прибора;
- оттиск печати имеет хаотичную зубчатую структуру;
- края штрихов имеет темную окантовку и хаотичную зубчатую структуру;
- тяжело прослеживается остановка пишущего прибора;
- фон имеет от светлого до серо-молочного оттенка.

Сканирование до 300 dpi.

- тяжело определяется тип пишущего прибора, также и печатное устройство;
- тяжело прослеживается трасса пишущего прибора;
- оттиск печати имеет темную окантовку;
- края штрихов имеет хаотичную зубчатую структуру;
- тяжело прослеживается остановка пишущего прибора;
- фон имеет серо-молочный оттенок.

Преобразованный в «Black/Whit» (в черно-белое):

- не определяется тип пишущего прибора;
- иногда определяется тип печатного устройства;
- оттиск печати имеет темную окантовку и хаотичный фон, также и зубчатую структуру;
- иногда, не прослеживается трасса пишущего прибора;
- края штрихов имеет темную окантовку и хаотичную зубчатую структуру;
- иногда, тяжело прослеживается остановка пишущего прибора;
- фон имеет серый оттенок.

Таким образом, в предложенном описании отражены основные характеристики, возможные их изменения в цифровой форме при получении изображений.

ПРОВЕДЕНИЕ ЭКСПЕРИМЕНТА И ДОКАЗЫВАНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

Проведение эксперимента и процесс доказывания результатов исследования предполагали применение новых методов и способов исследования, новых приборов и измерительных комплексов.

Результат исследования – определение истории документа, изменений, которые произошли в пути от момента его создания, а также выявление и распознавание фальсификации документов из цифровой формы текстовой информации.

Рис. 12. Исследование при помощи спец. оборудования (видеомикроскопа)

Исследование проходит Онлайн с электронных файлов – разного формата, при помощи установки «Криминалистический Многофункциональный Видеомикроскопический Спектральный Комплекс» (рис. 12).

Для выявления изменения представленного документа в форме «изображение», для начала надо понять (выявить) – на каком этапе было внесено изменение:

- а) изменение было внесено на самом бумажном носителе
 - б) изменение было внесено на изображении документа
- после распознании (выявлении) данного этапа, это позволит определить точность нанесение и способ изготовления и внесение изменений в представленный документ.

Проведение эксперимента «контролируемые изменения»

В эксперименте на бумажный носитель был нанесен рукописный текст «Эксперимент» и заверен печатью Криминалистической лаборатории, также на Второй бумажный носитель был нанесен печатный текст «Эксперимент» в формате «Word» и распечатан на Цветном струйном принтере, заверен печатью.

Оба текста на бумажном носителе были неоднократно (несколько раз) преобразованы с одного формата на другой «контролируемые изменения», разделены были на «Четыре группы» (направлений – сложные и особо сложные) после чего были проведены исследования, которые легли в основу обоснования новизны предлагаемых решений. Проведенный эксперимент отражен на рис. 13 и в табл. 4 и 5.

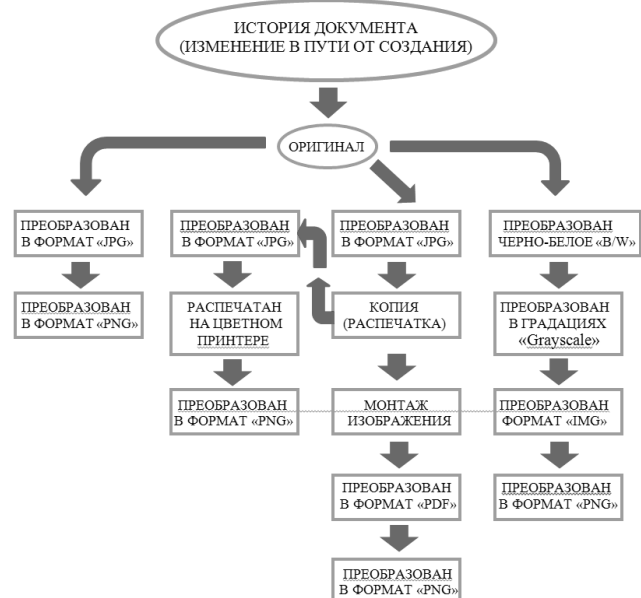

Рис. 13. История документа и его изменения в пути от момента создания

Далее, распознания и классификация объектов, отражено в табл. 4; 5.

Таблица 4

«ЭКСПЕРИМЕНТ» РАСПОЗНАНИЯ И КЛАССИФИКАЦИЯ ОБЪЕКТОВ (ИЗ ЦИФРОВОЙ ФОРМЫ)			
«ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ» 			
ИСТОРИЯ ДОКУМЕНТА (ИЗМЕНЕНИЕ В ПУТИ ОТ СОЗДАНИЯ)			
ОРИГИНАЛ - ПРЕОБРАЗОВАННЫЙ В ФОРМАТ «JPG» (ФОТО), И ДАЛЕЕ, ПРЕОБРАЗОВАН В ФОРМАТ «PNG»	ИЗОБРАЖЕНИЕ - ПРЕОБРАЗОВАННЫЙ В ФОРМАТ «IMG» (СКАН), ДАЛЕЕ РАСПЕЧАТАН НА ЦВЕТНОМ ПРИНТЕРЕ И ПРЕОБРАЗОВАН В ФОРМАТ «PNG»	ОРИГИНАЛ - ПРЕОБРАЗОВАННЫЙ В ФОРМАТ «IMG» (СКАН), ДАЛЕЕ КОПИЯ, МОНТАЖ ИЗОБРАЖ. И В ФОРМАТ «PDF», ДАЛЕЕ ПРЕОБРАЗОВАН В ФОРМАТ «PNG»	ОРИГИНАЛ - ПРЕОБРАЗОВАННЫЙ В ЧЕРНО-БЕЛОЕ «B/W», ДАЛЕЕ В «Grayscale», И В ФОРМАТ «IMG», (СКАН), И ДАЛЕЕ ПРЕОБРАЗОВАН В ФОРМАТ «PNG»
ЭКСПЕРИМЕНТ - БУДЕТ ПРОХОДИТЬ В НЕСКОЛЬКО РАЗ ПРЕОБРАЗОВАННЫХ И В РАЗНЫХ ТЯЖЕЛЫХ ФОРМАТАХ			
ВЫДЕЛЕНИЯ ЭЛЕМЕНТОВ ТЕКСТА И РАСПОЗНАНИЯ ОБЪЕКТОВ И ИХ ЧАСТЕЙ ИЗ ЦИФРОВОЙ ФОРМЫ			

Таблица 5

«ЭКСПЕРИМЕНТ» РАСПОЗНАНИЯ И КЛАССИФИКАЦИЯ ОБЪЕКТОВ (ИЗ ЦИФРОВОЙ ФОРМЫ)			
«ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ» 			
ИСТОРИЯ ДОКУМЕНТА (ИЗМЕНЕНИЕ В ПУТИ ОТ СОЗДАНИЯ)			
ОРИГИНАЛ - ПРЕОБРАЗОВАННЫЙ В ФОРМАТ «JPG» (ФОТО), И ДАЛЕЕ, ПРЕОБРАЗОВАН В ФОРМАТ «PNG»	ИЗОБРАЖЕНИЕ - ПРЕОБРАЗОВАННЫЙ В ФОРМАТ «IMG» (СКАН), ДАЛЕЕ РАСПЕЧАТАН НА ЦВЕТНОМ ПРИНТЕРЕ И ПРЕОБРАЗОВАН В ФОРМАТ «PNG»	ОРИГИНАЛ - ПРЕОБРАЗОВАННЫЙ В ФОРМАТ «IMG» (СКАН), ДАЛЕЕ КОПИЯ, МОНТАЖ ИЗОБРАЖ. И В ФОРМАТ «PDF», ДАЛЕЕ ПРЕОБРАЗОВАН В ФОРМАТ «PNG»	ОРИГИНАЛ - ПРЕОБРАЗОВАННЫЙ В ЧЕРНО-БЕЛОЕ «B/W», ДАЛЕЕ В «Grayscale», И В ФОРМАТ «IMG», (СКАН), И ДАЛЕЕ ПРЕОБРАЗОВАН В ФОРМАТ «PNG»
ЭКСПЕРИМЕНТ - БУДЕТ ПРОХОДИТЬ В НЕСКОЛЬКО РАЗ ПРЕОБРАЗОВАННЫХ И В РАЗНЫХ ТЯЖЕЛЫХ ФОРМАТАХ			
ВЫДЕЛЕНИЯ ЭЛЕМЕНТОВ ТЕКСТА И РАСПОЗНАНИЯ ОБЪЕКТОВ И ИХ ЧАСТЕЙ ИЗ ЦИФРОВОЙ ФОРМЫ			

Результатом эксперимента стало выявление и подтверждение новизны предлагаемых решений. Приведем технические параметры новизны полученных результатов.

- 1). В эксперименте с «Рукописным текстом и оттиском печати» (табл. 4):

Раздел «Зеленый» – отсутствует видоизменение и подделка документа – подтверждено.

Раздел «Синий» – выявлено, не является Оригином изготовления, первоначальный документ является копией, изготовлен при помощи цветного струйного принтера – подтверждено.

Раздел «Красный» – выявлено, монтаж изображения документа, также, первоначальный документ изготовлен при помощи цветного струйного принтера, присутствует подделка документа, также имеются следы «Пикселей» текстового редактора – подтверждено.

Раздел «Серый» – выявлено, что Черно-белое изображение документа имеет историю изготовления при помощи цветного струйного принтера, отсутствует видоизменение – подтверждено.

2). В эксперименте с «Печатным текстом и оттиском печати» (табл. 5):

Раздел «Зеленый» – отсутствует видоизменение и подделка документа – подтверждено.

Раздел «Синий» – выявлено, не является Оригином изготовления, первоначальный документ является копией, изготовлен при помощи цветного струйного принтера – подтверждено.

Раздел «Красный» – выявлено, монтаж изображения документа, также, первоначальный документ изготовлен при помощи цветного струйного принтера, присутствует подделка документа, также имеются следы «Пикселей» текстового редактора – подтверждено.

Раздел «Серый» – выявлено, что Черно-белое изображение документа имеет историю изготовления при помощи цветного струйного принтера, отсутствует видоизменение – подтверждено.

В указанных выше таблицах показаны изменения текстовой информации и их части (знаков) в зависимости от цифровой формы (изображение). Также, указаны распознавания текстовой информации и их частей, при способах разных преобразований и изготовлений.

Далее, задача – распознавания и классификация объектов.

РАСПОЗНАНИЯ И КЛАССИФИКАЦИЯ ОБЪЕКТОВ И ИХ ЧАСТЕЙ (ИЗ ЦИФРОВОЙ ФОРМЫ)

Для выделения элементов текста и распознавания объектов и их частей из цифровой формы сформирован «Бланк – таблица» с семантической классификацией.

В «Бланк-таблице» отмечаются – классификация объектов и распознавания объектов и их частей, элементы текста, распознавания способов нанесения и способа изготовления и выделения элементов текста текстовой информации.

Далее, в таблице № 7 отражено – Распознавание очередности нанесения реквизитов с разных цифровых форматов (выявление подделки).

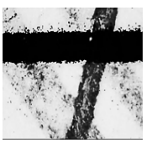
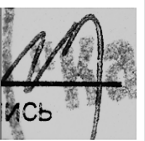

В таблицах указаны (на основе проведенных автором исследований (судебных экспертиз), с разных цифровых форматов) изменение (с целью подделки) и формирование самих объектов исследования и их частей при изготовлении рек-

визитов и части письма – при изготовлении разными способами текстовой информации.

Таблица 6. «Бланк-таблица» с семантической классификацией

РАСПОЗНАНИЯ И КЛАССИФИКАЦИЯ ОБЪЕКТОВ (ИЗ ЦИФРОВОЙ ФОРМЫ)			
РУКОПИСНЫЙ СПОСОБ ИЗГОТОВЛЕНИЯ	ИЗГОТОВЛЕНИЕ ПРИ ПОМОЩИ ПРИНТЕРА	ИЗГОТОВЛЕНИЕ ПРИ ПОМОЩИ ПЛОТТЕРА	ВИДОИЗМЕНЕНИЕ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ТЕКСТА В ЦИФРОВОМ ФОРМАТЕ
			
НАНЕСЕНИЕ ПРИ ПОМОЩИ КЛЕЩЕ	НАНЕСЕНИЕ ПРИ ПОМОЩИ ПРИНТЕРА	НАНЕСЕНИЕ ПРИ ПОМОЩИ ПЛОТТЕРА	ВИДОИЗМЕНЕНИЕ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ТЕКСТА В ЦИФРОВОМ ФОРМАТЕ
			

Таблица 7

ОЧЕРЕДНОСТЬ НАНЕСЕНИЯ РЕКВИЗИТОВ (В ЗОНАХ ВИДИМОГО СПЕКТРА) ИЗМЕНЕНИЕ ЦВЕТОВОЙ ГАММЫ ДЛЯ ВЫДЕЛЕНИЯ ЭЛЕМЕНТОВ ТЕКСТА (ИЗ ЦИФРОВОЙ ФОРМЫ)			
			

На основании обобщения данных проведенных экспериментов в таблице указано изменение и формирование объектов исследования и их частей при изготовлении реквизитов и части письма – при изготовлении разными способами текстовой информации.

Применение рассмотренных в статье методов и способа получения из цифровой формы (изображения) истории документа, его изменений в пути от его создания, выделения элементов текста и распознавания объектов и их частей из цифровой формы, а также применяемое оборудование в электронном формате (цифровой форме), в своей системной совокупности способны существенно развить (повысить эффективность) экспертной деятельности в рамках производства технико-криминалистического исследования.

Литература

1. Александрова Л.И. Специальные знания в криминалистическом анализе документов// Эксперт-криминалист. 2018. № 1. С. 7–9.

2. Баринаова О.А., Пальчикова И.Г. Возможность цветового анализа красящих веществ при производстве технико-криминалистической экспертизы документов// Судебная экспертиза. 2017. № 4 (52). С. 75–83.
3. Кориков А.М. Теория систем и системный анализ: учебное пособие. 2-е изд., доп. и перераб. – Томск: Томск, «ТУСУР», 2008. – 264 с.
4. Люфи А.А. Криминалистическое исследование документов: ретроспективный анализ и современное состояние// Наука, образование, общество: тенденции и перспективы развития. Сб. мат-лов XI Международной науч.-практ. конф. М., 2018. С. 162–168.
5. Мистров Л.Е., Балакина В.О. Применение методов системного анализа объекта для установления последовательности нанесения реквизитов документов// Центральный научный вестник. 2019. Т. 4. № 2S (67). С. 79–82.
6. Скворцова Н.Н. Криминалистический анализ содержания документов при выявлении экономических преступлений// Теоретические и практические аспекты развития научной мысли в современном мире Сб. ст. Международной науч.-практ. конф. в 2 частях. М., 2016. С. 101–103.
7. Шведова Н.Н., Баринаова О.А. Анализ практики применения криминалистических методов при установлении относительной давности выполнения реквизитов документов// Судебная экспертиза. 2012. № 1 (29). С. 59–67.
8. Шведова Н.Н. Криминалистическое исследование документов: ретроспективный анализ и современное состояние// Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 1 (102). С. 212–218.
9. Аллаберганов А.А. Катаев М.Ю. /Многофункциональный исследовательский комплекс решения задач анализа текстовой информации. / Международная научно-практическая конференция (МНПК ЭС и СУ – 2018). Часть 1. – 227 с.

METHOD OF OBTAINING FROM DIGITAL FORM (IMAGES) HISTORY OF THE DOCUMENT (CHANGES IN THE WAY), FROM ITS CREATION FROM ITS CREATION

Allaberganov A.A.

FSBEI of HE “Baikal State University”, FSBEI of HE “Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics”

The subject of this study is the forensic analysis of documents. The problem of obtaining images and text recognition (RT) and the accuracy of identification of the studied objects are solved. A method and method for obtaining from a digital form (image) the history of a document a change in the way from the moment of its creation, the allocation of text elements and recognition of objects and their parts from the digital form, which will greatly advance the scope of expert activity in the production of technical and forensic research, is proposed.

Keywords: digital image, document history, document conversion, forensic analysis of documents.

References

1. Alexandrova L.I. Special knowledge in forensic analysis of documents // Forensic expert. 2018. No. 1. P. 7–9.
2. Barinova O.A., Palchikova I.G. The possibility of color analysis of dyes in the production of technical and forensic examination of documents // Judicial examination. 2017. No. 4 (52). P. 75–83.
3. Korikov A.M. Theory of systems and systems analysis: a training manual. 2nd ed., Ext. and reslave. – Tomsk: Tomsk, «TUSUR», 2008. – 264 p.
4. Lufi A.A. Forensic research of documents: a retrospective analysis and the current state // Science, education, society: trends and development prospects. Sat materials XI International scientific and practical. conf. M., 2018. P. 162–168.
5. Mystrov L.E., Balakina V.O. The use of methods of system analysis of an object to establish the sequence of applying the details of documents // Central Scientific Herald. 2019.Vol. 4. No. 2S (67). P. 79–82.
6. Skvortsova N.N. Forensic analysis of the content of documents in identifying economic crimes // Theoretical and practical aspects of the development of scientific thought in the modern world Sat. Art. International scientific and practical. conf. in 2 parts. M., 2016. P. 101–103.
7. Shvedova NN, Barinova OA Analysis of the practice of applying forensic methods in establishing the relative prescription of the requisites of documents // Judicial examination. 2012. No. 1 (29). P. 59–67.
8. Shvedova N.N. Forensic research of documents: a retrospective analysis and current status // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2015. No. 1 (102). P. 212–218.
9. Allaberganov A.A. Kataev M. Yu. / A multifunctional research complex for solving problems of textual information analysis. / International Scientific and Practical Conference (MNPК ES and SU – 2018). Part 1. – 227 p.

Анализ цифровых платформ в сфере незаконного оборота наркотиков для построения криминалистической характеристики данного вида преступлений

Васильева Наталья Алексеевна,

адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
E-mail: nvasileva60@mvd.ru

Мировой рынок наркотиков на сегодняшний день вступил в эпоху цифровой экономики с присущей ей цифровой трансформацией: происходят революционные изменения традиционной бизнес-модели уличной торговли на бизнес-модель на основе использования цифровых платформ. Современный наркобизнес устойчиво приобретает две характерные черты: построен на цифровых платформах и функционирует в сети DarkNet (от англ. DarkNet – «скрытая сеть», «тёмная сеть», «тенева сеть», «тёмный веб»).

Методика расследования данного вида преступлений объективно отстает от темпов развития незаконного оборота наркотиков, имеющего на сегодняшний день все признаки высокотехнологичного цифрового бизнеса. В соответствии с этим и криминалистическая характеристика данного вида преступлений, как основополагающая категория методики расследования, не отражает объективной картины преступлений.

Целью настоящего исследования стало изучение возможности дополнения традиционной эмпирической базы (следственно-судебная практика, официальные статистические данные ГИАЦ МВД), служащей источником для построения элементов криминалистической характеристики, анализом информации с открытым исходным кодом (OSI). Центральным требованием к исследованию была определена его способность обнаруживать достоверные причинно-следственные связи, выводимые из наблюдаемых данных.

Путем разработки и применения специального инструмента для извлечения веб-данных рыночные данные с заданной периодичностью извлекались с цифровой платформы сети DarkNet – «Hydra». Данные были проанализированы с использованием программного обеспечения для бизнес-аналитики, которое позволяет связывать различные наборы данных. В результате получены количественные данные, имеющие практикоориентированное значение для построения элементов криминалистической характеристики.

Ключевые слова: криминалистическая характеристика; цифровая платформа; маркетплейс; open-source intelligence (OSINT); DarkNet; «Hydra».

Цифровая платформа – предприятие, обеспечивающее взаимовыгодные взаимодействия между сторонними производителями (поставщиками) и потребителями. Она дает открытую инфраструктуру для участников и устанавливает новые правила [1]. По степени развития предоставляемого функционала цифровые платформы наркобизнеса относятся к типу торговых площадок (marketplace), предоставляя доступ к рынку и обеспечивая взаимодействие сторон [2]. Платформы создают цифровую инфраструктуру рынков, устраняя посредников и иерархические связи, снижают логистические издержки, повышают конкуренцию и информированность покупателей, повышают спрос и интенсивность торговли.

Торговые площадки сети DarkNet осуществляют свою деятельность с момента запуска «Silk Road» (анонимная торговая интернет-площадка, находившаяся в зоне.onion анонимной сети Tor) в феврале 2011 года. Благодаря существованию в DarkNet таких торговых площадок, как «Silk Road» в США и «RAMP» в России (на сегодняшний день ликвидированных) и ныне процветающей «Hydra», торговля наркотических средств и психотропных веществ (далее по тексту – наркотики) вышла во всем мире на новый уровень. Раздел зон влияния, криминал и конфликты группировок перестали иметь какой-либо смысл с появлением интернет-рынка, и на сегодняшний день «уличную» торговлю наркотическими средствами можно считать безвозвратно ушедшей в прошлое.

Наркотики в сети DarkNet теперь продаются по таким же законам, как и обычная потребительская продукция. Мотивы для покупки наркотических средств в Интернете такие же, как и для любой другой формы электронной коммерции – качество, ассортимент продукции, удобство и пользовательские рейтинги. Чтобы завоевать покупателя, продавец теперь не может просто расширить зону влияния. Он должен заманить его рекламой, качеством продукта и ценой: появление централизованного рынка наркотических веществ снизило цену и улучшило их качество. Правила продажи теперь диктует не продавец, а покупатель. Согласно зарубежным исследованиям, торговые площадки связаны со значительно меньшим количеством угроз и насилия, чем альтернативные типы рынка (через друзей, известных дилеров и незнакомых людей). В сравнении с последними они также снижают риски для потребителей по следующим параметрам:

- угроза личной безопасности;
- угроза задержания правоохранительными органами;

- снижение наценки на товар;
- подмена товара;
- снижение чистоты продукта.

Минусами торговых площадок, согласно данному исследованию, является потеря денег из-за мошенничества (27,7% всех сделок), из-за курса валют и из-за неполучения товара (примерно 26,6% всех сделок) [20].

Помимо этого, пластичность технологии делает цифровые рынки наркотиков чрезвычайно гибкими, что позволяет наркоторговцам формировать рынки в соответствии с динамичностью окружающей среды.

Использование торговых площадок опирается на специальные знания. Ряд исследователей, изучая их потенциал для широкого круга потребителей, считают, что уровни сложности и запутанности, создаваемые в среде торговой площадки, служат барьером для широкого распространения этой технологии [19]. Однако, поскольку торговые площадки продолжают развиваться, простота использования этих платформ неизбежно изменится.

Анонимность пользователей DarkNet, использование виртуальных валют в качестве платежного средства на торговых площадках представляют собой самую большую проблему для правоприменительной практики в данной сфере за последние сто лет. Несмотря на многочисленные усилия, предпринимаемые правоохранительными органами для ликвидации рынков DarkNet, статистические данные независимой исследовательской организации Global Drug Survey (GDS) показывают, что эти рынки не только устойчивы, но и процветают во многих странах [5]. Аресты и закрытие платформ перенаправляют торговлю наркотиками на другие торговые площадки, что дает временные результаты, и, возможно, в конечном итоге неэффективны, поскольку участники используют уникальные возможности информационных и коммуникационных технологий для реорганизации [21].

Методика расследования незаконного сбыта наркотиков с использованием интернет-технологий объективно отстает от темпов развития незаконного оборота наркотиков, имеющего на сегодняшний день все признаки высокотехнологичного цифрового бизнеса. В соответствии с этим и криминалистическая характеристика данного вида преступлений, как основополагающая категория методики расследования, не отражает объективной картины преступлений.

Несмотря на многолетние дискуссии криминалистическая характеристика преступлений отстояла свою значимость в методике расследования преступлений и на сегодняшний день признана большинством ученых-криминалистов как самостоятельная категория криминалистики. Более того, Бессоновым А.А. разработана частная теория криминалистической характеристики преступлений, согласно которой она «имеет основополагающее значение как для всей теории криминалистики, так и для её различных частных криминалистических теорий, а также для кримина-

листической тактики и методики» [4]. В качестве основного недостатка криминалистической характеристики преступлений её оппоненты называли заимствование в процессе формирования элементов уголовно-правового и криминологического характера [3]. Однако современная тенденция развития данной категории подтверждает обоснованность междисциплинарного подхода к разработке концепции криминалистической характеристики преступлений (В.И. Шиканов), предполагающей создание информационной системы более высокого уровня общности, в которой она выступает в качестве одной из подсистем наравне с уголовно-правовой, уголовно-процессуальной, криминологической и другими подсистемами [6].

В основе криминалистической характеристики должно лежать объективное эмпирическое знание, поэтому достоверность и обоснованность элементов криминалистической характеристики, должны быть обеспечены, в первую очередь, комплексным подходом к процессу сбора и анализа эмпирического материала. Традиционно эмпирической базой для формирования криминалистической характеристики преступлений выступает следственно-судебная практика, а именно материалы уголовных дел, официальные статистические данные Главного информационно-аналитического центра (ГИАЦ) МВД. Однако, практика расследования данной категории дел показывает, что это только верхушка айсберга: в силу высокой латентности и низкой раскрываемости (категории обвиняемых в большинстве своем не выше уровня «закладчика»), официальная статистика и материалы уголовных дел не отражают всесторонней и объективной картины преступлений. Использование одного источника данных ограничивает исследователей рамками, установленными ограничениями этого источника, а объединение данных из нескольких источников и использование различных методов уже давно признаны важными для качественного анализа во многих областях, включая незаконный оборот наркотиков [18, 22]. В частности, в мировой практике криминология, наряду с методами качественных исследований, уже широко использует результаты анализа больших массивов количественной информации [13].

Возрастает роль новых технологий сбора, хранения и анализа количественных данных в развитии криминологических и криминалистических исследований. В настоящее время наблюдается рост исследователей, ориентированных на Интернет [7]. По мнению Европейского Центра мониторинга по наркотикам и наркомании (EMCDDA) информация с открытым исходным кодом (OSI) имеет потенциал для использования в качестве нового источника данных [11].

Концепция OSI связана с разведывательной дисциплиной open-source intelligence (OSINT). Федеральное бюро расследований определяет OSINT как «общедоступную информацию, которая собирается, используется и своевременно распространяется среди соответствующей аудитории с целью

удовлетворения конкретных разведывательных и информационных потребностей» [24]. На сегодняшний день многие правоохранительные органы и органы безопасности используют OSINT для получения более целостной картины деятельности юридических и физических лиц [16, 23]. В последнее время этот метод применяется в области новых психоактивных веществ [10] и для мониторинга связанной с терроризмом деятельности [8]. EMCDDA разработана методология для открытого информационного мониторинга в области рынков наркотиков [12]. В частности, EMCDDA для экспериментального мониторинга крупных изъятий героина и кокаина, имеющих отношение к Европе, в сотрудничестве с совместным исследовательским центром Европейской комиссии опробовала использование европейского медиа-мониторинга (EMM) – автоматизированную многоязычную систему мониторинга интернета [9]. EMM непрерывно контролирует более 22 000 RSS-каналов (формат, используемый для доставки веб-страниц) и веб-сайты из более чем 8000 новостных порталов на 60 языках. Система также получает данные от национальных и региональных правоохранительных органов по всей Европе. Помимо открытых данных, содержащих информацию о географии крупных изъятий, маршрутах незаконных поставок, данные OSI содержат также и другую информацию, имеющую значение на построения криминалистической характеристики: место изъятия (транспортное средство, контейнеры, коммерческие помещения и т.д.), способы сокрытия (личное хранение, багаж, тайники, товары потребления, материала-носитель), гражданство преступника, сопутствующие изъятия запрещенных к обороту предметов (оружие). Данный анализ позволяет дополнить и углубить официальную статистику, а также получить информацию о составах и элементах криминалистической характеристики преступлений, не попавших в текущую статистику и расследуемых в регионах, не доступных для получения эмпирического материала следственной практики.

Исходя из этого, автором проанализирована возможность сбора и анализа эмпирического материала с цифровых платформ сети DarkNet для дополнения элементов криминалистической характеристики преступлений. «Hydra» была выбрана для изучения и анализа из-за ее лидирующего положения на рынке наркотиков, уровня детализации информации, необходимой для сбора эмпирического материала, а также степени ее опасности и масштабности ее планируемого развития.

Что касается последнего фактора, в ноябре 2019 года «Hydra» изложила перспективы своего выхода на международную арену в виде новой торговой площадки под названием «Eternos». Свои амбиции торговая площадка изложила в документе, который назвала «Инвестиционным меморандумом». В нём маркетплейс заявил о своих транснациональных амбициях и пообещал, что

к 1 сентября 2020 года «Hydra» будет функционировать на международном уровне в виде новой площадки – «Eternos». Наряду с этим, «Eternos» будет работать не в Tor, а в AspaNET, созданной специально под площадку анонимной сети нового поколения. Шлюзы этой сети будут создаваться её пользователями за денежные вознаграждения при помощи системы HatchService, а диспуты начнут обрабатываться искусственным интеллектом, который, якобы, уже два года обучается на торговой площадке. Также новая площадка будет иметь собственный мессенджер с шифрованием и встроенную криптобиржу. Маркетплейс планирует организовать ICO-проект и привлечь инвестиций путем выпуска 1 470 000 токенов, каждый из которых будет стоить 100\$. Делает ставку площадка на простой идее: система закладок намного более совершенна, чем почтовая система (по которой сейчас функционирует западный DarkNet), и способна по-настоящему менять наркоситуации целых стран. «Мы выйдем на мировую арену с бесконтактным методом передачи товара по принципу «закладок». Покупатель сможет купить товар и получить адрес мгновенно. Этот метод передачи товара доказал свою эффективность на рынке стран СНГ. Он же откроет новую эру на Западе. Масштабы, до которых вырастет ресурс, трудно представить» – гласит документ.

Путем разработки и применения специального инструмента для извлечения веб-данных данные с заданной периодичностью извлекались с цифровой платформы «Hydra». Данные были проанализированы с использованием программного обеспечения для бизнес-аналитики, которое позволяет связывать различные наборы данных.

Статистика, полученная в результате веб-сканирования площадки, позволила выделить параметры, позволяющие существенно дополнить содержание такого элемента криминалистической характеристики как предмет преступного посягательства, и, опосредованно – способ совершения преступления, обстановку преступления. Также исследование позволило получить информацию о личности участников сделок, в том числе оптовых покупателей, однако являясь информацией ограниченного распространения не может быть представлена в рамках настоящей публикации. Данные, полученные в результате веб-сканирования и имеющие значение для дополнения элементов криминалистической характеристики представлены в таблице 1.

По данным, отраженным в таблице 1, можно установить следующие корреляционные зависимости:

- стоимость наркотиков в зависимости от географии распространения, уровня рынка (розничный, среднерыночный и оптовый);
- количество кладов в зависимости от вида наркотика, географии распространения, уровня рынка, типа закладки (прикоп, тайник, магнит);
- вид наркотиков в зависимости от географии распространения;

- вероятность источника происхождения наркотика (импортируемые, производимые на внутреннем рынке, а также – как импортируемые, так и производимые на внутреннем рынке);
- динамику роста магазинов со статусом «производитель» и вид наркотика, на котором последний специализируется и т.д.

Таблица 1

Предмет преступного посягательства	Способ совершения преступления	Обстановка совершения преступления	Личность преступника
Вид наркотика	Количество магазинов	География распространения (в зависимости от уровня рынка (опт, розница), по виду наркотика)	Информация ограниченного распространения
Фасовка наркотика	Количество сделок в магазине	Способ сбыта (прикоп, тайник, магнит)	
Цена наркотика	Количество магазинов со статусом «производитель»		
Объем партии (моментальные, предзаказ)	Трудоустройство (номенклатура работников магазина)		
Количество кладов			

Разберем несколько примеров практикоориентированного использования полученных данных. При сбыте ЛСД, реализуемого преимущественно на предметах-носителях (марки), и сбыте кокаина, ввиду высокой стоимости последнего, применяется закладка с использованием магнита. Согласно веб-данным, при сбыте подавляющего большинства наркотических средства, использование магнитов не превышают 30% от общего числа кладов. В остальных случаях используются закладки с применением тайников, либо прикопов. Далее, среди крупнейших городов, представленных на платформе, Москва – безусловный лидер по «магнитам». Обусловлено это, скорее всего, огромной конкуренцией и желанием магазинов привлечь к себе клиентов более удобными и доступными складами. Следовательно, мониторинг оптовых продаж магнитов коммерческими фирмами в заданных регионах должен использоваться в ходе расследования.

Далее, через платформу происходит реализация не только наркотиков, но и прекурсоров. Это касается, в первую очередь, 1-фенил-2-нитропропен – основного прекурсора амфетамина в России. После внесения изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации в связи с совершенствованием контроля за оборотом прекурсоров наркотических средств и психотропных веществ нелегальный оборот данного вещества

полностью запрещен¹. Это повлияло на весь рынок амфетамина в России, и привело к тому, что прекурсор начали реализовывать через «Hydra». По результатам анализа количественных данных, полученных в результате веб-сканирования, можно уставить регионы сбыта, а также проанализировать возможность нахождения в прилегающих территориях лабораторий по производству амфетамина, поскольку логистика и низкая себестоимость продукта важны как для легального товара, так и для нелегального.

Для каждого вида наркотиков выделяют три уровня рынка: розничный, среднерыночный и оптовый уровни, что на платформе отражается в форме заказа (предзаказ, (средний и крупный опт) и моментальные клады). Анализируя ценообразование на цифровой платформе на тот или иной наркотик можно предположить, источник поступления его на в нелегальный оборот. Стоимость наркотических средств в России дифференцируется по субъектам в зависимости от географического положения последних и вида наркотического средства. Анализ цен на полностью импортируемые наркотические средства, как, например, кокаин, показывает, что цена его реализации в приграничных регионах в 2–3 раза ниже, чем в удаленных. Анализ стоимости наркотических средств на цифровой платформе указывает на существование разных каналов поставки, как импорта, так и производство внутри страны (амфетамин), что подтверждается средним уровнем цен в географическом центре страны. Ленинградская область, Псковская область, Санкт-Петербург как приграничные регионы формируют рынок с минимальной ценой на амфетамин.

В мае 2019 года платформа ввела сертификацию производств магазинов и присвоение им статуса «производителя». Производители – это магазины, которые «подтвердили наличие собственной лаборатории, провели коррекцию работы или обучение своих лаборантов, и находятся под сопровождением технологов Гидры». Подавляющее большинство магазинов с этим статусом делают мефедрон. Это, в первую очередь, говорит о том, насколько на территории РФ доступны прекурсоры для синтеза мефедрона, а также позволяет предположить географию утечек прекурсоров из легального оборота.

Изложенное свидетельствует о допустимости новых технологий сбора и анализа информации с открытым исходным кодом (OSI) для развития криминалистических исследований, а также вырисовывает перспективы их развития в оперативно-разыскной деятельности.

Литература

1. Джеффри Паркер, Маршалл ван Альстин, Санджит Чаудари. Революция платформ: как се-

¹ Постановление Правительства РФ от 22.02.2019 № 182 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации в связи с совершенствованием контроля за оборотом прекурсоров наркотических средств и психотропных веществ».

- тевые рынки меняют экономику – и как заставить их работать на вас: пер. с англ. Пономаревой Е. Москва: Манн, Иванов и Фербер, 2017.
2. Кешелава А.В., Хаэт И.Л. Предмет цифровой экономики и роль цифровых инструментов. Адрес доступа: http://spkurdyumov.ru/digital_economy/predmet-cifrovoj-ekonomiki-i-rol-cifrovых-instrumentov/ (дата обращения: 18.12.2019).
 3. Белкин Р.С. Курс криминалистики. Т. 3. Москва: Юристъ, 1997.
 4. Бессонов А.А. Частная теория криминалистической характеристики преступлений: диссертация ... доктора юридических наук. Элиста, 2017.
 5. Титаев К.Д., Скугаревский Д.А., Кнорре А.В., Кудрявцев В.Е., Шклярчук М.С. Манифест новой количественной криминологии «уголовная политика с опорой на данные» // Вестник СПбГУ. Серия 14. Право. 2018. № 1. Адрес доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/manifest-novoy-kolichestvennoy-kriminologii-ugolovnaya-politika-s-oporoy-na-dannye> (дата обращения: 18.12.2019).
 6. Шиканов В.И. О междисциплинарной характеристике отдельных видов преступлений // Криминалистическая характеристика преступлений: сб. науч. тр. М.: Всесоюзный институт по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1984. С. 40–43.
 7. Bancroft A. Research in fractured digital spaces. *International Journal of Drug Policy*. Volume 73, 2019, Pages 288–292. Адрес доступа: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S095539591930129X> (дата обращения: 18.12.2019).
 8. Dawson, M., Lieble, M., Adeboje, A. Open source intelligence: performing data mining and link analysis to track terrorist activities. In Latifi, S. (ed.), *Information Technology – New generations – 14th International Conference on Information Technology, Advances in Intelligent Systems and Computing*, Vol. 558, Springer International Publishing, Cham, 2018, pp. 159–163.
 9. EMM. Адрес доступа: <https://emm.newsbrief.eu> (дата обращения: 18.12.2019).
 10. Evans-Brown M., Sedefov, R. Responding to new psychoactive substances in the European Union: early warning, risk assessment, and control measures. In Maurer, H.H. and Brandt, S. D. (eds), *New Psychoactive Substances – Pharmacology, clinical, forensic and analytical toxicology*, Handbook of Experimental Pharmacology, Vol. 252, 2018, pp. 3–49 Адрес доступа: https://link.springer.com/chapter/10.1007/164_2018_160 (дата обращения: 18.12.2019).
 11. European Monitoring Centre for Drugs and Drug Addiction (EMCDDA). Адрес доступа: http://www.emcdda.europa.eu/publications/emcdda-papers/using-open-source-information_en (дата обращения: 18.12.2019).
 12. European Monitoring Centre for Drugs and Drug Addiction (EMCDDA). Адрес доступа: http://www.emcdda.europa.eu/publications/emcdda-papers/using-open-source-information_en (дата обращения: 18.12.2019).
 13. Global Drug Survey (GDS). Адрес доступа: <https://www.globaldrugsurvey.com/past-findings/gds2017-launch/dark-net-markets-the-good-the-bad-and-ugly/> (дата обращения: 18.12.2019).
 14. Global Drug Survey (GDS). Адрес доступа: <https://www.globalcommissionondrugs.org/reports> (дата обращения: 18.12.2019).
 15. Global Drug Survey (GDS). Адрес доступа: https://www.globalcommissionondrugs.org/wp-content/uploads/2019/06/2019Report_RUS_web.pdf (дата обращения: 18.12.2019).
 16. Hobbs C., Morgan M., Salisbury, D. *Open Source Intelligence in the Twenty-first Century – New approaches and opportunities*. Palgrave Macmillan UK, 2014, pp. 1–6.
 17. Isak Ladegaard, Crime displacement in digital drug markets, *International Journal of Drug Policy*, Volume 63, 2019, Pages 113–121. Адрес доступа: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0955395918302536> (дата обращения: 18.12.2019).
 18. Jick, Todd D. Mixing Qualitative and Quantitative Methods: Triangulation in Action.” *Administrative Science Quarterly*, vol. 24, no. 4, 1979, pp. 602–611. Адрес доступа: www.jstor.org/stable/2392366 (дата обращения: 18.12.2019).
 19. Michala Kowalski, Claire Hooker, Monica J. Barratt, Should we smoke it for you as well? An ethnographic analysis of a drug cryptomarket environment.// *International Journal of Drug Policy*. Volume 73, 2019, Pages 245–254. Адрес доступа: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0955395919300696> (дата обращения: 18.12.2019).
 20. Monica J. Barratt, Jason A. Ferris, Adam R. Winstock, Safer scoring? Cryptomarkets, social supply and drug market violence, *International Journal of Drug Policy*, Volume 35, 2016, Pages 24–31. Адрес доступа: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0955395916301323> (дата обращения: 18.12.2019).
 21. Ramwell, S., Day, T. and Gibson, H. Use cases and best practices for LEAs. In Akhgar, B., Bayerl, P.S. and Sampson, F. (eds). *Open Source Intelligence Investigation – From strategy to implementation*, Springer International Publishing, Cham, 2016, pp. 197–211.
 22. Ritter A., Cameron J. A review of the efficacy and effectiveness of harm reduction strategies for alcohol, tobacco and illicit drugs. *Drug and Alcohol Review*. Volume/ 25, 2006. Pages 611–624. Адрес доступа: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/09595230600944529> (дата обращения: 18.12.2019).
 23. Tabatabaei F. and Wells D. OSINT in the context of cyber-security. In Akhgar, B., Bayerl, P. S. and Sampson, F. (eds). *Open Source Intelligence Investigation – From strategy to implementation*, Springer International Publishing, Cham, 2016, pp. 213–231.

24. Williams Heather J., Ilana Blum. Defining Second Generation Open Source Intelligence (OSINT) for the Defense Enterprise. Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2018. Адрес доступа: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/research_reports/RR1900/RR1964/RAND_RR1964.pdf (дата обращения: 18.12.2019).

ANALYSIS OF DIGITAL PLATFORMS IN THE SPHERE OF ILLEGAL DRUG TRADE FOR MAKING UP THE FORENSIC CHARACTERISTIC OF SUCH CRIMES

Vasilieva N.A.

Moscow University of Russian Ministry of Internal Affairs named after V.Y. Kotlya

The world drug market has already ushered in the era of digital economy which is characterized by digital transformation. There take place revolutionary replacement of the traditional street trade business pattern with the business-pattern based on application of digital platforms. Contemporary drug business is steadily acquiring two typical features – it is built up on the digital platforms and works in the DarkNet (eng).

The methodology of investigating such types of crimes objectively falls behind the tempo of illegal drug trade development which contains all the features of highly technological digital business. Consequently, the forensic characteristic of such crimes as the basic category of methodology of investigation does not reflect the objective crime.

The aim of the research is to study the possibilities of enlarging the traditional empirical basis (investigative forensic practice, official statistics of the main informational analytical center of the Ministry of Internal Affairs) which is used to make up elements of forensic characteristic by means of analyzing the information with OSI. The main requirement to the research consisted in its ability to detect veracious cause and effect relationships found out in analysed data. By means of developing and applying special tools for extracting data the market data were extracted regularly from the digital platform DarkNet-“Hydra”.

The data were analysed with the help of software for business analytics which helps to correlate different sets of data. As a result, there were received the quantitative data having practical meaning for making up elements of the forensic characteristic.

Keywords: forensic characteristic, digital platform, marketplace, open-source intelligence (OSINT), DarkNet, “Hydra”.

References

- Jeffrey Parker, Marshall van Alsteen, Sanjit Chaudary. Platform revolution: how network markets are changing the economy – and how to make them work for you: Per. from English Ponomareva E. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber, 2017.
- Keshelava A.V., Chayet I.L. The subject of the digital economy and the role of digital tools. Access address: http://spkurdyumov.ru/digital_economy/predmet-cifrovoy-ekonomiki-i-rol-cifrovyyh-instrumentov/ (accessed: 12/18/2019).
- Belkin R.S. Forensics course. T. 3. Moscow: Lawyer, 1997.
- Bessonov A.A. A private theory of the forensic characteristics of crimes: a dissertation ... doctors of law. Elista, 2017.
- Titaev KD, Skugarevsky D.A., Knorre A.V., Kudryavtsev V.E., Shklyaruk M.S. Manifest of a new quantitative criminology “criminal policy based on data” // Bulletin of St. Petersburg State University. Series 14. Right. 2018. No1. Access address: <https://cyberleninka.ru/article/n/manifest-novoy-kolichestvennoy-kriminologii-ugolovnaya-politika-s-oporoy-na-dannye> (accessed: 12/18/2019).
- Shikanov V.I. On the interdisciplinary characteristic of certain types of crimes // Forensic characteristics of crimes: cb. scientific tr M.: All-Union Institute for the Study of Causes and the Development of Crime Prevention Measures, 1984. P. 40–43.
- Bancroft A. Research in fractured digital spaces. International Journal of Drug Policy. Volume 73, 2019, Pages 288–292. Адрес доступа: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S095539591930129X> (дата обращения: 18.12.2019).
- Dawson, M., Lieble, M., Adeboje, A. Open source intelligence: performing data mining and link analysis to track terrorist activities. In Latifi, S. (ed.), Information Technology – New generations – 14th International Conference on Information Technology, Advances in Intelligent Systems and Computing, Vol. 558, Springer International Publishing, Cham, 2018, pp. 159–163.
- EMM. Адрес доступа: <https://emm.newsbrief.eu> (дата обращения: 18.12.2019).
- Evans-Brown M., Sedefov, R. Responding to new psychoactive substances in the European Union: early warning, risk assessment, and control measures. In Maurer, H.H. and Brandt, S. D. (eds), New Psychoactive Substances – Pharmacology, clinical, forensic and analytical toxicology, Handbook of Experimental Pharmacology, Vol. 252, 2018, pp. 3–49 Адрес доступа: https://link.springer.com/chapter/10.1007/164_2018_160 (дата обращения: 18.12.2019).
- European Monitoring Centre for Drugs and Drug Addiction (EM-CDDA). Адрес доступа: http://www.emcdda.europa.eu/publications/emcdda-papers/using-open-source-information_en (дата обращения: 18.12.2019).
- European Monitoring Centre for Drugs and Drug Addiction (EM-CDDA). Адрес доступа: http://www.emcdda.europa.eu/publications/emcdda-papers/using-open-source-information_en (дата обращения: 18.12.2019).
- Global Drug Survey (GDS). Адрес доступа: <https://www.globaldrugsurvey.com/past-findings/gds2017-launch/darknet-markets-the-good-the-bad-and-ugly/> (дата обращения: 18.12.2019).
- Global Drug Survey (GDS). Адрес доступа: <https://www.globalcommissionondrugs.org/reports> (дата обращения: 18.12.2019).
- Global Drug Survey (GDS). Адрес доступа: https://www.globalcommissionondrugs.org/wp-content/uploads/2019/06/2019Report_RUS_web.pdf (дата обращения: 18.12.2019).
- Hobbs C., Morgan M., Salisbury, D. Open Source Intelligence in the Twenty-first Century – New approaches and opportunities. Palgrave Macmillan UK, 2014, pp. 1–6.
- Isak Ladegaard, Crime displacement in digital drug markets, International Journal of Drug Policy, Volume 63, 2019, Pages 113–121. Адрес доступа: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0955395918302536> (дата обращения: 18.12.2019).
- Jick, Todd D. Mixing Qualitative and Quantitative Methods: Triangulation in Action.” Administrative Science Quarterly, vol. 24, no. 4, 1979, pp. 602–611. Адрес доступа: www.jstor.org/stable/2392366 (дата обращения: 18.12.2019).
- Michala Kowalski, Claire Hooker, Monica J. Barratt, Should we smoke it for you as well? An ethnographic analysis of a drug cryptomarket environment. // International Journal of Drug Policy. Volume 73, 2019, Pages 245–254. Адрес доступа: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0955395919300696> (дата обращения: 18.12.2019).
- Monica J. Barratt, Jason A. Ferris, Adam R. Winstock, Safer scoring? Cryptomarkets, social supply and drug market violence, International Journal of Drug Policy, Volume 35, 2016, Pages 24–31. Адрес доступа: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0955395916301323> (дата обращения: 18.12.2019).
- Ramwell, S., Day, T. and Gibson, H. Use cases and best practices for LEAs. In Akhgar, B., Bayerl, P.S. and Sampson, F. (eds). Open Source Intelligence Investigation – From strategy to implementation, Springer International Publishing, Cham, 2016, pp. 197–211.
- Ritter A., Cameron J. A review of the efficacy and effectiveness of harm reduction strategies for alcohol, tobacco and illicit drugs. Drug and Alcohol Review. Volume/ 25, 2006. Pages 611–624. Адрес доступа: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/09595230600944529> (дата обращения: 18.12.2019).
- Tabatabaei F. and Wells D. OSINT in the context of cybersecurity. In Akhgar, B., Bayerl, P. S. and Sampson, F. (eds). Open Source Intelligence Investigation – From strategy to implementation, Springer International Publishing, Cham, 2016, pp. 213–231.
- Williams Heather J., Ilana Blum. Defining Second Generation Open Source Intelligence (OSINT) for the Defense Enterprise. Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2018. Адрес доступа: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/research_reports/RR1900/RR1964/RAND_RR1964.pdf (дата обращения: 18.12.2019).

Перспективы внедрения блокчейн технологий в судебную экспертизу

Харченко Валерий Борисович,

доктор технических наук, профессор кафедры Судебных экспертиз, Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет
val-spb@mail.ru

Рассматривается новая технология блокчейн с точки зрения ее влияния на традиционные виды судебных экспертиз. Отмечается, что внедрение данной технологии приводит к изменению парадигмы – доверия, что приведет к существенным изменениям в обществе в целом. Так, отпадет необходимость в посредниках, появляются «умные» договоры и инструкции, появляются «умные» деньги («цветные монеты», «умные» завещания и брачные договоры и т.д.

В судебной экспертизе, также ожидаются большие изменения. Появление достоверных документов приведет к существенному ограничению в объектах исследования такой традиционной судебной экспертизы, как технико-криминалистическое исследование документов. Появление «умных» денег приведет к изменениям в производстве финансово-экономических и бухгалтерских экспертизах.

Таким образом, внедрение новой технологии блокчейн вызовет существенные изменения в самом предмете исследования судебных экспертов, все более приближая традиционные виды экспертиз к судебной компьютерно-технической экспертизе (или форензике – компьютерной криминалистике). При этом, неуклонно повышаются требования к специальным познаниям судебного эксперта.

Ключевые слова: судебная экспертиза, блокчейн технология, форензика, судебная компьютерно-техническая экспертиза, «умные» договора, «цветные монеты», биткоин.

Бурное развитие компьютерных технологий приводит к существенным изменениям во всей нашей жизни. Этот процесс проявляется, в том числе и в судебной экспертизе. Так, новый подход – блокчейн технология сулит кардинальные изменения в судебной экспертизе.

Суть данного подхода заключается в следующем: за счет особой организации данных и их хранения достигается высочайшая степень их надежности и достоверности. Данные, содержащие ту или иную информацию, организуется во взаимосвязанные блоки, синхронизованные со временем их создания, и хранятся на многих компьютерных устройствах. В результате достигается почти абсолютная их достоверность и одновременно неуязвимость. Возможности несанкционированной модификации или искажения информации полностью исключены.

Как видно, важнейшей особенностью данного подхода является изменение парадигмы доверия, что приводит к отсутствию необходимости привлечения посредника.

Например, если нам необходимо осуществить перевод денежных средств мы прибегаем к помощи посредника, в данном случае – финансового учреждения – банка. Мы должны открыть счет в банке, положить туда наши деньги и выдавать команды, что с ними делать. Посредник, получив нашу команду должен проверить получателя наших денег, проверить состояние нашего счета и, если все в порядке, осуществить перевод. Да, по тем или иным причинам банк может и не выполнить нашу команду относительно наших денежных средств (решение государственных органов власти о блокировке счета и т.д.). Технология блокчейн позволяет убрать из этой цепочки посредника (банк) и осуществлять распоряжение своими денежными средствами самостоятельно, обеспечивая надежность и прозрачность операций.

Аналогичный пример можно рассмотреть и в случае обращения к нотариусу. И в этом случае, нотариус выступает как посредник – удостоверяет то или иное действие. Технология блокчейн не требует посредника.

Подобная ситуация имеет место и при ведении любых списков. Например, регистрация объектов недвижимости, предметов собственности и др. Все это предполагает наличие посредника в лице государственного учреждения. Еще раз, блокчейн устраняет посредника. Но это еще не все, самое главное – в сферу данных отношений входит компьютер, с его мощнейшими возможностями по обработке цифровой информации. Появляется новая функция у объектов, связанных с данной технологией, а именно – так называемая «умная» или, говоря проще – компьютерная функция.

Уже входят в обращение «умные» договора, «умные» деньги «умные» завещания и т.д. («Блокчейн 2.0»).

Согласно данным [1, с. 62] около 52% судебных споров в США и 47% в Великобритании (по России, этот процент достигает до 90% – см. Арбитражные суды) связано со спорами по заключенным договорам. Так вот, умный договор обеспечит точное и своевременное исполнение указанных в нем положений. Причем это исполнение будет происходить автоматически и ни одна из сторон не сможет в этот процесс вмешаться. Договор подписан и автоматически исполняется – спор или изменение трактовок договора – невозможен.

Ожидается, что внедрение «умных» договоров позволит избежать подобных споров или существенно снизить частоту их появления [2].

Или рассмотрим, такой документ, как завещания. Составленное в соответствии с технологией блокчейн и концепцией умного договора, завещание автоматически исполняется не зависимо от воли других лиц и не требует посредника (нотариуса). Завещание самостоятельно сканирует список умерших людей и только после выполнения соответствующего условия производит те или иные действия (переводит денежные средства, переоформляет собственность и т.д.), при этом учитывая особенности каждого из наследников (достижение определенного возраста, выполнение условий и др.).

Аналогично рассуждая, можно показать, что данный подход может быть распространен и на другие виды документов (брачный договор, переход собственности и т.д.).

А «умные» деньги, иногда их называют «цветные монеты» [1]. За счет того, что это компьютерная информация – можно задать специальные условия по их использованию (только в этот период времени, только в этом регионе, только этими людьми и т.д.), кроме того можно полностью проследить их происхождение и перемещение. Т.е. коррупция с «умными» деньгами невозможна.

Очевидно, что развитием концепции «умных» договоров будет являться появление «умной» нормативно-технической документации. Можно только предполагать ее возможности (например, автоматическое отключение оборудования в случае пропусков сроков технического обслуживания, проверки, окончание срока действия лицензии и т.д.).

Последнее поколение блокчейн-технологий на сегодняшний день существует лишь в формате концепции. «Блокчейн 3.0» – это технология, которая базируется на концепции «умного контракта», но в будущем будет представлять собой систему децентрализованных, автономных организационных единиц, которые руководствуются собственными законами и действуют практически автономно. Но уже сейчас появляются различного рода «умные» активы и др. [1].

Здесь можно указать перспективы, связанные с появлением и внедрением так называемого «интернета вещей», т.е. когда вещи будут самостоя-

тельно выходить в сеть и осуществлять определенные действия (например, уже сейчас «умные» холодильники самостоятельно выходят в интернет и заказывают продукты, которые заканчиваются и т.д.). Здесь следует ожидать массу вопросов для судебных экспертов. Но, очевидно, что основой будет компьютерно-техническая экспертиза.

Все потенциальные возможности данной технологии пока трудно представить, но, определённо следует ожидать кардинальных изменений в жизни общества.

С данной технологией в экспертную практику входит понятие абсолютно достоверного документа. Что это означает для судебного эксперта? А то, что, например, если не исчезнет, то существенно преобразуется целый класс судебных экспертиз – технико-криминалистическое исследование документов. Действительно, если документ создан и существует в системе блокчейн, сомнений в его подлинности и достоверности, по крайней мере, с технико-криминалистической точки зрения, не возникает (могут возникать вопросы по сохранению, но это уже другие вопросы).

Заканчивается эра бумажного документа. На его смену идет электронный документ, электронная подпись, а это уже – компьютерно-техническая экспертиза, или, предмет относительно новой науки, – форензики – компьютерная криминалистика [3].

В заключении хочется еще раз отметить, что только тогда судебный эксперт может полноценно выполнять свои обязанности – «оказывать помощь в вопросах, требующих специальных познаний» [4], когда он обладает этими познаниями в соответствующей области в необходимом объеме. Происходящая информатизация и цифровизация общественных отношений, стремительный научно-технический прогресс предъявляют очень высокие требования к экспертному сообществу. Судебный эксперт должен свободно владеть современными технологиями, в том числе компьютерными и информационно-коммуникационными, а также инструментарием, включая соответствующее программное обеспечение, учитывая, что в практику производства судебной экспертизы все более входят компьютерные методы и средства [5, 6, 7].

Литература

1. Мелани Свон. Блокчейн: Схема новой экономики / Свон Мелани. М.: Изд-во «Олимп-Бизнес», 2018. 240 с.
2. Tim Swanson, PA Great Chain Of Numbers A Guide To Smart Contracts Smart Property And Trustless Asset Management By Norsk.
3. Федотов, Н.Н. Форензика – компьютерная криминалистика, / Федотов Н.Н., М.: Изд-во «Юридический Мир» 2007, 360с.
4. Федеральный закон от 31 мая 2001 года № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // Со-

брание законодательства РФ. 4 июня 2001 года. № 23. Ст. 2291.

5. Григонис Э.П., Иванов Д.В. Калинович А.Э. Ларионов В.Н. Смирнова Н.Н. Харченко В.Б, Харченко О.В. Чибинев В.М. Правоохранительная и контрольно-надзорная деятельность в сфере строительства и транспорта. Монография /Под ред. Э.П. Григониса, В.М. Чибинева. СПб.: Изд-во «Лема», ООО «МНИЦ», 2016. 213с.
6. Харченко В.Б. Особенности применения 3D лазерного сканирования в судебной инженерно-технической экспертизе. // Юридическая наука, изд. КНОРУС, 2019, № 10, с. 109–110.
7. Харченко В.Б. Использование BIM моделирования при производстве судебной инженерно-технической экспертизы. // Юридическая наука, изд. КНОРУС 2019, № 11, с. 89–91.

PROSPECTS FOR THE INTRODUCTION OF BLOCKCHAIN TECHNOLOGIES INTO FORENSIC EXPERTISE

Kharchenko V.B.,
Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering

A new blockchain technology is being examined in terms of its impact on traditional types of forensics. It is noted that the introduction of this technology leads to a paradigm shift – trust, which will lead to significant changes in society as a whole. So, there is no need for intermediaries, “smart” contracts and instructions appear, “smart” money (“colored coins”, “smart” wills and prenuptial agreements, etc. appear).

In forensics, big changes are also expected. The appearance of reliable documents will lead to a significant restriction in the objects of research of such a traditional forensic examination as a technical

and forensic study of documents. The appearance of smart money will lead to changes in the production of financial, economic and accounting examinations.

Thus, the introduction of new blockchain technology will cause significant changes in the subject matter of forensic research, more and more bringing traditional types of expertise closer to forensic computer-technical expertise (or forensics – computer forensics). At the same time, the requirements for special knowledge of a forensic expert are steadily increasing.

Keywords: forensic expertise, blocked technology, forensics, forensic computer and technical expertise, “smart” contracts, “colored coins,” Bitcoin.

References

1. Melanie Swan. Blockchain: A Scheme of the New Economy / Swan Melanie. M.: Olimp-Business Publishing House, 2018.240 p.
2. Tim Swanson, PA Great Chain Of Numbers A Guide To Smart Contracts Smart Property And Trustless Asset Management By Norsk.
3. Fedotov, N.N. Forensics – computer forensics, / Fedotov N.N., Moscow: Publishing House «Legal World» 2007, 360 pp.
4. Federal law of May 31, 2001 No. 73-ФЗ “On state forensic science activity in the Russian Federation” // Collection of legislation of the Russian Federation. June 4, 2001. No. 23. Art. 2291.
5. Grigonis E.P., Ivanov D.V. Kalinovich A.E. Larionov V.N. Smirnova N.N. Kharchenko V.B., Kharchenko O.V. Chibinev V.M. Law enforcement and control activities in the field of construction and transport. Monograph / Ed. E.P. Grigonis, V.M. Chibineva. SPb.: Publishing house «Lema», LLC «MITC», 2016.213 s.
6. Kharchenko VB Features of the application of 3D laser scanning in forensic engineering expertise. // Jurisprudence, ed. KNORUS, 2019, No. 10, pp. 109–110.
7. Kharchenko VB The use of BIM modeling in the production of forensic construction and technical expertise. // Jurisprudence, ed. KNORUS2019, No. 11, pp. 89–91.

Законодательная основа института высших должностных лиц субъектов РФ

Волочковская Мария Александровна,

аспирант, Северо-Западный институт управления РАНХиГС
E-mail: mvolochkovskaya@inbox.ru

В настоящей статье рассмотрены основы института высшего должностного лица субъекта РФ. Исследованы мнения ученых, законодательство субъектов РФ. По результатам рассмотрения выделены три действующие модели построения органов исполнительной власти. Первая модель: высшее должностное лицо субъекта РФ руководит ветвью исполнительной власти, основываясь на принципах единоначалия, коллегиальный высший орган исполнительной власти отсутствует. Вторая модель: высшее должностное лицо субъекта РФ руководит ветвью исполнительной власти, возглавляя высший коллегиальный орган исполнительной власти. Третья модель: высшим должностным лицом субъекта РФ осуществляется общее руководство регионом и исполнительной властью. Отдельное лицо возглавляет высший орган исполнительной власти.

Ключевые слова: высшее должностное лицо, субъект, государственная власть, орган, полномочия, модель организации, территориальный орган.

Осуществление государственной власти в РФ, как определено в Конституции РФ¹ является полномочиями федеральных органов власти и субъектов РФ. Высшее должностное лицо субъекта РФ является одновременно носителем двух функций, поскольку, выступая руководителем высшего органа исполнительной власти в субъекте РФ, является и высшим должностным лицом в регионе.

Выражение «воли» высшего должностного лица субъекта РФ осуществляется путем обращения с посланием к парламенту субъекта РФ, тем самым давая основное направление развития конкретной территории. Можно отметить существенное укрепление статуса высшего должностного лица субъекта РФ в последние годы, расширение его компетенции.

Актуальным для исследования нам видится анализ моделей организации и функционирования исполнительной власти в субъектах РФ. В частности, отсутствует единое мнение по данному вопросу, современными учеными выделены от двух до четырех моделей. Критерием выделения выступает место и роль высшего должностного лица.

К примеру, А.Л. Скифской аргументируется выделение двух моделей. Первая модель предопределяет возглавление высшим должностным лицом субъекта высшего органа исполнительной власти с одновременным включением в его состав. И вторая модель предполагает возглавление высшего органа исполнительной власти иным лицом (например, председателем правительства субъекта РФ). Данная точка зрения поддерживается также Д.Ш. Пирбудаговой, Ш.С. Гаджиалиевой, Н.Э. Умаровым. Вышеуказанный подход А.Л. Скифской, по нашему мнению, интересен, но отметим, что в настоящее время действующие системы исполнительной власти более разнообразны.

Далее, Н.Н. Нестеровой выделяются три модели².

Первая модель предполагает такое построение власти, при котором высшим должностным лицом субъекта РФ осуществляется самостоятельное

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

² Нестерова Н.Н. Специфика организации деятельности органов исполнительной власти в регионе // Вестник ТГУ. 2012. № 11 (115). С. 77–83.

формирование органов исполнительной власти субъекта. Помимо этого, к его компетенции относится также непосредственное управление всеми органами исполнительной власти.

Согласно второй модели предполагается, что правительство выступает от своего имени и в качестве самостоятельного юридического лица. В свою очередь, согласно предложенной третьей модели у правительства отсутствует статус как юридического лица, так и самостоятельного субъекта. Однако, считаем необходимым детализировать, что в настоящее время функционировании третьей модели, предложенной Н.Н. Нестеровой, не представляется возможным вследствие положений п. 4 ст. 20 Федерального закона № 184-ФЗ, которым устанавливается, что в обязательном порядке высший исполнительный орган государственной власти РФ выступает как самостоятельное юридическое лицо с соответствующим объемом прав.

По мнению Д.С. Зарецкой выделяются четыре модели¹.

Так, отличие первой и второй модели состоит в том, что первая модель предполагает право высшего должностного лица субъекта РФ осуществлять руководство органом исполнительной власти, руководствуясь принципом единоначалия. Для второй же модели применение данного принципа не предусматривается, соответственно, подразумевается использование принципа коллегиальности. Считаем необходимым отметить, что даже в регионах, где деятельность органов исполнительной власти осуществляется на основе принципа единоначалия, фактически «работает» вторая модель.

Построение власти по первой модели прослеживается, например, Тамбовской и Владимирской областях. Так, согласно ст. 66 Устава Тамбовской области глава администрации Тамбовской области – это высший орган исполнительной власти Тамбовской области². Коллегиальный орган не предусмотрен.

Подобным образом построена система исполнительной власти и во Владимирской области. Согласно ст. 23 Устава Владимирской области³ губернатор – это высшее должностное лицо, осуществляющее руководство администрацией области согласно принципам единоначалия. Вместе с тем, согласно ст. 32 Устава структурой администрации предусмотрено, что в нее входят: сам губернатор, его заместители, директора департаментов и т.д. Губернатор области также принимает нормативные акты от имени администрации области (п. 2 ст. 27 устава).

¹ Зарецкая Д.С. Проблемы организации исполнительной власти субъекта Российской Федерации // Сибирский юридический вестник. 2011. № 3 (54). С. 36–40.

² Устав (Основной закон) Тамбовской области Российской Федерации» (принят Постановлением Тамбовской областной Думы от 30.11.1994 № 84) // Тамбовская жизнь. № 233. 1994.

³ Закон Владимирской области от 14.08.2001 № 62-ОЗ (ред. от 28.09.2018) «Устав (Основной Закон) Владимирской области» (принят постановлением ЗС Владимирской области от 14.08.2001 № 285) // Владимирские ведомости. № 152–153. 2001.

Ст. 21 Закона № 184-ФЗ⁴ предусматривается наделение высшего органа исполнительной власти собственными полномочиями. Вследствие чего нужен орган, к ведению которого бы относилось осуществление указанных полномочий. Важным является то, что данный орган должен иметь реальную возможность действовать.

Организация власти в Тамбовской и Владимирской областях предполагает, что глава региона действует от имени высшего органа исполнительной власти, единолично принимая решения и выполняя полномочия, которые возложены на данный орган. Однако, подобная организация власти противоречит Закону № 184-ФЗ.

Построение второй модели функционирования органов исполнительной власти достаточно распространено. В частности, в ст. 36 Устава Смоленской области указывается, что администрация Смоленской области – это высший коллегиальный орган в единой системе органов исполнительной власти данного региона. Подобные нормы содержат уставы Белгородской, Ивановской, Тверской областей. При этом для них также характерно, что помимо высшего коллегиального органа исполнительной власти текущее руководство ею осуществляется высшим должностным лицом субъекта.

Функционирование третьей модели построения исполнительной власти можно наблюдать в таких областях, как Ярославская и Орловская, республика Адыгея, Дагестан и т.д.

Например, в соответствии со ст. 46 Устава Ярославской области губернатором Ярославской области осуществляется общее руководство правительством области. Им также назначается председатель правительства с определенным объемом собственных управленческих правомочий. В соответствии со ст. 67.1 Устава Орловской области губернатором Орловской области формируется правительство области, он также согласовывает его председателя с Законодательным Собранием области.

Четвертая модель, предложенная Д.С. Зарецкой, предопределяет отсутствие должности высшего должностного лица субъекта РФ, предусматривая возможность осуществления его полномочий руководителем высшего исполнительного органа государственной власти.

То есть, в результате проведенного анализа действующего законодательства субъектов РФ можно заключить, что в большинстве своем в регионах глав регионов называют главами республики или губернаторами, определяя их как высших должностных лиц субъектов РФ⁵. Вместе с тем, согласно уставам (основным законам) указанных

⁴ Федеральный закон от 06.10.1999 № 184-ФЗ (ред. от 27.12.2018) «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2019) // Собрание законодательства РФ. 1999. № 42. Ст. 5005.

⁵ Такой термин, как например, «глава администрации» встречается только в Краснодарском крае, Липецкой и Тамбовской областях.

субъектов РФ, главы администрации (вне зависимости от названия должности), выступают как высшие должностные лица указанных субъектов. В частности, п. 3 ст. 39 Устава Липецкой области четко предусматривает, что администрация области возглавляется главой администрации области – высшим должностным лицом области.

В свою очередь, Уставы Краснодарского края и Тамбовской области не определяют главу администрации в качестве высшего должностного лица субъекта. Но, если более детально рассматривать полномочия вышеуказанных лиц, зафиксированные в ст. 42 Устава Краснодарского края, в ст. 64 Устава Тамбовской области можно сделать вывод, что они имеют правовой статус высших должностных лиц. Ими же возглавляется ветвь исполнительной власти, они руководят ею, а это соответствует второй модели построения органов исполнительной власти, согласно классификации Д.С. Зарецкой.

В завершение сделаем следующие выводы.

1. В результате проведенного анализа действующего законодательства выделим три действующие модели построения органов исполнительной власти.

Первая модель.

Высшее должностное лицо субъекта РФ руководит ветвью исполнительной власти, основываясь на принципах единоначалия, коллегиальный высший орган исполнительной власти отсутствует.

Вторая модель.

Высшее должностное лицо субъекта РФ руководит ветвью исполнительной власти, возглавляя высший коллегиальный орган исполнительной власти (правительство, администрация).

Третья модель.

Высшим должностным лицом субъекта РФ осуществляется общее руководство регионом и исполнительной властью. Отдельное лицо (председатель правительства, руководитель администрации) возглавляет высший орган исполнительной власти.

2. По нашему мнению и в результате проведенного анализа положений Закона № 184-ФЗ из имеющихся трех моделей построения исполнительной власти только вторая полностью соответствует законодательству и имеет право на существование. Безусловно, в Законе № 184-ФЗ нет прямого указания на то, что в обязательном порядке высший орган исполнительной власти должен быть коллегиальным. Но это прослеживается из системного толкования норм Закона № 184-ФЗ.

2.1. Для высшего органа исполнительной власти характерным является наличие собственных полномочий, которые отличаются от полномочий высшего должностного лица субъекта РФ (ст. 21 Закона № 184-ФЗ). И реализация данных полномочий относится к ведению исключительно высшего органа исполнительной власти.

3. По нашему мнению также противоречит действующему законодательству модель построения исполнительной власти, при которой высшим

должностным лицом субъекта РФ осуществляется общее руководство регионом, а высший орган исполнительной власти возглавляется иным лицом. В соответствии с позицией Конституционного Суда РФ высшее должностное лицо – это элемент системы органов исполнительной власти, так как его статус закреплен в гл. 3 Закона № 184-ФЗ. В регионах, где высшим должностным лицом субъекта высший орган исполнительной власти не возглавляется, глава региона фактически выведен из системы разделения властей. По нашему мнению, если руководствоваться ст. 10 Конституции РФ, главу субъекта РФ необходимо рассматривать не как независимое высшее должностное лицо субъекта РФ, а как лицо, возглавляющее систему исполнительной власти субъекта, ее составную часть.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. Федеральный закон от 06.10.1999 № 184-ФЗ (ред. от 27.12.2018) «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2019) // Собрание законодательства РФ. 1999. № 42. Ст. 5005.
3. Закон Владимирской области от 14.08.2001 № 62-ОЗ (ред. от 28.09.2018) «Устав (Основной Закон) Владимирской области» (принят постановлением ЗС Владимирской области от 14.08.2001 № 285) // Владимирские ведомости. № 152–153. 2001.
4. Устав (Основной закон) Тамбовской области Российской Федерации (принят Постановлением Тамбовской областной Думы от 30.11.1994 № 84) // Тамбовская жизнь. № 233. 1994.
5. Зарецкая Д.С. Проблемы организации исполнительной власти субъекта Российской Федерации // Сибирский юридический вестник. 2011. № 3 (54). С. 36–40.
6. Нестерова Н.Н. Специфика организации деятельности органов исполнительной власти в регионе // Вестник ТГУ. 2012. № 11 (115). С. 77–83.

LEGISLATIVE BASIS OF THE INSTITUTE TOP OFFICIALS OF THE SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Volochkovskaya M.A.

North-West Institute of management of Ranepa

This article discusses the basics of the institution of the highest official of the Russian Federation. The opinions of scientists and the legislation of the subjects of the Russian Federation are studied. Based on the results of the review, three existing models of building Executive authorities were identified. The first model. The second model. The third model: the highest is the General management of

the region and the Executive power. An individual (Prime Minister, head of administration) heads the highest Executive authority.

Keywords: the highest official, subject, state power, body, authority, model of organization, territorial body.

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote 12/12/1993) // Meeting of the legislation of the Russian Federation. 2014. No. 31. Article 4398.
2. Federal Law of 06.10.1999 No. 184-FZ (as amended on 12.27.2018) "On the General Principles of Organization of Legislative (Representative) and Executive Bodies of State Power of the Subjects of the Russian Federation" (as amended and supplemented, entered into force from 01.01.2019) // Meeting of the legislation of the Russian Federation. 1999. No. 42. Article 5005.
3. Law of the Vladimir Region of August 14, 2001 No. 62-OZ (as amended on September 28, 2018) "Charter (Basic Law) of the Vladimir Region" (adopted by a resolution of the AP of the Vladimir Region of August 14, 2001 No. 285) // Vladimirsky Vedomosti. No. 152–153. 2001.
4. The Charter (Basic Law) of the Tambov Region of the Russian Federation (adopted by the Decree of the Tambov Regional Duma of November 30, 1994 No. 84) // Tambov Life. No. 233. 1994.
5. Zaretskaya D.S. Problems of the organization of executive power of a subject of the Russian Federation // Siberian Law Journal. 2011. No 3 (54). P. 36–40.
6. Nesterova N.N. The specifics of the organization of activities of executive authorities in the region // Bulletin of TSU. 2012. No. 11 (115). P. 77–83.

Нормативное правовое регулирование деятельности государственных субъектов охраны общественного порядка на массовых мероприятиях (по результатам исследования в период проведения XXIX Всемирной зимней универсиады 2019 года в г. Красноярске)

Ольм Михаил Юрьевич,

адъюнкт кафедры административной деятельности ОВД
Санкт-Петербургского университета МВД России
E-mail: mikhail.olm@gmail.com

В статье рассматриваются вопросы нормативного правового регулирования охраны общественного порядка в период проведения массовых мероприятий органами исполнительной власти – органами внутренних дел и Федеральной службой войск национальной гвардии Российской Федерации, а также возникающие проблемы во взаимодействии и пути их разрешения

Отмечается ведущая роль органов внутренних дел как доминантного субъекта охраны общественного порядка на массовых мероприятиях, указывается на невозможность качественного выполнения возложенных на органы внутренних дел задач без панорамного анализа действующего законодательства. Уделено внимание роли системного взаимодействия всех субъектов охраны общественного порядка на массовых мероприятиях с учетом правоприменительной практики, отдельно исследована роль Росгвардии в обеспечении правопорядка на мероприятиях с массовым участием граждан. Автором рассматриваются индикаторы успешности выполнения возложенных задач на государственные субъекты охраны общественного порядка на массовых мероприятиях, приводятся результаты проведенного исследования (анкетирования) в период проведения XXIX Всемирной зимней универсиады 2019 года в г. Красноярске.

Ключевые слова. Охрана общественного порядка, массовые мероприятия, органы внутренних дел, Росгвардия, совершенствование нормативного правового регулирования.

Нормативное правовое обеспечение деятельности субъектов охраны общественного порядка (ОП) в период проведения массовых мероприятий носит стратегический характер, обеспечивая нормальное функционирование властных институтов Российской Федерации (РФ) и жизнедеятельности граждан в перспективе. Осуществление мер по обеспечению законности, прав и свобод граждан, охране собственности и ОП, борьбе с преступностью Конституция РФ в ст. 114 предписывает Правительству РФ, обязывая его решать задачи, связанные с правоохранительной деятельностью. В большей части эти задачи решают органы исполнительной власти. Безусловно, государственные субъекты обеспечения ОП обладают широким правовым инструментарием для такой деятельности, обладают методом принуждения [10, с. 47–48], исследователи признают их органами принудительного поддержания правового порядка [4, с. 11].

Государственная программа РФ, принятая Правительством РФ, определила векторы деятельности правоохранительных органов по обеспечению ОП и противодействие преступности до 2020 года (Госпрограмма)¹. В качестве индикатора подпрограммы «Реализация полномочий в сфере внутренних дел» Госпрограммы, в которой ответственным исполнителем выступает Министерство внутренних дел РФ (МВД России), определен высокий процент правонарушений, совершаемых в общественных местах. Стратегия противодействия экстремизму в РФ до 2025 года, утвержденная Президентом РФ 28 ноября 2014 г. № Пр-753² (Стратегия), выделяет системную работу субъектов охраны ОП как основу политики государства по обеспечению безопасности граждан в местах массового пребывания. Работа исполнительных органов власти РФ в соответствии со Стратегией должна строиться во взаимодействии с муниципальными органами власти и организаторами массовых (публичных) мероприятий. Административно-правовое управление субъек-

¹ Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 345 (ред. от 28.03.2019) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности»» [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс (дата обращения 01.11.19.)

² «Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года» (утв. Президентом РФ 28.11.2014 № Пр-2753) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс (дата обращения 02.11.19.).

тами охраны ОП при этом носит ключевое значение.

Год от года политическая активность населения возрастает, запросы на культурное обогащение, свободу вероисповедания и спортивное развитие ставят новые задачи в деле регламентирования деятельности по обеспечению мероприятий с массовым участием граждан. Справедливо высказывается Ю.Е. Аврутин о государственной политике в сфере организационно-правового строительства МВД России, что на наш взгляд актуально и для выстраивания системы субъектов охраны ОП на массовых мероприятиях: идеально функционирующих властных институтов не существует, но необходимо формировать социально ориентированный вектор правотворческой и организационной государственной деятельности, направленный на достижение и реализацию этой системой общезначимых целей обеспечения правопорядка [1, с. 59].

По мнению А.Ф. Ноздрачева «В административно-правовом регулировании необходимо учитывать динамику и многообразие объектов и субъектов регулирования и в этих целях дифференцировать административно-правовые средства регулирования для достижения состояния упорядоченности отношений в соответствующих ситуациях» [9, с. 101]. Массовые мероприятия, на наш взгляд, являются одним из индикаторов успешности правового регулирования деятельности субъектов обеспечения ОП. Практически любое нарушение ОП, на которое субъекты охраны ОП отреагировали несвоевременно или в нарушение порядка административно-правового регулирования, через социальные сети и СМИ приобретает общественный резонанс. Вопреки предпринимаемым усилиям по поддержанию положительного имиджа правоохранителей [2, с. 422–426] такие сведения носят дискредитирующий характер роли государства в поддержании нормального ритма жизни граждан.

Правовыми основами охраны ОП на массовых мероприятиях являются Конституция Российской Федерации, общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры Российской Федерации, федеральные конституционные законы, федеральные законы, указы Президента Российской Федерации, межведомственные и ведомственные нормативные акты. Отечественный законодатель не дает однозначного ответа на вопрос, как следует понимать термин «массовое мероприятие». Часто правоприменители приходят к выводу о соотношении понятий «массовое мероприятие» и «публичное мероприятие» как общее и целое. Конкретные примеры выглядят следующим образом:

Федеральный конституционный закон от 28 июня 2004 г. № 5–ФКЗ «О референдуме Российской Федерации»¹ текстуально содержит в себе некоторые мероприятия с большим участием граждан:

¹ Федеральный конституционный закон от 28.06.2004 № 5-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации» [Элек-

собрания; встречи с гражданами; митинги; демонстрации; шествия; публичные дебаты и дискуссии. Законодатель отдельно приводит термин «массовые агитационные мероприятия».

Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114–ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»² все мероприятия общественно-политического характера (публичные мероприятия) в ст. 16 сводит к единому термину «массовые акции»;

Федеральный закон от 19 июня 2004 г. № 54–ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях»³ разрешает массовое участие граждан в общественно-политических (публичных) мероприятиях любого формата, отдельно оговаривая «пикетирование» как мероприятие, которое может проводиться единолично или группой граждан.

Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3–ФЗ «О полиции»⁴ (ФЗ «О полиции») содержит в себе нормы относительно массовых мероприятий (в свете этого нормативного правового акта под массовыми мероприятиями следует понимать собрания, митинги, демонстрации, шествия и другие публичные мероприятия, а также спортивные, зрелищные и иные массовые мероприятия). ФЗ «О полиции» также содержит нормы, регламентирующие взаимодействие полиции (с органами исполнительной власти субъектов РФ, органами местного самоуправления и организаторами) и содействие полиции (оказывать содействие организаторам названных мероприятий по обеспечению безопасности граждан и охране ОП в местах их проведения исходя из требований российского законодательства).

Ссылаясь на правовые нормы, закрепленные ст. 4 ФЗ «О полиции», Указ Президента РФ от 1 марта 2011 г. № 250 «Вопросы организации полиции»⁵ приводит понятия «публичное мероприятие» и «массовое мероприятие» как равнозначные, что может приводить к неточностям в правоприменительной практике.

Наибольшей регламентации в связи с проводимыми на территории РФ с 2014 года крупными международными соревнованиями, подверглись спортивно-массовые мероприятия. Последовательно были приняты нормативные акты:

Федеральный закон от 7 июня 2013 г. № 108–ФЗ «О подготовке и проведении в Российской

тронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс (дата обращения 01.11.19.)

² Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» от 25.07.2002 № 114-ФЗ [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс (дата обращения 03.11.19.)

³ Федеральный закон «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» от 19.06.2004 № 54-ФЗ [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс (дата обращения 04.11.19.)

⁴ Федеральный закон «О полиции» от 07.02.2011 № 3-ФЗ [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс (дата обращения 01.11.19.)

⁵ Указ Президента РФ от 01.03.2011 № 250 «Вопросы организации полиции» // СПС КонсультантПлюс (дата обращения 01.11.19.)

Федерации Чемпионата мира по футболу FIFA 2018 г., проведения Кубка конфедераций FIFA 2017 г. и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹;

Указ Президента Российской Федерации от 7 июля 2016 г. № 324 «Об образовании межведомственного оперативного штаба по обеспечению безопасности в период проведения в Российской Федерации Чемпионата мира по футболу FIFA 2018 г. и Кубка конфедераций FIFA 2017 г.»²; постановление Правительства Российской Федерации от 18 апреля 2014 г. № 353 «Об утверждении Правил обеспечения безопасности при проведении официальных спортивных соревнований»³.

Приведенные примеры в нормативном регулировании свидетельствуют об отсутствии системности в правовом обеспечении деятельности субъектов охраны ОП в период проведения массовых мероприятий. Субъекты охраны ОП из числа властных институтов, действующая в правовом поле с существенными пробелами, нуждаются в правовом обеспечении как своей непосредственной деятельности, так и во взаимодействии друг с другом. Традиционно основными государственными субъектами охраны ОП на массовых мероприятиях называют ОВД и Федеральную службу войск национальной гвардии РФ (Росгвардия).

Научное сообщество продолжает рассматривать органы внутренних дел (ОВД) как доминантный субъект охраны ОП, возлагая на органы внутренних дел (ОВД) основной груз обязанностей по обеспечению ОП [5, с. 23]. Наиболее широко права и обязанности ОВД как субъекта охраны ОП на массовых мероприятиях представлены в ФЗ «О полиции». Прописаны как основы взаимодействия с субъектами массовых мероприятий и субъектами охраны таких мероприятий, так и необходимость оказания содействия в их проведении.

Проведенные исследования (анкетирование) в период проведения XXIX Всемирной зимней универсиады 2019 года в г. Красноярске (Универсиада) среди субъектов охраны ОП способствуют выявлению проблемных моментов в правовом регулировании деятельности ОВД на массовых ме-

роприятиях. Универсиада – второе по значимости спортивное событие международного уровня, проводимое раз в два года среди студенчества. Из опрошенных 93 респондентов из числа субъектов обеспечения ОП (сотрудников ОВД, сотрудников частных охранных организаций, контроллеров-распорядителей) 35 являлись сотрудниками ОВД. Анкетирование проводилось на основе анонимности, на площадках Универсиады с пропускной способностью свыше 2500 чел., в период отдыха сотрудников ОВД.

Опрошенные респонденты по возрастному составу относились к группам «от 26 до 45 лет» – 16 чел. (45.71%), «от 46 до 60 лет» – 19 чел., (54.29%), по гендерному составу все опрошенные сотрудники ОВД были мужского пола, с высшим образованием. В качестве места проживания все опрошенные респонденты указали Красноярский край, стаж деятельности в охране ОП – «от 1 года до 5 лет» – 6 чел.(17.14%), «более 10 лет» – 29 чел. (82.86%). Ключевыми в проведенном исследовании являются ответы на предложенные вопросы о нормативном правовом регулировании деятельности субъектов ОП на массовых мероприятиях: Считают необходимым закрепления понятия «общественное место» в федеральном законодательстве – «да» – 30 чел.(85.71%), «нет» – 5 чел. (14.29%); Считают необходимым закрепления понятия «массовое мероприятие» в федеральном законодательстве – «да» – 31 чел. (88.57%), «нет» 4 чел. (11.43%); Считают недостаточным количество существующих субъектов охраны ОП (государственных и муниципальных органов власти, общественных организаций) – «да» – 17 чел. (48.57%), «нет» – 18 чел. (51.43%). Приведенные результаты опроса свидетельствуют о сложностях в правоприменительной практике сотрудников ОВД в связи с отсутствием закрепления терминов «общественное место», «массовые мероприятия» на федеральном уровне законодательства. Мнения относительно достаточности количества существующих на момент опроса субъектов ОП разделилось практически поровну, что свидетельствует об отсутствии единого подхода по этому вопросу среди респондентов.

В качестве объекта, дополнительно нуждающегося в административно-правовом регулировании, сотрудники ОВД выделили массовые мероприятия на открытых территориях, изначально не приспособленных для проведения массовых мероприятий (поля, заброшенные территории промышленного назначения) – 23 чел. (65.71%). Считают пробелом в законодательстве «отсутствие единого координационного органа, осуществляющего на правовой основе взаимодействие субъектов в охране» – 21 чел. (60%). Интерес представляет мнение сотрудников ОВД о возложении координационных функций по охране ОП на существующие органы государственной или муниципальной власти (МВД России – 15 чел. (42.86%), Росгвардия – 14 чел. (40%), органы местного самоуправления – 6 чел. (17.14%).

¹ Федеральный закон «О подготовке и проведении в Российской Федерации чемпионата мира по футболу FIFA 2018 года, Кубка конфедераций FIFA 2017 года и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 07.06.2013 № 108-ФЗ [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс (дата обращения 01.11.19.)

² Указ Президента РФ от 07.07.2016 № 324 «Об образовании межведомственного оперативного штаба по обеспечению безопасности в период проведения в Российской Федерации чемпионата мира по футболу FIFA 2018 года и Кубка конфедераций FIFA 2017 года» (вместе с «Положением о межведомственном оперативном штабе по обеспечению безопасности в период проведения в Российской Федерации чемпионата мира по футболу FIFA 2018 года и Кубка конфедераций FIFA 2017 года») [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс (дата обращения 01.11.19.)

³ Постановление Правительства РФ от 18.04.2014 № 353 «Об утверждении Правил обеспечения безопасности при проведении официальных спортивных соревнований» [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс (дата обращения 01.11.19.).

В качестве предложений в свободной форме по оптимизации нормативного правового регулирования на массовых мероприятиях респонденты из числа сотрудников ОВД выдвигали: введение ответственности для субъектов профилактики правонарушений на массовых мероприятиях, дополнительное обучение сотрудников ОВД специфике деятельности на массовых мероприятиях,

Как негативные факторы, влияющие на обеспечение ОП на массовых мероприятиях респонденты обозначали: отсутствие единоначалия, единого подхода в организации массовых мероприятий и недостаточно разработанное правовое регламентирование взаимодействия; необходимость большего применения технических средств контроля на массовых мероприятиях; четкое разграничение целей и задач каждого субъекта ОП на массовых мероприятиях, искажение целей и задач при передаче информации по вертикали управления; законодательное закрепление обязанности организаторов массового мероприятия по организации охраны ОП.

Еще одним значимым субъектом по обеспечению ОП на массовых мероприятиях является Росгвардия, созданная 5 апреля 2016 года по Указу Президента РФ № 157¹. Обеспечение ОП в период проведения массовых мероприятий – одна из главных задач Росгвардии, которая должна выполняться совместно с полицией, народной дружиной, казачеством, частными охранными организациями и другими субъектами обеспечения ОП. На расширенном заседании итоговой коллегии Росгвардии 5 декабря 2018 года в г. Москве директор Росгвардии Виктор Золотов отметил необходимость полноценного участия войск в обеспечении крупномасштабных общественно-политических и спортивных мероприятий².

А.А. Тищенко отмечал высокое значение Росгвардии в деле охраны ОП, указывая на этот орган исполнительной власти РФ как важный элемент в системе безопасности общества и государства [11, с. 161]. Как недостаток в нормативном правовом регулировании исследователями часто выделяется несовершенство взаимодействия ОВД и Росгвардии. Необходимость применения передового опыта, новых подходов к совместной работе Росгвардии с ОВД [6, с. 5] определяется основой для качественного улучшения их взаимодействия. Для повышения эффективности деятельности Росгвардии во время охраны ОП предлагается наладить между различными ведомствами механизм координации [8, с. 50] и четко разграничить полномочия полиции и Росгвардии, так как

они часто дублируют друг друга [7, с. 51]. Исследователи приходят к выводу, что формирование Росгвардии как самостоятельного федерального органа исполнительной власти продолжается, ее деятельность нуждается в оптимизации и систематизации [3, с. 127].

В заключении можно сделать ряд выводов. Деятельность субъектов по охране ОП из числа органов исполнительной власти, по нашему мнению, нуждается в совершенствовании по двум основным направлениям:

- закрепление в нормативном правовом акте федерального уровня дефиниций, имеющих ключевое значение для охраны общественного порядка на массовых мероприятиях;
- выработка единого подхода к координации действий государственных субъектов охраны ОП в частности и всех субъектов охраны ОП в целом на массовых мероприятиях, с учетом действующего нормативного правового регламентирования и наработанного положительного опыта взаимодействия.

Литература

1. Аврутин Ю.Е. Перспективы формирования государственной политики в сфере организационно-правового строительства системы МВД России // Вестник Воронежского государственного университета: Серия «Право». – 2016. – № 3. – С. 58–73.
2. Алпатова О. Б., Милюкова Ю.Д. Формирование позитивного имиджа сотрудника полиции посредством проведения военно-спортивных мероприятий с учащейся молодежью // Профессиональное образование сотрудников органов внутренних дел. Педагогика и психология служебной деятельности: состояние и перспективы: сб. науч. тр. II Междунар. конф. имени В.Я. Кикотя (Москва, 6–7 июня 2018 г.). М. – 2018. – С. 422–426.
3. Аникин С. Б., Агафонова Н.Ю., Воробьева Д.С. Вопросы правового регулирования деятельности Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации // Вестник СГЮА. – 2017. – № 6 (119). – С. 122–128.
4. Ардашкин В. Д. К теории правоохранительного механизма // Правоведение. – 1988. – № 1. – С. 11–16.
5. Занина Т.М. Место и роль ОВД в обеспечении общественного порядка и общественной безопасности // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. – 2015. – № 1–1. – С. 18–23.
6. Крупинин В.А. Особенности взаимодействия территориальных органов МВД России с ВНГ РФ при выполнении задач по охране общественного порядка [Электронный ресурс] // Научно-практический электронный журнал Аллея Науки. – 2018. – № 5 (21). –

¹ Указ Президента РФ от 05.04.2016 № 157 «Вопросы Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации» [Электронный ресурс] [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс (дата обращения 01.11.19.)

² Генерал армии Виктор Золотов провел расширенное заседание итоговой коллегии Росгвардии [Электронный ресурс] // Оф. сайт Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации. URL: <https://rosgvard.ru/RU/news/article/general-armii-viktor-zolotov-provel-rasshirennoe-zasedanie-itogovoj-kolleгии-rosgvardii>

URL: https://www.alley-science.ru/domains_data/files/4776May20183/ дата обращения: 11.11.19).

7. Майдыков А.Ф. Актуальные вопросы организации взаимодействия территориальных органов МВД России с подразделениями (органами) войск национальной гвардии Российской Федерации в особых условиях // Труды Академии управления МВД России. – 2017. – № 1 (41). – С. 59–62.
8. Майоров В. И. О роли Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации в обеспечении общественного порядка // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2018. № 1. – С. 48–51.
9. Ноздрачев А.Ф. Современное содержание понятия «административно-правовой режим» // Журнал российского права. – 2017. – № 2 (242). – С. 98–110.
10. Петрухин И.Л. Правосудие: время реформ. М.: Наука. – 1991. – 208 с.
11. Тищенко А.А. Особенности правового положения войск национальной гвардии Российской Федерации // Материалы конф. ГНИИ «Нацразвитие». – Ноябрь 2017: Сб.избр.ст. – 2017. – С. 156–161.

NORMATIVE LEGAL REGULATION OF ACTIVITIES OF THE STATE ENTITIES PROTECTING PUBLIC ORDER AT PUBLIC EVENTS (ACCORDING TO THE RESULTS OF THE STUDY CONDUCTED DURING THE XXIX WORLD WINTER UNIVERSIADE 2019 IN KRASNOYARSK)

Olm M.Y.

St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article is dedicated to the issues of normative legal regulation of the protection of public order during public events carried out by the executive authorities, i.e. the internal affairs bodies and the Federal National Guard Service of the Russian Federation, as well as to the emerging problems of interaction and ways of their solution.

The leading role of the internal affairs bodies as a dominant entity of public order protection at public events is noted; the impossibility of a high-quality fulfillment of the tasks assigned to the internal affairs bodies without a panoramic analysis of the current legislation is indicated. Attention is paid to the role of systemic interaction of all entities of public order protection at public events taking into account law enforcement practice. The role of the Russian Guard in ensuring law and order at events with large-scale involvement of citizens is separately investigated. The author reviews the indicators of success in fulfilling the tasks assigned to the state entities of public or-

der protection at public events and provides the results of the study (questionnaire) conducted during the XXIX World winter universiade 2019 in Krasnoyarsk.

Keywords: public order protection, public events, internal affairs bodies, the Russian Guard, improvement of normative legal regulation.

References

1. Avrutin Yu.E. Prospects for the formation of state policy in the field of organizational and legal construction of the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia // Bulletin of the Voronezh State University: Series "Law". – 2016. – No. 3. – P. 58–73.
2. Alpatova O. B., Milyukova Yu.D. Formation of a positive image of a police officer through military-sporting events with studying youth // Vocational education of employees of internal affairs bodies. Pedagogy and psychology of performance: state and prospects: Sat. scientific tr II International conf. named after V. Ya. Kikot (Moscow, June 6–7, 2018). M. – 2018. – P. 422–426.
3. Anikin S. B., Agafonova N. Yu., Vorobeva D.S. Issues of legal regulation of the activities of the Federal Service of the National Guard Troops of the Russian Federation // Bulletin of the SS-LA. – 2017. – No. 6 (119). – P. 122–128.
4. Ardashkin V.D. To the theory of law enforcement mechanism // Jurisprudence. – 1988. – No. 1. – P. 11–16.
5. Zanina T.M. The place and role of the Department of Internal Affairs in ensuring public order and public safety // Public Security, Law and Order in the 3rd Millennium. – 2015. – No. 1–1. – P. 18–23.
6. Krupinin V.A. Features of the interaction of the territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia with the VNG of the Russian Federation in fulfilling tasks to protect public order [Electronic resource] // Scientific and Practical Electronic Journal Alley of Science. – 2018. – No. 5 (21). – URL: https://www.alley-science.ru/domains_data/files/4776May20183/ date of access: 11.11.19).
7. Maidikov A.F. Actual issues of the organization of interaction between territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia and units (bodies) of the troops of the national guard of the Russian Federation in special conditions // Transactions of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2017. – No. 1 (41). – P. 59–62.
8. Mayorov V.I. On the role of the Federal Service of the National Guard of the Russian Federation in ensuring public order // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2018. No. 1. – P. 48–51.
9. Nozdrachev A.F. The modern content of the concept of "administrative-legal regime" // Journal of Russian Law. – 2017. – No. 2 (242). – P. 98–110.
10. Petrukhin I.L. Justice: the time of reform. M.: Science. – 1991. – 208 p.
11. Tishchenko A.A. Features of the legal status of the troops of the national guard of the Russian Federation // Materials conf. GNII "National Development". – November 2017: Sat. – 2017. – P. 156–161.

Процедура мирового примирения – новелла российского права

Анищенко Виктор Георгиевич,

кандидат юридических наук, ООО «Верховенство Права»,
заместитель генерального директора
E-mail: viktorkol130@yandex.ru

В настоящей статье рассматриваются различные аспекты новой для российского права процедуры судебного примирения. Указываются и анализируются проблемы, возникающие при заключении и судебном утверждении мировых соглашений. Делается сравнительный анализ с аналогичными положениями законодательства ряда зарубежных стран. Автором указаны различные существующие точки зрения и на определение самого понятия «мировое соглашение», а также проанализирован и сделан ряд предложений по дальнейшему совершенствованию и развитию процедур судебного примирения в рамках российского законодательства.

Ключевые слова: процедура судебного примирения, судебные примирители, мировое соглашение, проблемы при заключении и утверждении соглашения, действующая судебная практика, диспозитивность условий.

Своим первым в 2020 году Постановлением Пленум ВС РФ (Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.01.2020 № 1 «Об утверждении списка судебных примирителей») утвердил список судебных примирителей. Это судьи в отставке, которые теперь будут проводить новую примирительную процедуру – судебное примирение в гражданском и арбитражном процессе, а также при административном судопроизводстве.

На уровне закона положения о судебном примирении начали действовать 25 октября 2019 года, а затем Пленум ВС РФ (Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 2019 г. № 41 «Об утверждении Регламента проведения судебного примирения») утвердил и регламент новой процедуры – судебного примирения.

Процедура завершается в случаях примирения, непримирения, истечения сроков процедуры и прекращения процедуры примирителем. Например, когда стороны, очевидно, не смогут договориться. По итогам примирения стороны должны заключить мировое соглашение при содействии примирителя, который должен убедиться, что стороны одинаково понимают условия соглашения.

Все эти новеллы, как и ранее утверждённые процедуры медиации спора, направлены на увеличение числа судебных споров, окончившихся примирением сторон, на стимулирование сторон к переговорам и согласованию взаимоприемлемых для них решений разрешения спора.

Надо сказать, что в Республике Словения подобный опыт (судебное примирение и судебные примирители из числа бывших судей) дал прекрасный результат: 65% дел, в которых судебные примирители обсуждали со сторонами все аспекты судебного спора, закончились мировыми соглашениями сторон.

В России картина с судебным примирением сторон весьма печальна, исходя из данных статистики ВС РФ за 1-ое полугодие 2019 года:

- в арбитражных судах первой инстанции лишь 3,7% дел заканчивались утверждением мирового соглашения.
- в арбитражных судах апелляционной инстанции эта цифра уже составляла – 0,5%.
- в арбитражных судах кассационной инстанции только 0,18% дел закончились утверждением мирового соглашения.
- по административным спорам: менее 1% дел окончились судебным примирением сторон.

Для сравнения: в США 95%, а в Великобритании 87% судебных дел завершаются разрешением спора путем заключения мирового соглашения.

Понятно, что сложная доказательная база, сформировавшаяся судебная практика по тем или иным вопросам, и непредсказуемость результата судебного процесса, сами по себе стимулируют стороны к поиску возможных взаимоприемлемых решений.

Так же как и понимание конечного результата, особенно по делам о взыскании задолженности, при наличии штрафных санкций, когда сторонам ясны риски и экономические составляющие результата судебного рассмотрения, тоже отнюдь не вдохновляет ответчика на излишнее затягивание процесса, и стороны гораздо чаще общей статистики приходят к мировому соглашению в такого рода судебных спорах.

Не вызывает удивления и тот факт, что большинство мировых соглашений заключаются и утверждаются в судах первой инстанции: чисто психологически, чем выше инстанция, тем больше уверенность одной (выигрывающей) стороны в успехе, в обоснованности аргументов и полноте удовлетворения своих требований.

Но, безусловно, существует и ряд причин, по которым стороны в российских судах столь неохотно идут на процедуры примирения и заключения мировых соглашений с оппонентами. Эти причины носят как объективный, так и субъективный (и вполне устранимый) характер. Давайте рассмотрим часть из них:

1) как правило, подаче иска, предшествует некая стадия переговоров, в которых стороны не достигли согласия, а в нашей жизненной парадигме, обычно, ещё и переругались друг с другом. Поэтому на судебный процесс стороны у нас идут как «на войну» с оппонентом. А собираясь на войну, трудно думать о мире. Особенно это касается корпоративных и наследственных споров, в которых, как правило, кипящие страсти, окрашиваются многочисленными взаимными недружественными действиями сторон.

2) скорость рассмотрения дел и дешевизна юридического сопровождения:

– коллеги, прошу не улыбаться саркастически относительно скорости рассмотрения дел в наших судах. Давайте будем честными, и относительно хотя бы арбитражных дел, скажем, что при всех возможных ухищрениях по затягиванию рассмотрения, экономические споры в наших арбитражных судах рассматриваются на порядок быстрее, чем в большинстве юрисдикций европейских стран и США.

– что касается дешевизны, то тут можно выделить три аспекта:

а) в каждой уважающей себя компании есть юротдел, сотрудники которого осуществляют судебное сопровождение дела за некую, не самую обременительную для компании, зарплату. В сложных случаях можно обратиться к специалистам из специализирующихся в той или иной отрасли права юридических компаний, или из адвокатских объединений. Стоимость их участия в деле также не сопоставима с гонорами их за-

падных коллег, тем более, что «гонорар успеха» как был, так и остался пока почти «вне закона». Ну а в судах общей юрисдикции и сам гражданин может свою позицию защищать. «Самолечение» у нас не запрещено.

б) стоимость государственной пошлины: да она может быть большой, но вот, например, в Нидерландах при подаче апелляционной жалобы госпошлина возрастает вдвое. У нас она вдвое уменьшается. Небесспорная конечно мера, но, возможно, увеличение госпошлины при обращении в апелляционные инстанции, позволило бы сократить т.н. «апелляционные затягивания», когда апелляционная жалоба подаётся стороной исключительно с целью затягивания вступления решения Суда в законную силу.

в) есть ещё такое сленговое понятие как «дешевизна взыскательского кредитования». Если нет других штрафных санкций, то пока длятся судебные разбирательства в первой и апелляционной инстанциях, должнику экономически более выгодно не торопиться отдавать взыскиваемую сумму, ведь менее чем по ключевой ставке ЦБ РФ, он вряд ли где-то прокредитуется.

И вот на эти, до некоторой степени, «объективные» факторы, отнюдь не стимулирующие судебное примирение, накладываются ещё и «субъективные», которые могли бы быть легко устранены, будь на то воля законодателя.

3) в российской правовой практике заключить и, главное – утвердить мировое соглашение в банкротстве архисложно, если не сказать – практически невозможно, ведь при утверждении соглашения необходимо установить отсутствие нарушений его условиями как прав непосредственных участников конкретного обособленного спора, так и интересов всех кредиторов по делу о банкротстве. Да и заключение мирового соглашения со стороной, в отношении которой только ещё подано заявление о банкротстве, тоже весьма чревато последующим обвинением в совершении сделки с предпочтением перед другими кредиторами (дело № А40–231052/2015).

4) заключение и утверждение мирового соглашения может быть существенно затруднено также наличием публично-правового элемента в виде государственного органа или компании с государственным участием. Ведь если стороны спора и согласуют мировое соглашение, то ничто не мешает суду посчитать это соглашение нарушающим публичный порядок и интересы (дело № А40–75603/2017)

5) сейчас судебная практика складывается в сторону либерализации судами условий мировых соглашений, но никуда не делась распределительные права сторон, при которых ответчик, заключая мировое соглашение обязывается признавать иск полностью, либо в части.

6) Проблемой, в нашей правовой парадигме, остаётся невозможность зафиксировать в мировом соглашении отказ сторон(ны) от права инициировать из данных гражданско-правовых отноше-

ний новые судебные споры, либо утвердить положение о воздержании от подачи исков. Так, совсем недавно, Суд не утвердил мировое соглашение сторон, поскольку судей не устроил пункт, запрещающий сторонам в дальнейшем оспаривать обстоятельства, установленные арбитражными судами по этому делу, поскольку этот пункт, по мнению Суда, противоречит конституционным праву на судебную защиту (дело № А22–941/2006).

7) Действующая судебная практика не предполагает заключение мирового соглашения в отношении нескольких судебных споров или же, если гражданско-правовые отношения сторон не ограничиваются только аспектами данного судебного дела, а носят комплексный характер. Скорее всего, Суд откажет в утверждении такого мирового соглашения, так как действующее процессуальное законодательство допускает заключение мирового соглашения исключительно в отношении обстоятельств одного судебного спора, также как откажет и при наличии отлагательных и отменительных условий, или при наличии в мировом соглашении условий, не связанных напрямую с предметом спора и т.п.

Хотя ещё Пленум «почившего в бозе» ВАС РФ в своем Постановлении от 18 июля 2014 года № 50 «О примирении сторон в арбитражном процессе» разрешил включать в мировое соглашение «положения, которые связаны с заявленными требованиями, но не являются предметом судебного разбирательства».

8) Действующее законодательство и существующая судебная практика подразумевают изменение условий мирового соглашения только путём заключения сторонами нового соглашения и утверждения его Судом на любой стадии судебного процесса, включая стадию исполнения. Утвержденное судом мировое соглашение нельзя изменить путем внесения изменений, дополнений, включения новых условий или исключения старых. Суды считают, что единственно возможным способом изменить содержание мирового соглашения является утверждение нового мирового соглашения (п. 23 Постановления Пленума ВАС РФ № 50 «О примирении сторон в арбитражном процессе» от 18.07.2014 г.). Т.е. даже если стороны изъявили волю изменить хотя бы одну цифру в одном из пунктов мирового соглашения, им необходимо заключить новое мировое и утвердить его в Суде.

Так что же ты такое, наше мировое (соглашение)?

Коллеги, не смейтесь, но я в российской юридической литературе насчитал порядка шести десятков различных определений понятия «мировое соглашение»:

от «процессуальное соглашение сторон с элементами материального права» до «мировое соглашение – это гражданско-правовой договор, который утверждается судом и имеет процессуальное значение».

Кто-то абсолютно приравнивает мировое соглашение к судебному решению, другие называют его «суррогатом судебного акта», а некоторые наши коллеги с большими учёными степенями и званиями пишут целые монографии на тему понятия и условий досудебных, не утверждаемых судом мировых соглашений и их значения в случае возникновения судебного спора. Я то как-то «приземлённо» считаю, что мировое соглашение в российской действительности – это процедура, связанная именно с судебной деятельностью. То есть стороны, обращаясь в суд, судятся, спорят и затем, возможно, приходят к мировому соглашению, утверждаемому судом.

Мне как-то ближе позиция ВАС РФ (Постановление Президиума ВАС РФ от 08.09.2009 г. № 17447/08): «Мировое соглашение сторон, не утвержденное судом в соответствии с ч. 4 ст. 139 и ч. 2 ст. 141 АПК, выражает лишь намерение сторон заключить его, которое не реализовано в установленном гл. 15 АПК порядке. В связи с этим оно не влечет правовых последствий мирового соглашения». Кстати, медиативное соглашение сторон, не утвержденное Судом как мировое соглашение, также не будет иметь никаких правовых последствий.

Давайте попробуем сформулировать так: *«Мировое соглашение – это утверждаемое судом соглашение сторон, с участием, при определённых законодательством условиях, третьих лиц, заключённое добровольно ими на любой стадии (включая стадию исполнения решения) гражданского, арбитражного или административного процесса, содержащее не противоречащие действующему законодательству, не ущемляющие интересов, взаимоприемлемые и согласованные условия примирения по судебному спору».*

И от проблем и «минусов» перейдём к «плюсам» заключения сторонами мирового соглашения: если не брать во внимание морально-этническую беллетристику типа «Худой мир лучше доброй ссоры», то в юридической литературе обычно указываются следующие положительные стороны:

- мировое соглашение даёт сторонам возможность добровольно выразить свою волю на взаимоприемлемое разрешение судебного спора. Для истца это реальная возможность исполнения его требований, а для ответчика осуществление фактически возможного и устраивающего его исполнения своих обязательств.
- если заключается мировое соглашение, то истцу возвращается часть уплаченной госпошлины (70% при заключении соглашения в первой инстанции и 50% и 30% при заключении мирового во второй и третьей судебных инстанциях).
- если решение суда вступает в законную силу, как правило, через некоторый период времени, то мировое соглашение вступает в законную силу немедленно.

(так себе аргумент, прямо скажем: можно прождать указанный в мировом соглашении срок ис-

полнения принятого стороной обязательства, ничего не получить, а потом ещё потратить время на получения исполнительного листа, хотя, согласно статистике, степень добровольного исполнения мировых соглашений превышает 90 процентов).

Ну вот пожалуй и все очевидные положительные стороны от заключения мирового соглашения. С учётом всего вышеизложенного, не удивляет столь небольшой процент судебных дел, оканчивающихся мировыми соглашениями в российских судах.

А что же можно предложить, чтобы, говоря словами Председателя одного из региональных Арбитражных Судов, «в правой культуре у населения и юридических лиц развивалось желание примиряться»:

1) наверное, не лишним будет ввести экономические рычаги (штрафы), которыми будут наказываться стороны за неисполнение условий заключённых ими и утверждённых Судами мировых соглашений.

2) можно попробовать дать самим судьям право предпринимать реальные меры для заключения мирового соглашения, дать им возможность разъяснять сторонам преимущества такого способа разрешения конкретного спора. Сейчас судья, изучив предварительно материалы дела, не может сказать: ваша позиция слаба и неправомерна из-за этих причин, а вот ваша по другим. Очень много моментов, которые сдерживают судью. В законодательстве штата Калифорния (США), например, предусмотрена процессуальная возможность взятия на себя судьёй функции судебного примирителя, посредника. Таким образом сам Суд непосредственно подключается к выполнению примирительных функций. Но, если судья не смог примирить стороны, то дальнейшее ведение им судебного процесса (рассмотрения дела) возможно только с общего едингласного согласия сторон. Если хотя бы одна из сторон не соглашается, то судья подлежит замене.

3) не бесспорная мысль, но можно, хотя бы только в арбитражном процессе, повысить госпошлину при обжаловании в апелляционной и кассационной инстанциях, а не снижать её как сейчас. Но для этого, конечно, должно нам иметь совсем иное, нежели сейчас, качество апелляционного и кассационного рассмотрения жалоб.

4) максимально диспозитивно Судам следовало бы, при утверждении мирового соглашения, подходить к его условиям, согласованным сторонами, руководствуясь прежде всего принципом «свободы договора», закреплённым в 421-ой ст. ГК РФ.

5) Судам, видимо, следовало бы перестать использовать «объективное вменение» и признавать недействительными чуть ли не все сделки (включая мировые соглашения) с будущими банкротами по аргументу предпочтения перед другими кредиторами. Сам по себе факт подачи заявления о банкротстве ещё не означает императивного признания должника банкротом. Почему

сторона по сделке должна всё знать о финансово-экономическом состоянии контрагента по сделке? Если потенциальный будущий банкрот заключил сделку, зная, что ему в будущем может не хватить денежных средств для расчёта с кредиторами, то почему за это квазипоследствиями недействительности сделки должен отвечать его контрагент?

6) возможно, для изменения условий утверждённого Судом мирового соглашения, было бы достаточно утверждения судом дополнительного соглашения сторон, изменяющего тот или иной пункт мирового соглашения (по аналогии с правом вышестоящей судебной инстанции изменить при обжаловании судебное решение в той или иной части), а не утверждать заново практически идентичное в правовом смысле новое мировое соглашение. Так ведь приставам-исполнителям на 3–4 раз утверждения и запутаться можно какое из мировых соглашений действует, а какое отменено, особенно если по ним уже получены несколько исполнительных листов.

и наконец:

7) раз уж введён институт судебного примирения и утверждён список судебных примирителей – судей в отставке, имеющих огромный юридический опыт, знания и соответствующую репутацию, то почему заключённые при их содействии (участии) мировые соглашения утверждаются в общем порядке? Наверное имеет смысл, чтобы судебный примиритель давал своё заключение по данному мировому, а Суд при утверждении рассматривал бы только процессуальные вопросы: подписано ли оно уполномоченными лицами, понятно ли оно сторонам и т.п.

Я думаю, что институт судебного примирения получит в нашей правовой системе своё дальнейшее развитие, ибо, как говаривал французский философ и публицист Реймон Клод Фердинанд Арон: «Соглашаться на компромисс – значит отчасти признавать справедливость чужих аргументов».

Литература

1. Гражданский кодекс РФ // М: Проспект, 2017.
2. Арбитражный процессуальный Кодекс РФ // М: Проспект, 2018.
3. Сайт Верховного суда РФ (www.vsrif.ru, www.suprcourt.ru), разделы «Постановления Пленума», «Обзоры судебной практики», «Судебная статистика».
4. Соловьев А.А., Филиппов Ю.М. Актуальные проблемы процедуры урегулирования споров с участием посредника (европейский опыт) // Судья. 2011. № 12. С. 53–59.
5. Назарычева Л.В. Медиация в арбитражном процессе. Теория и практика // Судебная практика в Западной Сибири. 2011. № 3. С. 150–159.
6. Абдрашитов, А.М. Мировое соглашение как юридический факт и фактический состав /

А.М. Абдрашитов // Арбитражный и гражданский процесс. – 2011. – № 2. – С. 15–19.

7. Давыденко, Д.Л. Мирное соглашение и примирительные процедуры в арбитражном, гражданском и третейском процессе / Д.Л. Давыденко // Арбитражный и гражданский процесс. – 2013. – № 10. – С. 29–32.
8. Лазарев, С.В. Мирное соглашение в гражданском процессе / С.В. Лазарев // Арбитражный и гражданский процесс. – 2014. – № 11. – С. 2–5.

THE PROCEDURE OF WORLD RECONCILIATION – A SHORT STORY OF RUSSIAN LAW

Anishchenko V.G.

LLC Verkhovstvo Prava

This article examines various aspects of the new judicial reconciliation procedure for Russian law. Problems arising from the conclusion and judicial approval of settlement agreements are identified and analysed. A comparative analysis is being made with similar provisions of the legislation of a number of foreign countries. The author outlines the various existing points of view and the definition of the concept of «world agreement» and analyzed and made a number of proposals for further improvement and development of judicial reconciliation procedures within the framework of the Russian Legislation.

Keywords: judicial reconciliation procedure, judicial conciliators, settlement agreement, problems in the conclusion and approval of the agreement, active judicial practice, dispositive conditions.

References

1. Civil Code of the Russian Federation // M: Prospect, 2017.
2. The Arbitration Procedure Code of the Russian Federation // M: Prospect, 2018.
3. The website of the Supreme Court of the Russian Federation (www.vsrfr.ru, www.supcourt.ru), sections of the “Resolution of the Plenum”, “Reviews of judicial practice”, and “Judicial statistics”.
4. Soloviev A.A., Filippov Yu.M. Actual problems of the dispute resolution procedure with the participation of a mediator (European experience) // Judge. 2011. No 12. P. 53–59.
5. Nazarycheva L.V. Mediation in the arbitration process. Theory and practice // Judicial practice in Western Siberia. 2011. No 3. P. 150–159.
6. Abdrashitov, A.M. Amicable agreement as a legal fact and actual composition / A.M. Abdrashitov // Arbitration and civil procedure. – 2011. – No. 2. – P. 15–19.
7. Davydenko, D.L. Amicable agreement and conciliation procedures in the arbitration, civil and arbitration process / D.L. Davydenko // Arbitration and civil process. – 2013. – No. 10. – P. 29–32.
8. Lazarev, S.V. The settlement agreement in the civil process / S.V. Lazarev // Arbitration and civil process. – 2014. – No. 11. – P. 2–5.

Третьи лица в исполнительном производстве

Перепелова Кристина Александровна,

аспирант (3 курс), кафедра гражданского процесса и организации службы судебных приставов ФГБЮУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»
E-mail: perepelova.cris@gmail.com

Автором обращается внимание на проблему участия третьих лиц в исполнительном производстве. За основу берутся нормы гражданского законодательства и исполнительного производства как специального.

В статье предпринимается попытка определить материально-правовой и процессуальный статус «третьих лиц в исполнительном производстве». Учитывая то, что третьи лица в исполнительном производстве могут не иметь ни юридической, ни иной заинтересованности в самом исполнительном производстве, так же предлагается указать: 1) спектр прав, обеспечивающих защиту их интересов; 2) статус третьих лиц в процессе исполнительного производства; 3) прерогативы обеспечения статуса третьих лиц в исполнительном производстве; 4) набор внутриотраслевых процессуально-правовых средств воздействия у этого статуса; 5) порядок признания указанных лиц, третьими лицами в исполнительном производстве.

Ключевые слова: третьи лица, исполнительное производство, права третьих лиц, стороны исполнительного производства, защита прав третьих лиц, действия судебного пристава-исполнителя.

Остаются актуальными вопросы правового статуса и участия третьих лиц в исполнительном производстве. В теории исполнительного производства современные авторы-правоведы, как например М.Ф. Минибаев, особо выделяют проблему третьих лиц в исполнительном судопроизводстве¹.

Современное исполнительное законодательство² позволяет накладывать арест на имущество должника, находящееся у третьих лиц, а также допускать обращение взыскания на принадлежащие должнику имущественные права, в том числе право требования должника к третьему лицу, не исполнившему денежное обязательство перед ним как кредитором.

В соответствии с гражданским законодательством³ осуществляется взыскание на принадлежащие должнику исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации, право использования результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации, а также на имущественные права в отношении третьих лиц.

В статье 48 Федерального закона «Об исполнительном производстве» также не определяется категория «третьих лиц», а лишь дается общий перечень лиц, участвующих в исполнительном производстве.

На практике возникают случаи, когда при совершении исполнительных действий, затрагиваются интересы других лиц. Например, это могут быть члены семьи должника, проживающие с ним совместно и другие лица, имеющие общую долевую собственность с должником. Кроме того, возможно наличие кредиторов, чьи материальные претензии еще не обеспечены судебным решением.

Иначе говоря, это те лица, которые могут иметь какой-либо материально-правовой и (или) процессуальный интерес по отношению к должнику, либо к его имуществу, но могут и не иметь ни юридической, ни какой-либо другой заинтересованности в самом исполнительном производстве, и при этом не являются стороной исполнительного производства.

Конечно же, в случае возникновения спора, связанного с принадлежностью имущества, на ко-

¹ Минибаев, М.Ф. Третьи лица в третейском разбирательстве // Третейский суд. 2005. № 6 (42).

² Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ (ред. от 17.10.2019) «Об исполнительном производстве». [Электронный ресурс] // URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 05.11.2019).

³ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 18.07.2019). [Электронный ресурс] // URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 05.11.2019).

торое обращено взыскание, в процессе исполнительного производства заинтересованные граждане и организации вправе обратиться в суд с иском об освобождении имущества от ареста или исключении его из описи.

Следует отметить, что из-за отсутствия правовой определенности в исполнительном законодательстве, указанные лица, не являясь стороной в исполнительном производстве, не имеют законных оснований для получения акта описи и ареста имущества, не говоря уже о возможности ознакомления с материалами исполнительного производства.

Кроме того, спор о принадлежности имущества может и не возникнуть. Так, у лица имеющего общую долевую собственность с должником могут возникнуть возражения по вопросам связанным с очередностью наложения ареста на имущество должника, либо оценки арестованного имущества.

Например, при наложении ареста на $\frac{1}{2}$ части комнаты, принадлежащей должнику, у собственника второй части $\frac{1}{2}$ комнаты возникнет прямая заинтересованность, как минимум в правильной оценке, так и в соблюдении очередности наложения ареста на имущество, принадлежащее третьему лицу и должнику.

Однако, на практике, принять участие в исполнительном производстве, указанное третье лицо не имеет юридических оснований. Более того, обжаловать действия судебного пристава-исполнителя это третье лицо также не в праве. Так как, в соответствии со статьей 121 Федерального закона «Об исполнительном производстве», возможность обжалования действий судебного пристава-исполнителя в связи с исполнением им судебного акта, предусмотрена только для взыскателя и должника, являющимися, в отличие от третьего лица, сторонами исполнительного производства.

Таким образом, третьи лица в исполнительном производстве лишены какой-либо возможности для защиты своих законных прав и интересов, нарушенных в результате действий судебного пристава-исполнителя, что является безусловным ущемлением прав указанных лиц.

На основании вышесказанного видится, что третьи лица в исполнительном производстве, помимо обязанностей, налагаемых на них судебным приставом-исполнителем в соответствии с законодательством об исполнительном производстве, должны обладать определенным кругом прав, обеспечивающих защиту их интересов. *Так, например, право оспорить в судебном порядке требования судебного пристава-исполнителя.*

По существу, *третьи лица в исполнительном производстве* – это лица, не являющиеся сторонами исполнительного производства, но которые зачастую приобретают какой-либо материально-правовой и (или) процессуальный интерес в результате решений и (или) действий судебного пристава-исполнителя.

Основным отличием третьих лиц в исполнительном производстве от сторон исполнительного

производства является то что, они не имеют ни юридической, ни иной заинтересованности в реальном исполнении или неисполнении требований исполнительного документа, так как сами по себе требования исполнительного документа не затрагивают напрямую их прав и интересов.

Тогда как, стороны исполнительного производства – взыскатель и должник – это лица, материально и процессуально заинтересованные в результатах исполнительных действий, осуществляемых ими и судебным приставом-исполнителем при исполнении требований исполнительного документа.

Основной же целью участия в исполнительном производстве третьих лиц является защита собственных прав и интересов, затронутых действиями судебного пристава-исполнителя. Сами по себе требования исполнительного документа для третьего лица в исполнительном производстве безразличны и напрямую не влияют на его права и обязанности.

Кроме того, в исполнительном документе, на основании которого возбуждается исполнительное производство, указываются стороны исполнительного производства, также определена их материальная заинтересованность. *Тогда как третьи лица в исполнительном производстве, а также и их возможная материальная или процессуальная заинтересованность в исполнительном документе не указываются.* Что также является отличительной чертой третьих лиц в исполнительном производстве от сторон исполнительного производства.

Одним из критериев для выделения третьих лиц в исполнительном производстве является то что, права и интересы таких лиц затрагиваются лишь в результате действий судебного пристава-исполнителя, то есть в процессе исполнения требований данного исполнительного документа. Причем действия судебного пристава-исполнителя должны в данном случае воздействовать непосредственно на права и обязанности такого лица.

Таким образом, необходимость и возможность участия третьих лиц в исполнительном производстве определяется с момента совершения указанных действий судебным приставом-исполнителем.

Участие третьих лиц в исполнительном производстве вызвано необходимостью защиты их собственных прав и законных интересов. Из чего можно сформулировать основную цель участия третьих лиц в исполнительном производстве – *это предотвращение возможности наступления неблагоприятных для них последствий, вызванных действиями судебного пристава-исполнителя.*

Для чего собственно третьи лица в исполнительном производстве и должны обладать своим определенным статусом в ходе исполнительного производства. Достижение указанной цели предположительно возможно лишь при условии использования процессуальных средств по обеспечению верховенства закона, защиты прав и интересов, осуществляемых внутри системы испол-

нительного производства. При этом возникает необходимость использовать внутриотраслевые процессуально-правовые средства воздействия, как, например, право обжаловать действия (бездействия) судебного пристава-исполнителя.

Наличие собственного интереса у третьего лица в исполнительном производстве характеризует его как самостоятельного участника процесса, что в свою очередь определяет цель участия третьего лица в процессе исполнительного производства как самостоятельного участника.

Необходимость защиты законных прав и интересов третьих лиц в исполнительном производстве возникает вследствие действий судебного пристава-исполнителя при производстве исполнительных действий.

Следовательно, основанием для вступления в исполнительное производство в качестве третьих лиц в исполнительном производстве могут служить действия судебного пристава-исполнителя, затрагивающие интересы таких лиц. Например, производство описи и ареста имущества находящегося в совместной долевой собственности должника и иных лиц, либо арест имущества находящегося у должника, но принадлежащего третьим лицам и иное.

В таких случаях, судебным приставом-исполнителем представляется возможным самостоятельно решать вопрос о вступлении третьих лиц в исполнительное производство, с вынесением соответствующего постановления, которое может быть обжаловано заинтересованными лицами в судебном порядке.

При этом думается, что инициатива вступления в исполнительное производство в качестве третьих лиц должна исходить не от судебного пристава-исполнителя, а именно от лиц, чьи права и законные интересы затрагиваются его действиями.

Так же становится очевидным, что розыск и установление всех лиц, чьи права и законные интересы могут быть затронуты в ходе исполнительного производства является практически неразрешимой задачей, помимо прочего, это существенно затормозит исполнение по исполнительным документам.

Третьи лица в исполнительном производстве должны быть наделены достаточными правами, обеспечивающими защиту их прав и интересов.

Представляется обоснованным определить круг прав и обязанностей третьих лиц в исполнительном производстве, либо по аналогии со статьями 42 и 43 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации¹ в исполнительном законодательстве, либо дополнить необходимыми нормами исполнительное законодательство, так как и те, и другие лица имеют материально-правовую и (или) процессуально-правовую заинтересованность.

¹ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 17.10.2019). [Электронный ресурс] // URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 05.11.2019).

Однако, исходя из правил установленных в статьях 42 и 43 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, третьи лица, заявляющие, либо не заявляющие самостоятельные требования относительно предмета спора, могут вступить в дело до принятия судебного постановления судом первой инстанции. А процесс исполнительного производства происходит уже после вступления в законную силу судебного постановления суда первой инстанции.

Кроме того, третьи лица, вступившие в дело в соответствии со статьями 42 и 43 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, после вступления в законную силу судебного постановления либо становятся стороной исполнительного производства, либо получают отказ в удовлетворении своих требований и в таком случае, не в праве далее защищать свои материально-правовые интересы.

Также следует отметить отсутствие отсылочных норм в Федеральном законе «Об исполнительном производстве» к гражданскому процессуальному законодательству, с указанием оснований для участия третьих лиц в исполнительном производстве.

Таким образом, права и обязанности третьих лиц, предусмотренные статьями 42 и 43 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, не могут быть применены по аналогии для третьих лиц в исполнительном производстве.

Думается, что правовое положение третьих лиц в исполнительном производстве должно соответствовать правовому положению должника и взыскателя, имеющих целый комплекс прав, принадлежащих в равной степени обеим сторонам при совершении исполнительных действий. При этом, безусловно, необходимо исключить права и обязанности присущие непосредственно должнику и взыскателю, которые связаны с возбуждением, развитием и прекращением исполнительного производства.

Например, возбуждение исполнительного производства, как правило, осуществляется путем предъявления взыскателем исполнительного документа к исполнению с одновременной подачей судебному приставу-исполнителю заявления соответствующего содержания. Взыскатель, в свою очередь, вправе просить об отложении исполнительных действий, о возвращении исполнительного документа, отказаться от взыскания. Должник может добровольно исполнить исполнительный документ полностью или частично; у сторон есть возможность заключить мировое соглашение и т.д.

Также, необходимо исследовать реальную (фактическую) возможность использования третьими лицами в исполнительном производстве таких прав, которые предоставлены должнику и взыскателю как, например: право участия в совершении исполнительных действий. Так как необходимость и возможность участия третьих лиц в исполнительном производстве определяется с момента

совершения определенных действий судебного пристава-исполнителя.

В таком случае, возникает вопрос: обязан ли судебный пристав-исполнитель (например, при аресте имущества) заранее извещать таких лиц о предстоящих исполнительных действиях, обеспечивая их право на участие в совершении исполнительных действий, в то время как они еще не являются третьими лицами в исполнительном производстве, но могут стать ими в результате совершения предстоящих исполнительных действий.

Мы полагаем, что указание на обязанность извещения третьих лиц, заявляющих или не заявляющих самостоятельные требования, должна быть предусмотрена исполнительным законодательством. Поскольку права ранее привлеченных к участию в гражданском или арбитражном процессе третьих лиц могут быть затронуты также и на стадии исполнения судебного решения.

Совершение исполнительных действий, в результате которых возникает необходимость и возможность участия третьих лиц в исполнительном производстве, возможно в отсутствии указанных лиц.

Однако, на судебного пристава-исполнителя, если ему стало известно об обстоятельствах наличия указанных лиц, в таких случаях, должна возлагаться обязанность известить о совершенных исполнительных действиях лиц, чьи права и интересы могут быть затронуты его действиями.

После чего лица, которые считают, что их права и законные интересы затронуты действиями судебного пристава исполнителя, если считают необходимым, должны иметь право вступления в исполнительное производство в качестве третьих лиц в исполнительном производстве, либо права письменного обращения к судебному приставу-исполнителю, для реализации и защиты всех прав в пределах процессуально-правового статуса третьих лиц в исполнительном производстве.

Литература

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 17.10.2019). [Электронный ресурс] // URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 05.11.2019).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 18.07.2019). [Электронный ресурс] // URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 05.11.2019).
3. Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ (ред. от 17.10.2019) «Об исполнительном

производстве». [Электронный ресурс] // URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 05.11.2019).

4. Грачев В.В. Проблемы обращения взыскания на имущество, переданное в доверительное управление. // Проблемы гражданского права и процесса. 2019. № 9. С. 38–51.
5. Кузнецов Е.Н. О некоторых проблемах исполнительного производства по делам, возникающим из жилищных правоотношений. // Российский юридический журнал. 2018. № 4.
6. Минибаев М.Ф. Третьи лица в третейском разбирательстве // Третейский суд. 2005. № 6 (42).
7. Шматов М.А. Оспаривание постановлений, действий (бездействия) судебного пристава-исполнителя в судебном порядке. // Гуманитарные научные исследования. 2016. № 1 (53). С. 138–140.

THIRD PARTIES IN ENFORCEMENT PROCEEDINGS

Perepelova K.A.

All-Russian State University of Justice

The author draws attention to the problem of the participation of third parties in enforcement proceedings. The basis is taken by the norms of civil law and enforcement proceedings as special.

The article attempts to determine the substantive and procedural status of «third parties in enforcement proceedings». Given that third parties in enforcement proceedings may have no legal or other interest in the enforcement proceedings themselves, it is also proposed to indicate: 1) the range of rights that protect their interests; 2) the status of third parties in the process of enforcement proceedings; 3) the prerogatives of ensuring the status of third parties in enforcement proceedings; 4) a set of intra-branch procedural and legal means of influence in this status; 5) the procedure for recognizing these persons as third parties in enforcement proceedings.

Keywords: third parties, enforcement proceedings, rights of third parties, parties to enforcement proceedings, protection of the rights of third parties, actions of a bailiff.

References

1. The Civil Procedure Code of the Russian Federation dated November 14, 2002 No. 138-FZ (as amended on October 17, 2019). [Electronic resource] // URL: <http://www.consultant.ru/> (accessed: 11/05/2019).
2. Civil Code of the Russian Federation (part four) dated 12/18/2006 No. 230-FZ (as amended on 07/18/2019). [Electronic resource] // URL: <http://www.consultant.ru/> (accessed: 11/05/2019).
3. Federal Law dated 02.10.2007 No. 229-FZ (as amended on 10/17/2019) “On Enforcement Proceedings”. [Electronic resource] // URL: <http://www.consultant.ru/> (accessed: 11/05/2019).
4. Grachev V.V. Problems of foreclosure on property transferred to trust. // Problems of civil law and process. 2019.No 9. P. 38–51.
5. Kuznetsov E.N. About some problems of enforcement proceedings in cases arising from housing relations. // Russian Law Journal. 2018. No. 4.
6. Minibaev M.F. Third parties in arbitration // Arbitration court. 2005. No. 6 (42).
7. Shmatov M.A. Challenging decisions, actions (inaction) of the bailiff in court. // Humanitarian research. 2016. No. 1 (53). P. 138–140.